

ЗНАКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

человека и ее отражение в языке

Кочкарёва И.В.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

И.В.Кочкарева

**ЗНАКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ
В ЯЗЫКЕ**

монография

Пермь 2010

УДК 81:811.11

ББК 81:81.2 Англ

К 75

Кочкарева И.В.

К 75 Знаковая деятельность человека и ее отражение в языке / И.В.Кочкарева; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 184 с.

ISBN 978-5-7944-1440-0

Монография посвящена анализу знаковой деятельности человека. Автор рассматривает основные семиотические понятия: знак, знаковая ситуация, фрейм знакоприсвоения, отношение означивания. Анализируется проблема классификации знаков. Впервые на материале современного английского языка исследуются лексические средства выражения знакового отношения. Материал монографии может быть использован на занятиях по языкознанию, по лексикологии современного английского языка, а также на занятиях по семиотике.

Рекомендуется студентам языковых специальностей, а также аспирантам и преподавателям, интересующимся проблемами современной лингвистики.

УДК 81:811.11

ББК 81:81.2 Англ

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного университета

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор **Чугаева Т.Н.**, зав. кафедрой иностранных языков и философии Пермского научного центра Уральского отделения Российской академии наук;
кандидат филологических наук **Красавцева Н.А.**, доцент кафедры иностранных языков Пермского института (филиала) Российского государственного торгового-экономического университета

ISBN 978-5-7944-1440-0

© Кочкарева И.В., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИЯ ОТНОШЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ ОЗНАЧИВАНИЯ	10
1.1. Вводные замечания	10
1.2. Знаковая деятельность	13
1.3. Единицы знаковой деятельности	18
1.4. Проблема систематизации знаков	26
1.5. Знаковая ситуация	37
1.6. Фрейм знакоприсвоения	43
ГЛАВА 2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ ОЗНАЧИВАНИЯ И СТРУКТУРНО- СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ С НИМИ.....	49
2.1. Глаголы, передающие отношение означивания.....	49
2.2. Структурно-семантические свойства конструкций с глаголами означивания	57
2.3. Существительные, номинирующие отношение означивания	66
2.4. Структурно-семантические свойства конструкций с существительными означивания	79
ГЛАВА 3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ЗНАКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	91
3.1. Вводные замечания	91
3.2. Человек как знак	94
3.3. Основные семиотические функции говорящего о знаковой деятельности.....	100
3.4. Высказывания, содержащие информацию о знаке	108
3.5. Высказывания, содержащие информацию о смысле знака	120
3.6. Высказывания, содержащие информацию о субъекте знаковой ситуации	128
3.7. Отношение означивания и другие	

отношения	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	163
Список литературы.....	165
Источники иллюстраций	181
Список использованных словарей английского языка	183

Введение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется усилением интереса к антропологическим аспектам языка, к говорящему субъекту. Включение человека в сферу изучения языковых явлений происходит во многих областях научной лингвистической мысли. Тема «Человек и язык» является основополагающей в теории прагматической ориентации языковой системы и речи (Н.Д.Арутюнова, Е.В.Падучева, Ю.С.Степанов), в теории речевых актов и речевой интеракции (Дж. Остин, Дж. Серль, У. Эдмонсон, В.В.Богданов, Г.Г. Почепцов), в теории дискурса (Т.ван Дейк, И.П.Сусов), в теории семантической структуры языка (В.Г.Гак, А.А.Уфимцева), в теории предикативности (В.В.Виноградов, Г.А.Золотова).

Человек Говорящий – Homo Loquens – стал центральной прагматической категорией современного языкознания. Осознав, что понять и описать язык без Человека Говорящего невозможно, лингвисты направляют свои усилия на создание новой парадигмы философии языка, которая характеризуется тем, что весь язык соотносится с использующим его субъектом.

Следует отметить, что некоторые аспекты, связанные с антропоцентрической направленностью в лингвистике, остаются пока малоизученными. К этому кругу вопросов относится, например, проблематика «наивной семиотики». В своей повседневной жизни человек постоянно использует что-то одно в качестве знака чего-то другого. Знаковая деятельность является естественной для человека, совершается им «автоматически». Человек как бы не замечает того, как он создает, творит знаки, но, тем не менее, осознает этот вид своей деятельности, говорит о знаках. В настоящем исследовании сделана попытка проанализировать, что и как говорят обычные люди, «наивные семиотики», о своей знаковой деятельности. Примеры для анализа были отобраны методом сплошной выборки из произведений англоязычной художественной литературы.

Всякий, кто приступает сегодня к осмыслению понятия знака, неизбежно сталкивается с характерной ситуацией, когда

огромный объем конкретных и общих знаний, выработанных за столетия изучения знаков и языков в различных областях науки, проявляется в виде большого числа концепций, весьма различно трактующих само понятие знака и сферу его применения. Это понятие находится сейчас в фокусе внимания многих отраслей научного знания, как гуманитарного, так и естественного. Логика и гносеология, эстетика и искусствознание, кибернетика и теория информации, а также многие другие дисциплины так или иначе используют понятие знака, выделяя в нем прежде всего те аспекты, которые наиболее существенны и интересны для данной науки. Неудивительно, что в такой ситуации знак трактуется разным и авторам и далеко не однозначно, и за общим термином скрывается порой уже не одно, а целый ряд различных понятий.

Задачу обобщения и интеграции понятийных моделей знаков, сложившихся в разных научных дисциплинах, призвана решать общая теория знаков и знаковых систем. Однако имеется несколько вариантов такой общей теории, опирающихся на различные философские и методологические принципы, исходящие из практики толкования понятия «знак» в различных сферах науки и придающих ему различную степень общности. Таковы прежде всего «семиотика» Ч.Пирса и Ч.Морриса [см.: Pierce 1960. V.2; Morris 1971; Моррис 2000; Пирс 2000]; «семиология» Ф. де Соссюра и его последователей [Соссюр 1977; Барт 1975; Бенвенист 1974; Мартине 1963; Греймас, Курте 1983]; «сематология» К.Бюлера [Bühler 1934]; «семантика» Ч.К.Огдена и А.А.Ричардса [Ogden, Richards 1964], С.Уллманна [Ullmann 1962], А.Шаффа [Шафф 1963]; «глоссематика» Л.Ельмслёва [Ельмслёв 1960]; «Философия символических форм» Э.Кассирера [Cassirer 1923-1929. Bd.1-3] и другие версии обобщенной теории знаков и символов [см., в частности: Вартазарян 1973; Ветров 1968; Степанов 1971; Шрейдер 1974; Есо 1972, 1978, 1985; Klaus 1969]. Все эти варианты, имея немало совпадений между собой, в то же время развивают более или менее разные концепции и дают разные интерпретации исходного понятия знака, нередко существенно расходясь в определении объема и содержания данного понятия.

Неустойчивость критериев знаковости и связанная с ней пестрота толкований понятия знака создают ситуацию, в которой, по выражению А.Ф.Лосева, «может быть, только обыватель продолжает понимать, а специалисты уже давно утратили точное и единообразное понятие знака, в результате чего возникают споры в тех областях науки, которые раньше считались самоочевидными» [Лосев 1976: 89].

Как метко заметил А.Ф.Лосев, «обыватель», т.е. «наивный семиотик», простой человек, не специалист в области семиотики, тем не менее, свободно оперирует основными семиотическими понятиями, использует их в своей повседневной знаковой деятельности.

Без большого преувеличения можно сказать, что человек находится постоянно в состоянии осмысления, понимания, интерпретации знаков. Большой частью он не замечает этого. Как уже говорилось, таковая деятельность совершается естественно, автоматически, как и другие виды активности — дыхание, зрение. Тем не менее, человек осознает, что он Человек Мыслящий, Знакотворящий, и часто говорит об актах означивания. Он имеет представление о знаковой ситуации (имеет фрейм означивания).

Поскольку семиотическая активность человека является его постоянным и естественным состоянием, то богатый материал, описывающий ее, можно найти в художественной литературе. Ниже будут анализироваться высказывания — отрезки текста, описывающие знаковую ситуацию, в которых акт означивания вербально обозначен, назван. При этом об акте означивания может говорить сам герой или об актах означивания, совершаемых героем, говорит автор. И в том и в другом случае высказывание строится по формуле: «увидел/услышал нечто — понял, что это — знак чего-то».

Реальная знаковая ситуация предполагает наличие мыслительного (нозтического) акта означивания; субъекта, совершающего этот акт; предмета, явления, действия и т.д., воспринимаемого в качестве знака, и результата означивания — смысла знака. Очевидно, что в рассматриваемой ситуации две составляющих относятся к физическому, материальному миру — это субъект и знак, а две составляющих к ментальной сфере —

это акт означивания и смысл. В данном исследовании будут рассматриваться ситуации «первоначального, первичного» означивания, «первичного» с точки зрения героя и в определенном смысле его опыта. Человек впервые что-то воспринимает и осмысливает в качестве знака (но не в том смысле, что он первый раз совершает акт означивания). При этом знаки, которыми он оперирует, не являются конвенциональными и, общепринятыми:

(1) «You not take coffee with us?» asked Jan.

«No, I must look after my visitor», said Rosa. She laid a book down on the dressing-table. «You may need this too».

As the door closed, Jan picked up the book. It was a Polish-English dictionary. He made a face. «That mean she is angry», he said. [27, p.145].

Действующими лицами рассматриваемой ситуации являются молодой поляк, недостаточно хорошо владеющий английским языком, и его знакомая Роза, которая недовольна поведением Яна, но пытается скрыть свое недовольство, стараясь быть такой же предупредительной, как обычно. Несмотря на это, молодой человек воспринимает и интерпретирует ее действия (то, что она не захотела остаться и принять участие в разговоре в качестве переводчицы, оставив вместо себя словарь) как знак того, что она рассержена. Используя глагол «mean» в своей реплике, он задает смысл действиям Розы, которые квалифицируются им как знак, и тем самым совершает акт означивания.

В данном исследовании предпринята попытка провести комплексный анализ высказываний об акте означивания, т.е. рассмотреть их семантические, структурные и функциональные особенности. Представляется, что подобный анализ логичнее всего начать с рассмотрения основных семиотических понятий – «знак», «знаковая деятельность», «знаковая ситуация», «фрейм знакоприсвоения», «отношение означивания». Этому и будет посвящена глава 1 настоящего исследования. Далее будут рассмотрены лексические средства выражения отношения означивания – глаголы и имена существительные со значением «значить, быть знаком», номинирующие указанное отношение в современном английском языке, а также структурно-

семантические особенности конструкций с ними (глава 2). В заключительной главе будут проанализированы функциональные особенности высказываний об актах означивания.

ГЛАВА 1

КАТЕГОРИЯ ОТНОШЕНИЯ И ОТНОШЕНИЕ ОЗНАЧИВАНИЯ

1.1. Вводные замечания

В объективной действительности все предметы и явления находятся в определенных отношениях. Понятие отношения всеобъемлюще и характеризует все аспекты нашего бытия. Отношение – это одна из форм, один из необходимых моментов взаимосвязи предметов, явлений, процессов в природе, обществе и мышлении, обусловленной материальным единством мира.

Проблема отношения является одной из основных в современном научном познании. Значение понятия отношения для познания окружающего мира с предельной широтой выражено Гегелем. «Существенное отношение, — писал он, — есть определенный, совершенно всеобщий способ явления. Все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования» [Гегель 1975: 301].

Категория отношения и связанные с ней понятия не раз исследовались представителями самых разных наук. В соответствии с философской точкой зрения отношения так же реальны, как и предметы и явления [Уёмов 1963: 49]. Отношение есть всегда отношение вещей, проявляющееся в их свойствах. Диалектика вещи, свойства и отношения состоит в том, что не существует отношений помимо вещей, как не существует и вещей, их свойств вне отношений. Философская категория отношения отражает свойство сохранения взаимозависимости в вещах, процессах, явлениях [Свидерский, Зобов 1979: 92].

Логика изучает различные виды взаимозависимости элементов определенных систем – отношения конъюнкции и дизъюнкции, подчиненности, внеположности, равнозначности, соподчиненности, противоположности, противоречия. Отношения между объектами и событиями действительности сводятся в логике к отношению предшествования, порядка, квазипорядка, соответствия, к отношениям классов, причинности, следственности, уступительности, условности, целенаправленности. Логика рассматривает отношение как

многочестный предикат особого рода, «приписываемый сразу двум или нескольким вещам вместе и ни одной из них в отдельности» [Уёмов 1963: 53]. Отношения между предикатом и его аргументами описываются с помощью логических формул типа $P(x, y)$; $P(x, y, z)$, где P – символ предиката, а x, y, z – символы аргументов. Данная формула представления отношений была заимствована из символической логики лингвистами, так или иначе обращающимися к изучению отношений.

Изучение категории отношения в лингвистическом аспекте дает возможность определить закономерности отражения в языке картины мира и жизни человека в мире. Абстрагированные от предметов и явлений и познанные человеком отношения, превращаясь в самостоятельный объект мысли, фиксируются, как и все реальное, в языке.

Одним из таких отношений является отношение означивания. Означивание – это процесс, в ходе которого какой-либо предмет, событие, явление наделяется статусом знака, т.е. выступает в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения, отсылает к нему, сигнализирует о нем [ФЭС 1983: 191]. Отношение означивания устанавливается между «означаемым» и «означающим», которые в акте означивания разведены, существуют раздельно. («Знак – одновременно и единство, и разрыв означаемого и означающего» – Шингарева 1987: 13.)

Важность процесса означивания, или знаковой деятельности трудно переоценить. Ни одна из форм человеческой деятельности, включая и мыслительную, не может обойтись без знаков. Становление и развитие каждой конкретной человеческой личности, развитие человеческой культуры вообще возможно лишь в условиях широкого применения знаков и знакотворчества. Современный человек ориентируется в предметном мире и взаимодействует с другим и людьми с помощью разнообразных систем знаков. Определяя роль знаков в человеческой деятельности, известный советский психолог Л.С.Выготский писал: «Если основная и самая общая деятельность больших полушарий у животных и человека есть сигнализация, то основной и самой общей деятельностью человека, отличающей человека от животного с

психологической стороны, является сигнификация, т.е. создание и употребление знаков. Мы берем это слово в самом буквальном и точном значении. Сигнификация есть создание и употребление знаков, т.е. искусственных сигналов» [Выготский 1983: 111].

Владение языком является лишь одним из проявлений общей способности человека к созданию и использованию знаковых средств, к знаковой деятельности.

Отношение означивания является одним из наиболее важных, систематически повторяющихся и жизненно необходимых видов ментальной деятельности, который фиксируется в языковых единицах. Для того чтобы выяснить сущность данного отношения, его место среди других отношений, необходимо проанализировать, что собой представляет знаковая деятельность, в ходе которой устанавливается отношение означивания. В свою очередь, знаковая деятельность реализуется в знаковых ситуациях, в которых раскрываются свойства знаков. Уточнив понятия «знаковая деятельность», «знаковая ситуация», выяснив соотношенность единиц знаковой деятельности (понятий знака, признака, символа, сигнала), мы вернемся к анализу отношения означивания и его места среди других содержательных отношений.

1. 2. Знаковая деятельность

Понятие «деятельность» рассматривается в философии как категория, имеющая методологическое значение. В «Философском энциклопедическом словаре» оно определяется как «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет его целесообразное изменение и преобразование» [ФЭС 1983: 151].

В философской и психологической литературе указывается, что в качестве объекта деятельности могут выступать не только природные предметы, но и предметы культуры, идеальные объекты, люди.

Среди важнейших характеристик деятельности указываются ее предметность и осознанность. Осознанность рассматривается как результат сознательно формулируемой цели, средств, процесса и продукта деятельности. Постановка цели определяется сферой человеческих мотивов, идеалов и ценностей.

Другой важнейшей характеристикой деятельности выступает предметность. Предметность деятельности обнаруживает себя в том, что деятельность подчиняется или уподобляется свойствам, явлениям и отношениям независимо от ее предметного мира. Поэтому предметность выступает как универсальная пластичность деятельности, как ее возможность отражать в себе объективные качества предметов, среди которых действует субъект [Давыдов 1986: 220].

Данные характеристики относятся и к деятельности со знаками. М.В.Гамезо пишет в связи с этим о том, что «предметность человеческой деятельности соединяет в себе два качественно различных уровня: предметность познаваемой природы и предметность знаков во всем их разнообразии (начиная от признаков реальных объектов познания, до предельно абстрактных знаков и знаковых моделей)» [Гамезо 1977: 23]. По мнению Н.Г.Салминой, предметность знаковой деятельности обладает существенной особенностью, специфика которой заключается в том, что знаковая деятельность всегда включает два плана: замещаемую реальность, различно актуали-

зируемую в различных видах деятельности, и замещающие средства [Салмина 1988: 75].

Насколько правомерно и целесообразно подходить к оперированию знаками и как к деятельности?

Рассматривая исходные принципы деятельностного подхода к научному познанию, В.С.Швырев специально останавливается на критериях отнесения действий человека к деятельности. Он отмечает, что описание того, как люди действуют, не означает описания их действий как деятельности. ««Дела» для того, чтобы выступить для нас как проявление деятельности, а не просто как формы «окультуренного поведения», должны быть взяты в целостном контексте социокультурного исторического творчества, как определенный способ решения задач и проблем, с которыми сталкивается общество» [Швырев 1984: 81]. С этой точки зрения оперирование знаками по своему содержанию носит общенаучный характер. Еще более важным для понимания оперирования знаками как деятельности является то, что оно имеет всеобщий характер, не зависящий от специфики конкретной деятельности.

В качестве психологических критериев отнесения того или иного оперирования знаками к деятельности выделяется наличие структурных (мотив, цель, средства, результат, операции) и функциональных (ориентировочной, исполнительной и контрольной) компонентов деятельности. Анализ, проведенный психологами, показывает, что оперирование знаками включает в себя перечисленные компоненты, и это дает основание рассматривать его как особый вид деятельности [Смирнов 1985].

Все это позволяет ввести понятие «знаковая деятельность», содержание которого составляет процесс создания и употребления человеком знаков в качестве средств, при помощи которых планируется и происходит деятельность как в предметной (материальной), так и в абстрактной (идеальной) формах. О значении знаковой деятельности в жизни человеческого общества А.А.Леонтьев писал: «Для нас понятие знака неотделимо от понятия «знаковая деятельность», существование и употребление знаков не просто направляет

соответствующим образом человеческую деятельность, а является ее необходимым звеном, ее конституирующим элементом, без которого эта деятельность перестает, собственно говоря, быть человеческой, теряет свой психологический статус» [Леонтьев 1965: 23].

Особая способность создавать знаки возникла у человека из потребности общения. «Знаковая практика» человека начиналась с выделения сигнальной функции различных признаков самого окружающего мира. Явления окружающего мира интерпретировались как знаки других явлений, связанных с ними разного рода отношениями. В дальнейшем возникла необходимость создавать искусственные знаки, специально предназначенные для решения коммуникативных и познавательных задач.

Предметно-практическая деятельность детерминирует генезис и структуру человеческой психики, в том числе освоение знаковых систем. Знаковая деятельность зарождается в предметно-практической деятельности, выявляется и фиксируется в исторически сложившихся формах духовной культуры и, развиваясь, приобретает разные виды.

Способность человека использовать и создавать знаки проявляется еще на доречевой стадии развития. Вот что пишет по этому поводу Э.Сепир: «...истоки речи, очевидно, восходят к способности высших обезьян решать ряд задач посредством выведения общих форм или схем из деталей конкретных ситуаций. Привычка истолковывать некоторые отобранные элементы ситуации в качестве знаков желанного целого могла постепенно привести первобытного человека к неясному ощущению символизма, а затем на протяжении длительного времени и по причинам, которые едва ли удастся отгадать, среди тех элементов опыта, которые чаще всего истолковывались в символическом смысле, оказалась голосовая деятельность» [Сепир, 1993: 230—231]. Таким образом, в онтогенезе человека имеется два этапа осмысления внешнего мира – доречевой и речевой (вербальный). Вербальный этап развивается на базе доречевого, который образует предметно-образительный код мыслительной деятельности [Кузьменко-Наумова 1980: 19]. Как отмечает Э.Сепир, «язык как

деятельность есть чудесное слияние двух организующих систем (pattern systems) — символической и экспрессивной. Поэтому должна быть сделана попытка увидеть в языке постепенно развившийся продукт особой техники или тенденции, которую можно назвать символической» [Sapir 1966: 14—15].

Ребенок появляется на свет с уже врожденным сигнализационным механизмом общения. Сначала он общается со взрослым с помощью жеста и голофразы. Постепенно у него формируется функция предикации, которая символична по своей структуре. Ребенок переходит к созданию предложений. Классификация этих предложений привела ученых к созданию термина «глубинные структуры» [Н.Хомский 1965: 34—65]. Анализ этих структур убеждает, что они создаются на основе сенсомоторных схем, по аналогии с бессознательными умозаключениями, присущими предметному мышлению [Исенина 1986: 112]. Эти сенсомоторные схемы вскрыл и подробно проанализировал Жан Пиаже.

В работах Ж.Пиаже показано, что усвоение языка маленьким ребенком, которое начинается с овладения знаковой функцией языковых знаков (Ж.Пиаже называет эту функцию символической), происходит на основе символической функции предметов, которую ребенок открывает и усваивает в процессе деятельности с этими предметами. Иначе говоря, предметная деятельность ребенка на самых ранних этапах онтогенеза детерминирует формирование его интеллекта, определенный уровень развития которого (овладение символической функцией предметов для нужд мышления) создает базу для овладения языком как более удобной и универсальной системой знаковых средств [Пиаже 1984, 1986].

Исследователи психического развития ребенка в онтогенезе единодушно отмечают, что дети вначале овладевают индексальными и дейктическими функциями знаков и лишь на следующих стадиях развития начинают осваивать более сложные знаковые средства [см., например: Пиаже 1932: 178—180, 213; 1986: 262; Валлон 1967: 155; Блонский 1979: Т.2, 227—232; Лурия 1979: 57; Салмина 1988: 112—119]. При этом в освоении семиотических средств разной степени сложности наблюдается характерная последовательность — переход от

указательных знаков, через наименования, к развернутым словесным обозначениям [Брунер 1977: 348—350]. Соответственно, ребенок последовательно овладевает индикативной, номинативной и сигнификативной функциями речи – по Л.С.Выготскому [Выготский 1982: Т.2, 114, 166, 182].

Аналогичная последовательность при освоении знаковых средств в процессе исторического развития языка и мышления выявляется и исследованиями историков культуры и языка. Неотделимая на первых порах от жестикуляции, где доминируют сигнально-индексальные функции, речь со временем высвобождается от обязательной включенности в рамки наличной ситуации. Как констатирует Э.Кассирер, «мы можем всегда проследить в строении языка, как предикативная функция вырастает из дейктической и лишь постепенно, шаг за шагом, от нее отходит» [Cassirer 1929; 386—387].

Естественный язык занимает особое место среди знаковых систем, создаваемых и используемых человеком. Он является необходимой ступенью, основой для существования всех других семиотических систем. Вместе с тем, языковые знаки являются лишь одной разновидностью знаков, используемых человеком. Помимо знаков в собственном смысле слова, единицами знаковой деятельности являются признаки, символы и сигналы. Рассмотрим их соотношение.

1.3. Единицы знаковой деятельности

Научный интерес к знакам и знаковым системам возник давно. Первые попытки осмысливания познавательной роли знаков обнаруживаются уже в философских трактатах древнегреческих мыслителей – Платона, Аристотеля, Хрисиппа. Из понятия знака им плицитно исходили в своих научных спорах о сущности вещей и их наименований номиналисты и реалисты – последователи двух диаметрально противоположных философских направлений Средних веков. Большое значение анализу знака уделяли мыслители XVII–XVIII веков (Локк, Гасенди, Лейбниц, Кондильяк и др.). С конца XIX века изучение вопросов теории знака приобрело актуальность в связи с развитием лингвистики и математической логики. Проблемой знака серьезно занимались классики сравнительного и типологического языкознания. Наконец, в 1938 году вышла из печати книга американского философа Ч. Морриса «Основы теории знаков», положившая начало систематическим исследованиям знаков и знаковых систем и утвердившая семиотику как самостоятельную научную отрасль.

В настоящее время проблема знака разрабатывается целым рядом наук (философией, логикой, психологией, лингвистикой и др.), каждая из которых выделяет в ней свои аспекты. Несмотря на обширную литературу о знаковых системах и знаках, единства мнений о том, что такое знак и каковы его свойства, до сих пор нет. Многообразие взглядов на проблему знака объясняется сложностью и многоаспектностью этого вопроса, а также значительными трудностями его изучения: знаки, знаковая деятельность непосредственно связаны с категорией значения, с духовной, мыслительной деятельностью людей, т.е. относятся к области явлений, не поддающихся прямому наблюдению или измерению.

В настоящее время существует три базовых семиотических теории знака: логическая (Г. Фреге), прагматическая (Ч. Пирс, Ч. Моррис), лингвистическая (Ф. Де Соссюр). При этом относительно лингвистических знаков сформировалось три направления: референциальное

(А.А.Уфимцева, Е.В.Падучева), коммуникативное (Р.Якобсон, Ю.С.Степанов, Н.Д.Арутюнова), лингво-коммуникативное (Г.П.Мельников, Р.Г.Пиотровский). На этой основе возникают теории знака в конкретных науках (лингвистике, информатике, литературоведении, кибернетике и т.д.), где решаются проблемы функционирования знаков в определенной научной парадигме.

В литературе, посвященной проблеме знака, существует большое количество определений знака, учитывающих его различные типы и аспекты¹. Общие принципы знаковых концепций были сформулированы на основе анализа свойств естественного языка. В дальнейшем они стали распространяться и на другие знаковые системы. При этом наряду с термином «знак» употребляется ряд других терминов: «символ», «эквивалент», «репрезентант», «обозначающее» или «означающее» – без достаточно четкой их дифференциации и указания отношений между ними.

Отмеченные расхождения наиболее рельефно проявляются при сопоставлении интерпретации понятия «знак» в двух основных вариантах современной теории знаков – семиотики Пирса–Морриса и семиологии Соссюра. Эти различия проистекают прежде всего из несовпадения профессионального взгляда на знаки (логико-философского в первом случае и лингвистического – во втором). Отсюда вытекают и различия признаков, принимаемых за наиболее существенные для знаков, что не может не влиять на объем и содержание понятия «знак» в каждой из этих концепций.

Семиотика Пирса и Морриса рассматривает «знак» как гораздо более широкое понятие, чем это делает семиология Соссюра. Пирсово понятие знака может быть применено практически к любому средству передачи или приема информации, используемому неким интерпретатором. «Знак, или *репрезентамен*, — пишет Пирс, — есть нечто, которое

¹ Подробную библиографию по данной проблеме и анализ основных точек зрения см. в книге: Чертов Л.Ф. Знаковость. Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. С.-Пб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. – 388 с.

представляет (stands <...> for) кому-либо что-либо в некотором отношении или качестве» [Peirce 1960: V.2, 135]. К знакам он относит не только единицы вербальной речи или математические символы, но и всевозможные изображения, диаграммы, модели, а также мысленные и чувственные образы, коль скоро удастся рассматривать их как средства репрезентации объекта.

В семиологии Соссюра знак определяется гораздо уже – как «соединение понятия и акустического образа» [Соссюр 1977: 100]. В отличие от Пирса, Соссюр подчеркивает отнесенность знака к психике, утверждая, что языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический (или вообще чувственный) образ. Такое понимание знака как психической сущности противостоит древней логико-философской традиции, представленной и в семиотике Пирса и Морриса, рассматривающей знаки как объективные явления, которые репрезентируют другие подобные явления.

Но и с поправкой на эти различия разница между понятием знака по Пирсу и по Соссюру остается очень большой. Основной признак знака у Соссюра – произвольность или «немотивированность» связи означающего (чувственного образа) и означаемого (понятия). Этот признак присущ только одному из трех основных типов знаков в концепции Пирса – «знакам-символам», которые, в отличие от «знаков-индексов» (ситуативно связанных с денотатом) или «иконических знаков» (связанных с денотатом отношением подобия), не имеют какой-либо иной связи с объектом, кроме условной конвенции. Отсюда существенное различие сфер приложения знаков: у Соссюра речь идет об особых средствах человеческого общения, вырабатываемых в культуре, семиотика же Пирса и Морриса развивает гораздо более общее понятие знака, распространяемое и на биологические организмы, и даже на искусственные кибернетические системы.

Даже по своей формальной конструкции понятие знака у Соссюра значительно расходится с таковым у Пирса и Морриса: знак, по Соссюру, – «двусторонняя психическая сущность», обе стороны которой – означающее и означаемое – неразрывно связаны друг с другом, подобно двум сторонам листа бумаги

[Соссюр 1977: 99, 145]. В семиотике же Пирса и Морриса знак — это только один из членов, входящих в отношения с другими компонентами семиозиса, ни один из которых не связан с этим членом столь жесткой связью. Каждый из этих компонентов: (1) объект — «денотат», (2) реакция субъекта на знак — «интерпретанта», (3) класс возможных объектов, к которым может быть отнесен данный знак, — «десигнат», — в семиотике Пирса и Морриса может быть рассмотрен как «значение» знака [Моррис 1983[a]: 74].

Противоположность между этими двумя крайними точками зрения смягчается у некоторых других авторов, ищущих пути совмещения теорий знаков Пирса и Соссюра. Таковы, например, исследования Р.Якобсона, в которых характерные для семиологии Соссюра представления о структурной целостности знаковой системы соединяются с идеями Пирса о наличии в языке не только конвенциональных, но и иконических, и индексальных знаков [см.: Якобсон 2001: 111—129]. В этой же связи можно назвать и работы У.Эко, который исходит из единства сигнификативных и коммуникативных функций знака и, отправляясь от понятия знака у Пирса, совмещает с ним характерную для семиологии Соссюра идею о зависимости знаковой связи от культурного кода. Эко приходит в конце концов практически к такому же пониманию знака, которое развивали в структурной лингвистике Ф. де Соссюр и Л.Ельмслёв [см.: Eco 1984: 45].

Таким образом, можно выделить два понимания термина «знак». Во-первых, широкое значение, когда термин «знак» является родовым по отношению к его разновидностям. При таком подходе любой заместитель, любая «форма выражения мысли или вещи» выступает как знак [Мантатов 1980]. При таком подходе виды знаков различаются в зависимости от характера отношения знака к означаемым объектам. Так, классификация Ч.Пирса все знаки делит на иконические (копии объекта), индексы (признаки объекта) и символы (связь знаков с объектом условна) [Peirce 1960].

Во-вторых, знак в узком понимании, в данном случае он является видовым понятием наряду с символом. Так, Л.О.Резников для репрезентации, основанной на сходстве, предлагает использовать термин «изображение», а для репрезентации, не основанной на сходстве, — термин «знак» [Резников 1964]. В соответствии с этой точкой зрения, восходящей к Ф. Де Соссюру, Ж.Пиаже и др., выделяются

индексы (недифференцируемые от своих обозначаемых объектов, являющихся их частью), символы (дифференцированные от обозначаемых, но сохраняющие с ними сходство) и знаки (дифференцируемые от своих обозначаемых, но условные, произвольные). При таком подходе подчеркивается различие между символом и знаком.

В данной работе термин «знак» употребляется в широком смысле, т.е. знаковая деятельность рассматривается как деятельность с различного рода знаково-символическими средствами.

Такой подход, как нам представляется, наиболее приемлем с точки зрения целей и задач настоящего исследования, поскольку предметом нашего анализа являются высказывания, сделанные не специалистами в области семиотики – психологами, философами, логиками, лингвистами, а обычными людьми, «наивными семиотиками». Не каждый человек может провести четкую грань между знаком, признаком, сигналом, симптомом, символом, индексом и т.п. И, тем не менее, каждый нормальный человек ежедневно осмысливает происходящее вокруг него, погружаясь в стихию знаковой деятельности и используя основные семиотические понятия чисто интуитивно.

К знакам в широком смысле слова можно отнести признаки, сигналы, симптомы, условные знаки и собственно знаки (языковые знаки) [Шафф 1963; Резников 1964; Уваров 1967; Булыгина 1970].

Как отмечают исследователи, характерным для знаков-признаков (примет, показателей, индексов, симптомов) является то, что они служат познавательным целям, указывая на свойства предметов, причины процессов и т.п. Основная функция этих знаков – познавательно-прагматическая [Резников 1964: 42].

Знаки-признаки называют иногда «естественными знаками», так как их связь с теми предметами, явлениями, на которые они указывают, естественная, объективная.

Знаками другого типа являются сигналы, выполняющие коммуникативно-прагматическую функцию. Отличительным для них является то, что материальные явления способны выполнять функцию сигнализации в пределах организованных

систем (азбука Морзе, дорожные сигналы и т.п.). Сигналы, помимо того что несут информацию, сообщают о чем-то, всегда вызывают реакцию, посредством которой может осуществляться управление соответствующей сигнальной системой. Если знаки-признаки можно назвать субстанциональными знаками, то знаки-сигналы будут операциональными, так как ответная реакция на знак-сигнал, как правило, выступает в виде действия, операции или поведения. Как отмечает Л.А.Абрамян, функцию сигнала в принципе может выполнять любой знак [Абрамян 1967: 127].

К определению знака и символа и их соотношению в литературе существуют различные подходы, в контексте которых термины «знак» и «символ» принимают разные значения¹. Семиотический подход представлен в работах Ю.М.Лотмана, К.Леви-Стросса, Р.Барта, герменевтический – в исследованиях Х.Р.Яусса, Х.Г.Гадамера и других. В логическом словаре символ определяется как «условный чувственно воспринимаемый объект, вещественный, письменный или звуковой знак (подчеркнуто нами. – И.К.), которым человек обозначает какое-либо понятие (идею, мысль), предмет, действие или событие» [Логический словарь 1975: 533].

Мы исходим из следующего различия между этими понятиями: знак обозначает содержание, символ раскрывает его (изображает, выражает отношение к нему) [Салмина 1988: 4]. Функциональное существование символа, согласно Э.В.Ильенкову, заключается в том, что он выступает средством, орудием выявления сути другого чувственно воспринимаемого предмета [Ильенков 1984]. Функциональное существование знака состоит в том, что знак указывает на что-то, отличное от него самого. («Знак – это абстракция указывания как такового» – Гадамер 1988: 480). И в том, и в другом случае мы имеем дело

¹ Обширная библиография по теории и истории понятия «символ» приведена в книге: Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. Об истории теоретического осмысления понятия «символ» в гуманитарных областях знания см.: Аверинцев 1971: 829–831; Гадамер 1988: 116–125; Гилберт, Кун 1960: 167–183, 588–591; Лосев, Шестаков 1965: 240–257.

с процессом замещения объективной реальности с той лишь разницей, что знаки – это обозначения, свободные от контекста, в то время как символы зависят от него [Прибрам 1975: 215]. Эта зависимость заключается в том, что предметы и явления реальности становятся символами благодаря вырванности из закономерной для них ситуации (весы на прилавке – не символ справедливости, а прибор для определения веса) [Ибраев 1981: 27].

В данном исследовании эти различия не существенны. Мы используем термин «знак» в широком значении, объединяя тем самым все множество знаков и символов. Такой подход, в частности, представлен в работах Г.В.Гегеля, который рассматривает символ не как альтернативу, а как особый частный случай знака. «Символ есть прежде всего некий знак» [Гегель 1975: 313]. Символы, по Гегелю, представляют собой такие знаки, которые уже «сами по себе обладают тем свойством, значение которого они должны выражать. (Лев – как символ силы – и сам силен)» [Там же: 314]. Таким образом, символ рассматривается как один из частных случаев знака, что сближается с последующей трактовкой их отношений как вида и рода в семиотике Пирса.

В свою очередь, А.Ф.Лосев описывает явно сигнальные функции в тех классах информационных средств, которые он называет «побудительными» и «внешне-техническими» символами, куда входят и призыв, и команда, и свисток милиционера, и движение дирижерской палочки [Лосев 1976: 195–196].

Как посредник между разными сферами семиозиса символ рассматривается и у Ю.М.Лотмана, который отмечает, с одной стороны, присутствие индексальных и иконических компонентов у символа, а с другой – подчиненность его осмысления культурным конвенциям, благодаря чему в символе «содержание лишь мерцает сквозь выражение, а выражение лишь намекает на содержание» [Лотман 2000: 240–249].

Таким образом, в данном исследовании под знаком мы понимаем материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя некоторого другого

предмета, свойства или явления и используемый для приобретения, хранения, преобразования и передачи сообщений (информации, знаний).

1.4. Проблема систематизации знаков

В литературе уже многократно предпринимались попытки не только описать те или иные типы семиотических средств, но и дать их систематизацию. Построение классификации знаков имеет не только практическое, но и теоретическое значение. Как пишет М.В.Никитин, обогатить содержание предельно общих и абстрактных понятий можно за счет конкретизации – через использование классификации и осуществление типологического анализа разновидностей [Никитин 1974: 28]. Поскольку классификации могут осуществляться по разным основаниям, это создает возможность теоретического построения разных систем.

В настоящее время существует большое количество классификаций знаков, созданных представителями разных наук – философии, логики, лингвистики, психологии, семиотики. При сопоставлении данных классификаций обращает на себя внимание огромная многозначность термина «знак», а также необычайная неустойчивость и даже просто произвольность в терминологических различиях между «знаком», «признаком», «символом», «сигналом» и т.п. На это обстоятельство, серьезно затрудняющее систематизацию знаков, указывают многие ученые [см., в частности, Шафф 1963: 175; Лосев 1991: 247; Чертов 1993: 5–7]. Рассматривая существующие типологии знаков, А.Шафф пишет: «Каждой из этих концепций можно вменить в вину либо недостаток единого принципа деления, либо частичное наложение объемов друг на друга, либо очевидную произвольность этого принципа и т.п.» [Шафф 1963: 185].

В задачи данного исследования не входит построение еще одной классификации знаков. Однако, нам представляется необходимым рассмотреть наиболее известные и общепринятые из существующих классификаций с тем, чтобы выявить основные разновидности знаков, выделяемые современной наукой, а также уточнить их природу, отличительные особенности и функции в знаковой деятельности человека.

Наиболее развернутая систематизация знаков была дана Ч.Пирсом, который выделял около 66 разновидностей знаков, а

также их гибридов и промежуточных подвидов. Ч.Пирс работал над созданием своей классификации более сорока лет, и, по единодушному признанию, предложенная им типология знаков является наиболее всесторонне разработанной, универсальной и тщательно выверенной¹.

Как известно, ядром типологии, предложенной Ч.Пирсом, является деление знаков на: 1) иконические (icon) – основанные на фактическом подобии означающего и означаемого (например, рисунок животного и само животное); 2) индексы (index) – основанные на фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого (например, дым есть индекс огня); 3) символы (symbol) – основанные главным образом на установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого, которая не зависит от наличия или отсутствия какого-либо сходства или физической смежности² [Peirce 1960]. Подвидами иконических знаков Ч.Пирс считал образы (images), в которых обозначаемое представляет простые качества означаемого; диаграммы (diagrams), отражающие отношения частей означаемого; и метафоры (metaphors). Данные подвиды были позднее подробно проанализированы и изучены последователями Ч.Пирса. См., например, работы об образах: Eco 1972; Wallis 1973; о диаграммах: Zeman 1964; Roberts 1973. Иконические функции языка рассматриваются в работах: Jakobson 1965; Valesio 1969; Wescott 1971 и др.

Данная классификация послужила основой других типологий знаков, созданных позднее. В частности, на нее опирался Ч.Моррис, разделивший знаки в соответствии с выполняемыми ими функциями на 1) индексальные (или индексные, указывающие), то есть знаки, которые не характеризуют свой денотат, а лишь приблизительно указывают на его пространственно-временные координаты, и которые не должны быть похожими на то, что они обозначают; 2) характеризующие знаки, которые могут обозначать

¹ Подробный анализ классификации Ч.Пирса содержится в работах: Weiss and Burks 1945; Sanders 1970.

² Данное разделение знаков всесторонне рассматривается в работе: Burks A.W. Icon, Index and Symbol ..., 1949.

(денотировать). По Ч.Моррису, это становится возможным благодаря тому, что знак обнаруживает в себе самое свойства, которыми должен обладать его объект как денотат, и в таком случае характеризующий знак является знаком иконическим (3). Если это не так, характеризующий знак можно назвать символом (4). 5) Кроме того, Ч.Моррис выделял универсальные знаки [Moggis 1938].

Данное деление, помимо функций знаков, опирается также и на другое основание: деление проводится и по объему. Индексальные знаки, по Ч.Моррису, — это единичные знаки, которые могут обозначать только единичный объект (например, конкретное указание жестом); характеризующие знаки могут обозначать множество вещей (например, слово «человек»); универсальные же знаки могут обозначать все (например, слово «нечто»).

Достоинства и недостатки классификации Ч.Морриса неоднократно обсуждались в литературе¹, их подробный анализ не входит в число задач настоящего исследования. Нам важно отметить лишь то, что в рамках знака Ч.Моррис выделяет только сигналы и символы, сознательно придавая этим терминам смысл, отличный от общепринятого.

Среди многочисленных попыток установить типологию знаков особое место занимает классификация, предложенная Э.Гуссерлем. Созданная им система стала исключительно влиятельной и нашла многих последователей среди представителей самых разных наук, так или иначе занимающихся проблемой знака. В своих «Логических исследованиях» Э.Гуссерль произвел принципиальное разделение знаков на 1) указатели (Anzeichen), которые указывают на что-то другое, заменяя его; и 2) выразители (Ausdrücke), то есть знаки sensu stricto, которые имеют значение и потому способны выражать какую-то мысль [Гуссерль 1922].

Данное деление основано на различиях в выполняемых знаками функциях: указатели лишены функции выражения

¹ См., например, работы: Абрамян 1967; Шафф 1963; Spang-Hanssen 1954 и др.

мысли, которую выполняют лишь выразители. По сути, к выразителям, в понимании Э.Гуссерля, относятся языковые, словесные знаки, а к указателям – все остальные.

Подобное разделение знаков (на языковые и неязыковые) лежит в основе многочисленных лингвистических классификаций знаков¹. Лингвистические классификации, сопоставляющие языковые и неязыковые знаки, раскрывают отношения между ними, а также указывают на функции невербальных средств коммуникации. В задачи данной работы не входит подробный специальный анализ специфики языковых знаков и языка в целом как знаковой системы особого рода. Объектом настоящего исследования являются знаки неязыковые, но описанные посредством знаков языковых – предикатов, передающих отношение означивания, и конструкций, организованных данными предикатами. Языковые знаки, таким образом, рассматриваются в работе как знаки знаков, а современный английский язык – как своеобразный метаязык всех прочих знаковых систем, поскольку человек мыслит о знаках на обычном, естественном языке, поскольку только при посредстве языковых знаков осмысливаются и используются все другие знаки, строятся новые знаковые системы. В связи с вышесказанным мы не будем подробно останавливаться на классификациях знаков, разработанных в рамках лингвистики, а ограничимся лишь указанием на невербальные средства коммуникации как особый род знаков, используемый человеком в его семиотической деятельности.

¹ См., например: Bally 1939, а также исследование Sprang-Hanssen 1954, в котором представлен всесторонний обзор работ, посвященных анализу языковых знаков, а также их сопоставлению с неязыковыми, авторами которых являются представители различных лингвистических направлений (Ferdinand de Saussure, deo Weisgerber, Alan H.Gardiner, Karl Bühler, Eric Buysens, Leonard Bloomfield, Louis Hjelmsler) [Chomsky 1979]. В советской лингвистике семиотические проблемы разрабатывались в работах А.А.Белецкого, А.Г.Волкова, Т.В.Гамкрелидзе, В.А.Звегинцева, В.З.Панфилова, Б.А.Серебрянникова, В.М.Солнцева, Ю.С.Степанова, А.А.Уфимцевой и др. (Подробную библиографию см. в: Толмачев 1988).

Представляет интерес классификация средств невербальной коммуникации, данная V.Argule (1977):

1) телесный контакт (*bodily contact*), выступающий в разнообразных формах, — удары, толчки, поглаживания и др.;

2) расстояние между общающимися (*proximity*) — люди стоят ближе к тем, кто им нравится. Когда присутствует несколько человек, расстояние между ними отражает их отношения друг к другу. Изменение расстояния между людьми сообщает о желании начать или закончить общение;

3) ориентация (*orientation*) — угол, под которым коммуниканты сидят или стоят по отношению друг к другу. Ориентация меняется в зависимости от ситуации. Близкие друзья сидят рядом (0°), враги стремятся занять положение друг против друга (180°);

4) внешний вид (*appearance*). Основная цель управления внешним видом — преподнести себя, передать сообщение о себе. Таким образом люди сообщают о своем социальном положении, занятии. Внешний вид информирует также о настроении человека;

5) положение, поза (*posture*) до некоторой степени имеет универсальное значение, как и мимика. Существуют общепринятые условности, конвенции относительно того, какое положение следует принять в той или иной ситуации. Поза может передавать межличностные отношения, указывать на социальное положение. Она меняется в зависимости от эмоционального состояния и поддается контролю значительно меньше, чем мимика или голос;

6) кивок (головы) (*head nods*) обычно действует как подкрепление. Кивок одного собеседника позволяет другому продолжать свою реплику;

7) выражение лица (мимика) (*facial expressions*). Общающиеся обычно стремятся скрыть отрицательные эмоции или отношения. Однако некоторые аспекты эмоционального состояния трудно контролировать: расширение зрачков во время сильного возбуждения, испарину во время волнения, мгновенные выражения скрытых чувств и т.п. Выражение лица часто тесно связано с речью. Слушатель непрерывно комментирует то, что произносит собеседник, еле заметными

движениями бровей, губ высказывая замешательство, удивление, несогласие, удовольствие и т.д. Говорящий также сопровождает высказывание надлежащими выражениями лица, которые используются для того, чтобы показать, что он имеет в виду: смешное, серьезное, важное и т.п.;

8) жесты (*gestures*). Многие сообщают движения рук. Движения головы, ног, других частей тела могут также использоваться, то они менее выразительны. Использование жестов также тесно связано с речью. Говорящий прибегает к ним, чтобы проиллюстрировать то, о чем он говорит, особенно в тех случаях, когда ему не хватает слов или когда описываются предметы особой формы, размеров и т.п. Жесты могут также использоваться самостоятельно, заменяя речь;

9) взгляд (*looking*) играет важную роль в передаче межличностных отношений и установлении контактов. Выражение глаз используется в тесной связи с вербальной коммуникацией;

10) невербальные аспекты речи (*non-verbal aspects of speech*). Различают *просодические* явления (интонация, ударение, соединение – пауза, ритм), которые оказывают влияние на смысл высказывания, и *паралингвистические*, которые сигнализируют об эмоциях, характере, состоянии человека, его принадлежности к определенной социальной группе, что выражается тоном, тембром голоса, особенностями выговора, ошибками и т.д.

Р.Екман (1976) среди жестов различает эмблемы и иллюстраторы. Эмблемы – знаковые действия, имеющие прямой вербальный перевод, обычно состоящий из слова, двух слов или фразы, их точное значение известно большинству или всем членам группы, класса, культуры (кивок как знак согласия, палец у рта как приказ молчать и т.п.). Иллюстраторы – движения, которые тесно связаны с ритмом и значением речи. Они служат тому, чтобы проиллюстрировать то, о чем сообщается на словах. Иллюстраторами могут быть движения, выделяющие слово аналогично ударению в речи, или движения, отбивающие ритм, описывающие форму, указывающие на событие. Эмблемы и иллюстраторы существуют не только среди жестов, но и среди других видов невербальной коммуникации.

Большой вклад в разработку типологии знаков внесли философы. Вслед за Ч.Пирсом и Э.Гуссерлем большинство представителей философии за основу деления знаков приняли функциональный принцип, то есть исходили из роли знаков в человеческом обществе. Классификации, созданные по функциональному принципу, различаются между собой составом функций, а также шириной охвата знаков, реализующих ту или иную функцию.

Л.А.Абрамян исходит из того, что знаки выполняют две функции: интеллектуальную и коммуникативную. В зависимости от того, какую роль призваны играть знаковые системы в жизни общества, он предлагает различать три категории знаковых систем: 1) знаковые системы, которые в одинаковой мере служат как средствами коммуникации, так и средствами интеллектуальной деятельности (естественные языки, состоящие из искусственных, то есть созданных преднамеренно знаков); 2) знаковые системы, выступающие в качестве средства общения (например, азбука Морзе); 3) знаковые системы, используемые как средство интеллектуальной деятельности (например, формализованные языки, изучаемые символической логикой) [Абрамян 1967: 121—122].

Рассматривая неязыковые знаки, функционирующие в обществе, Л.А.Абрамян называет символы (явления, которые обладают своим собственным конкретным, наглядным, образным содержанием) и сигналы. При этом он указывает, что функцию сигнала в принципе может выполнять любой знак [Абрамян 1967: 124—127].

А.М.Коршунов и В.В.Мантатов, сопрягая в своей классификации функцию и содержательную характеристику знака, выделяют 4 категории знаков:

I. Индексы (знак не отделен от объекта): а) симптомы, признаки; б) показания приборов.

II. Иконические знаки (копии): а) схемы, диаграммы, чертежи, карты; б) копии, изображения.

III. Символы (наглядно-образные выражения абстрактных идей и понятий): а) эмблемы, знамена, гербы; б) художественные и графические символы.

IV. Языковые знаки: а) знаки естественных языков; б) знаки искусственных языков [Коршунов, Мантатов 1974: 127].

Очень близкая к данной классификация знаков представлена в «Философской энциклопедии»: I. Языковые знаки (знаки общения): а) знаки естественных языков; б) знаки искусственных языков. II. Неязыковые знаки: а) знаки-копии; б) знаки-признаки; в) знаки-показатели (индексы); г) знаки-сигналы; д) знаки-символы [ФЭ 1962: Т.2, 177].

По функциональному критерию создана и классификация К.Бюлера, который выделяет три типа знаков: 1) знаки-симптомы, несущие функцию выражения, или экспрессии; 2) знаки-сигналы, выполняющие функцию воздействия; 3) знаки-символы, которые реализуют информационную функцию, репрезентируя определенное содержание [Bühler 1934].

Основой типологии А.Шаффа также является функция знаков, но уже в процессе коммуникации. Он выделяет три категории знаков: знаки-признаки (естественные знаки); словесные знаки (искусственные знаки) и собственно знаки (искусственные знаки) – знаки с производной экспрессией, которые, в свою очередь, делятся на сигналы (знаки для чего-то, выполняющие функцию непосредственного влияния на деятельность людей) и замещающие знаки (знаки чего-то, выполняющие функцию субституции). К замещающим знакам А.Шафф относит собственно знаки (содержанием которых являются материальные предметы) и символы (содержанием которых являются абстрактные понятия) [Шафф 1963: 186—198].

Как видим, большинство функциональных классификаций основаны на связи функций знаков с типом отношения обозначающего с обозначаемым. Данное отношение служит основой создания всех общесемиотических типологий знаков независимо от того, рассматриваются ли знаки, используемые только человеком [Jakobson 1970], или знаки, функционирующие как в человеческом обществе, так и в животном мире [Sebeok 1972a; b]¹.

¹ Поскольку наш анализ ограничивается знаками, которые функционируют в семиотической деятельности человека, мы не будем касаться проблемы того, являются ли знаки принадлежностью сугубо

Необходимо отметить, что исследователи, занимающиеся созданием типологии знаков, пришли к следующему выводу: классифицированию должны подвергаться не столько сами знаки, сколько присущие им аспекты (*aspects of signs*), поскольку каждый знак, как правило, включает в себя несколько аспектов. Все знаки в процессе своего функционирования включаются в сложные и многогранные синтагматические и парадигматические оппозиции. В определенный момент в определенном контексте на первый план выходит какой-то один из присущих данному знаку аспектов¹. Так, эмблема – один из видов символа – может проявлять свойства иконического знака; например, флаг США, где семь красных горизонтальных полос, чередующихся с шестью белыми полосами, обозначают первоначальное число образовавших страну колоний, а каждая из пятидесяти белых звезд на синем фоне символизируют штат, входящий в состав современного американского государства. Другой пример: знак-индекс, часы, может становиться символом – Биг Бен [Sebeok 1975].

Все вышесказанное позволяет ученым рассматривать сферу семиотических средств как непрерывный ряд, в котором отдельные дискретные типы можно выделить только с известной мерой огрубления и условности. Так, Г.А. Глотова пишет: «Не лишен смысла вопрос, а можно ли вообще построить сколько-нибудь детальную систематизацию семиотических средств, если учесть, что семиозис есть момент, сторона любого процесса отражения, а тем самым и любого человеческого действия, операции или деятельности, если учесть, что семиозис неразрывно связан с взаимодействием, является проявлением всеобщей связи предметов и явлений материального мира. С этой точки зрения попытка построить систематизацию типов семиотических средств равносильна попытке создать детальнейшую классификацию всей материи в целом (включая все ее свойства). Таким образом, любая систематизация

человеческой коммуникации или могут использоваться также и в коммуникации животных.

¹ Данная точка зрения изложена, напр., в статьях: Ultson 1964; Sebeok 1975; Lotman and Uspenskij 1973; Meletinsky and Segal 1976.

семиотических средств будет в известной мере ограниченной, но это совсем не означает, что она не нужна» [Глотова 1990: 97].

Исходя из целей данного исследования, мы разделим все многообразие знаков на два больших класса: знаки естественных языков и непосредственно производных от них знаковых систем (условно назовем их «языковыми») и знаки семиотических систем, не имеющих прямой связи с естественным языком («неязыковые»). Объектом нашего исследования являются неязыковые знаки, которые, в свою очередь, можно разделить на конвенциональные (общепринятые, понятные большинству представителей данной определенной культуры) и неконвенциональные. Последние и будут в центре нашего внимания, поскольку ниже будут анализироваться лишь ситуации первичного осмысления, первичного создания знака, или первичного означивания. Мы не будем рассматривать ситуации, в которых используются конвенциональные знаки, культурологическая или религиозная символика с уже заданными смыслами (если они не переосмысливаются заново). Вместе с тем, при анализе данного типа знаков нам не обойтись без посредства лингвистических знаков, знаков современного английского языка, так как «только при посредстве словесных знаков осмысливаются и используются все другие знаки» [Абрамян 1967: 118]. Естественный язык – это «метаязык» всех прочих знаковых систем. Человек мыслит о всех логических, математических и других знаках на обычном, естественном языке. «Мы вечно осуждены на то, чтобы информировать о любых данных опыта при помощи слов» [Дорошевский 1973: 99]. Поэтому для анализа отношения означивания, которое устанавливается между неязыковыми знаками и предметами объективной реальности, нам придется рассматривать «следы» этого отношения, зафиксированные как некоторая текстовая реальность. В этом также проявляется особая роль, которую играют знаки естественного языка в знаковой деятельности человека.

Вместе с тем, несмотря на все свои особенности, человеческий язык обнаруживает много общих черт с другими знаковыми системами: «При всей сложности естественного

языка как семиотической системы между ним и другими функционирующими в человеческом обществе аналогичными в смысле семиотизма культурологическими системами при всех различиях есть много общего» [Белецкий 1976: 10].

Одной из общих закономерностей, характеризующих функционирование знаков любой семиотической системы, является обязательное наличие знаковой ситуации. Функционирование знака невозможно вне пределов знаковой ситуации. Это положение безоговорочно принимается всеми исследователями. Однако, остается без определения, что же представляет собой знаковая ситуация. Уточним данное понятие.

1.5. Знаковая ситуация

Термин «ситуация» получил в лингвистической литературе следующее толкование: ситуация – это совокупность (ансамбль) взаимосвязанных предметов, явлений [Гак 1972; Колосова 1972; Сусов 1973], это «фрагмент действительности, осмысленный сознанием» [Тулина 1976: 10]. При этом под элементами ситуации понимаются дискретно выделяемые при ее восприятии предметы, процессы и их признаки [Гак 1972: 80]. Тот или иной элемент принадлежит либо к множеству предметов, либо к множеству признаков [Сусов 1973: 16].

Понятие «знаковая ситуация» было введено Ч.С.Пирсом. Вместо традиционной дихотомии «знак» – «обозначаемый предмет» Пирс ввел семиотическую трихотомию. В терминологии Пирса последняя называется знаковой ситуацией или знаковым процессом. Знаковая ситуация, по Пирсу, представляет собой взаимосвязь трех факторов – знака, его объекта и интерпретанты. Интерпретанта не равна интерпретатору, а представляет собой то, что обеспечивает значимость знака для целого ряда интерпретаторов – идею, вызываемую знаком [Пирс 1960].

Идеи Пирса позднее были подхвачены и развиты Ч.Моррисом. В понимании Морриса знаковая ситуация – это некоторая последовательность событий, представляющих собой семиозис. Семиозисом Ч.Моррис называет «опосредованное принятие во внимание», в котором посредниками выступают знаковые средства. Принятие во внимание – это интерпретанта, действующие лица процессов – интерпретаторы, а то, что учитывается – десигнаты. Моррис ввел различие понятий «десигнат» и «денотат». Десигнат – это то, что принимается во внимание, а денотат – это реальный предмет, обозначаемый знаком. Данное различие связано с тем обстоятельством, что не каждый знак связывается с чем-то реально существующим, ибо «принятие во внимание может иметь место без действительного наличия предметов или ситуаций» [Моррис 1971: 5].

Ч Моррис включал в процесс семиозиса три фактора: то, что действует как знак, то, к чему знак относится, и то воздействие на какого-либо интерпретатора, вследствие которого рассматриваемая вещь является для него знаком. Эти три компонента могут быть названы соответственно закононосителем (sign vehicle), десигнатом (designatum) и интерпретантой (interpretant). По мнению Ч Морриса, интерпретатор (interpreter) может быть включен в семиозис как четвертый фактор [Моррис 1971: 3].

В дальнейшем понятие «знаковая ситуация» стало широко использоваться представителями самых разных наук, так или иначе разрабатывающими проблемы знака, знаковых систем и их функционирования. Необходимо отметить, однако, что несмотря на обилие литературы, посвященной семиотическим проблемам, понятие «знаковая ситуация» до сих пор не получило соответствующего определения. Нет единства мнений относительно сущности и категориальной отнесенности знаковой ситуации, количества составляющих ее элементов. Большинство определений знаковой ситуации было разработано применительно к собственно языковому знаку (см., например, работы Огдена и Ричардса, Э.С.Джонсона, А.Гардинера, А.Шаффа и др.) Необходимо поэтому уточнить и расширить данное понятие.

Являясь одной из исходных абстракций семиотики, понятие знаковой ситуации относится к группе первоначальных понятий науки, дать определение которым либо очень сложно, либо вообще невозможно. В связи с этим ряд авторов считает наиболее целесообразным оставить попытки точного определения данного понятия как задачи, не имеющей однозначного решения, и предлагает считать знаковую ситуацию некоторым сложным понятием, смысл которого раскрывается в конкретных аспектах его употребления. При этом понятие знаковой ситуации поясняется на конкретных примерах [Шрейдер 1974: 4; Кузьменко-Наумова 1980: 18] и др.

Другие исследователи предлагают свои трактовки знаковой ситуации, страдающие либо излишней широтой и обобщенностью (в этом случае знаковая ситуация отождествляется с процессом общения, с коммуникативной

ситуацией – Белецкий 1976:6), либо суживающие данное понятие. Так, в работе Н.А.Слюсаревой процесс интерпретации знака выводится за пределы знаковой ситуации, в результате чего знаковая ситуация рассматривается как идеальный, то есть имеющий место в сознании людей, противочлен процесса общения, компонентами которого являются знак, выступающий как идеальное явление, и смысл [Слюсарева 1967: 274–283].

В зависимости от того, какие тенденции – суживающие или расширяющие – преобладают в трактовке знаковой ситуации, разные исследователи называют разное количество элементов, входящих в состав знаковой ситуации: знак и обозначаемое [Шрейдер 1974: 4], знак, предмет обозначения, адресат [Абрамян 1967: 83], субъект, объект, толкователь знака, знак, обозначаемый предмет [Кузьменко-Наумова 1980: 18], символ (знак), предмет (referent), мысль (reference) [Огден, Ричардс 1953], адресант, адресат, предмет, знак, мысль [Гардинер 1951] и т.д.

Анализируя знаковую ситуацию, исследователи единодушно указывают на то, что она представляет собой не просто совокупность каких-то объектов, а систему элементов, связанных между собой определенными отношениями. Так, авторы книги «Знак и деятельность» А.Ф.Полторацкий и В.С.Швырев считают, что знаковая ситуация включает в себя «отношение человека к знаку, знака к обозначенному предмету, знака к другим знакам, человека к обозначенному предмету и т.д. Все отношения в рамках знаковой ситуации взаимосвязаны и взаимообусловлены. Только в абстракции каждое из них можно выделить для самостоятельного изучения» [Полторацкий, Швырев 1970: 31]. По мнению Н.Г.Салминой, в знаковую ситуацию, помимо отношений между знаком, предметом обозначения и субъектом (адресатом), необходимо включить еще одно отношение – «отправитель» – «получатель», позволяющее отделить знаковую ситуацию от сигнальной [Салмина 1988: 13–14]. Важность этого отношения подчеркивает и А.Шафф, говоря о том, что «знаковая ситуация есть отношение между людьми, создающими знаки (или использующими их)» [Шафф 1963: 230]. Анализируя функциональный состав лингвистического знака,

Е.А.Шингарева рассматривает одиннадцать знаковых отношений, возникающих между семью выделенными ею компонентами знака: отношения отражения материального референта в идеальный образ, отношения формирования понятия, отношения отражения понятия в план выражения и другие [Шингарева 1987: 33—35]. При этом автор, вслед за Р.Г.Пиотровским, включает в компонентный состав знака объект реального мира, обозначаемый в знаке (референт), и в качестве отдельного компонента знака рассматривает прагматику – «внешний вектор, идущий от коммуникантов к знаку» [Шингарева 1987: 14]. Создаваемая таким образом семиотическая модель знака включает в себя все отношения, лежащие в самой основе, в фундаменте знаковой ситуации. На правомерность такого подхода указывает Л.А.Абрамян, подчеркивая, что «знак служит носителем всех (подчеркнуто автором. – И.К.) отношений, свойственных знаковой ситуации» [Абрамян 1967: 89].

Попытаемся дать свою трактовку понятия «знаковая ситуация», исходя из целей настоящего исследования. Несомненно, нельзя не согласиться с тем, что функционирование знаков, возникновение знаковых ситуаций связано с процессом коммуникации. «Коммуникация составляет тот особый вид движения, в котором конституируются и существуют знаки. Знак и коммуникация по самой своей природе предполагают и взаимно обуславливают друг друга. Знаки в такой же мере необходимы для осуществления коммуникации, в какой бытие знаков нуждается в своей стихии – коммуникации, поскольку вне ее нет никаких знаков» [Абрамян 1967: 58].

Вместе с тем, как справедливо отметила Н.А.Слюсарева, отождествление процесса коммуникации и знаковой ситуации вызывает сомнение [Слюсарева 1967: 275]. Знаковая ситуация возникает в процессе общения людей и, следовательно, она не может рассматриваться в качестве явления, тождественного самому процессу общения. Необходимо поэтому отличать знаковую ситуацию от процесса общения и от ситуации общения, то есть от тех окружающих условий и обстоятельств, при которых возникает знаковая ситуация.

По нашему мнению, знаковая ситуация неотделима от процесса интерпретации явлений как знаков. Процесс интерпретации является процессом включения знака, точнее, явления в пределы знаковой ситуации, в результате которого данное явление осмысливается как знак другого явления. Бытие знака – по самой его сущности – это «бытие для другого». Знак является знаком только для тех, кто им пользуется. Наличие знака предполагает существование некоторого содержания, которое им «сообщается» и адресата, воспринимающего знак в качестве именно знака. Совокупность этих факторов, участвующих в функционировании знаков, и составляет знаковую ситуацию. Таким образом, в знаковую ситуацию входят: сам знак («означающее»); то, что знаком обозначается, — предмет обозначения («означаемое») субъект, создающий и использующий знаки; а также сам акт означивания. Знак не в состоянии быть самим собой вне отношений, связывающих его с элементами знаковой ситуации. Только вступая в сеть этих отношений, «просто вещь» приобретает ценность знака. Знаковая ситуация возникает в ходе осознанной знаковой деятельности.

Для целей анализа знаковой ситуации нами выделено два типа отношений в ней: 1) знак – объективная реальность, 2) субъект (каузатор) – знак. Первый тип отношений можно назвать *означиванием* (знак означает что-то). Из этого типа отношений вытекают такие особенности знака, как то, что он – заместитель объекта, имеет смысл, и то, что отношения между знаком и объективной реальностью, фиксированной в нем, могут быть самыми разнообразными. Второй тип отношений – это отношения *знакоприсвоения* (субъект обозначает что-то с помощью знака). Знакоприсвоение есть результат активной деятельности субъекта, в результате которой он посредством знака (или знаковой системы) оказывается связанным с обозначенными предметами. Из этого типа отношений вытекает такая характеристика, как интенциональность знака, то есть намеренное создание знаковой ситуации.

Используя формулу, заимствованную из символической логики, можно представить отношение означивания в виде двухместного предиката $P_{\text{означ}}(x, y)$, где $P_{\text{означ}}$ – предикат

означивания, x – знак, y – смысл знака. Отношение знакоприсвоения представляет собой трехместный предикат: $P_{\text{присв}}(x, y, z)$, где z – субъект, создающий или использующий знак, x и y – знак и его смысл. Соотношение означивания и знакоприсвоения в рамках знаковой ситуации можно схематически представить следующим образом:

$$z P_{\text{присв}} / x P_{\text{означ}} y /,$$

где $P_{\text{присв}}$ – отношение знакоприсвоения, $P_{\text{означ}}$ – отношение означивания, z – субъект (каузатор), x – знак, y – смысл знака.

1.6. Фрейм з накоприсвоения

Говоря о знаковой деятельности человека, невозможно обойтись без понятия «фрейм». Обращение к теории фрейма дает возможность по-новому взглянуть на отношения семантических единиц, формируемых в процессе коммуникации.

Как известно, широкое употребление термин «фрейм» стал приобретать после выхода в свет книги М. Минского «Фреймы для представления знаний» [Минский 1979]. Значительные заслуги в лингвистической интерпретации теории фреймов принадлежат Ч. Филлмору [Филлмор 1983, 1988], а также нидерландскому лингвисту Т. ван Дейку [Дейк 1989].

Как указывал М. Минский, «фрейм – это один из способов представления ситуации». «С каждым фреймом связана информация разных видов: одна относится к использованию данного фрейма; другая предупреждает о том, что может произойти дальше; третья предписывает, что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся и т.д.» [Минский 1979: 289]. Как отмечают исследователи, одно и то же понятие может входить в несколько фреймов [Агамджанова 1996: 5–6]. Таким образом, «фреймы представляют собой, в сущности, фрагменты («куски») знаний, формируемые у человека. Они некоторым образом структурированы и выступают как единицы знаний» [Торопова 1991: 17]. Вместе с тем, фреймы не являются произвольно выделяемыми «кусками» знания. Они являются единицами, организованными вокруг некоторого концепта [Дейк 1989: 19].

Общие характеристики фрейма могут быть сведены к следующему:

- фрейм – проявление категориальной природы человеческого мышления;
- «фрейм образует особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов» [Филлмор 1988: 54];
- фрейм является структурой данных для предъявления стереотипной ситуации [Минский 1979: 7];

- фрейм – это структура данных, представляющих стереотипную ситуацию, которая обеспечивает понимание новой ситуации путем изменения в этой стереотипной ситуации отдельных элементов;

- типизированное представление ситуации фреймов обусловлено принципом «асимметрического дуализма» языкового знака [Карцевский 1965: 85], согласно которому глубинная структура признается сложным глубинным языковым знаком, план выражения которого варьируется в различных поверхностных структурах;

- будучи обобщением однородных ситуаций, фрейм представляет собой типовой контекст, инвариантную семантическую структуру, категориальную базу для реализации лексических значений и их понимания в тексте;

- фрейм заполняется лексическим полем, набором слов, «каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого.» [Филлмор 1983: 49] Иными словами, содержание той или иной лексической единицы фрейма нельзя понять, не зная внутренней структуры фрейма в целом;

- для того чтобы выполнить роль актуализатора лексических значений слова, фрейм должен представлять собой такую семантическую монолитность, которая обеспечивает интерпретацию общих категорий, движения от общего категориального значения к его актуальному значению, приобретающему уникальный смысл.

Принимая во внимание вышеизложенное, мы можем сказать, что «знак» входит в нашу концептуальную систему. Вокруг концепта «знак» формируется соответствующий фрейм знакоприсвоения. В данном фрейме, имеющем, как и все фреймы, более или менее конвенциональную природу [Дейк 1989: 19], зафиксированы наши знания о том, каким образом происходит акт означивания. То есть мы и совершаем данный акт, и описываем его в соответствии с определенным фреймом.

Что представляет собой фрейм знакоприсвоения? Чтобы выяснить это, рассмотрим следующий пример.

(2) Agee announced the jury was ready. He asked for quiet, and instantly the mob grew still. Ozzie and Moss Junior seated the

courtroom and lined deputies and reserves around the walls and down the aisle. 1) Carl Lee *glanced at* spectators. 2) He *noticed* that many were praying, many were biting their fingers. 2a) Gwen was wiping tears. 2b) Lester looked fearfully at the lawyer. 2c) The children were confused and scared.

The judge assumed the bench and 3) Carl Lee *felt* an electrified silence that engulfed the courtroom. There was a perfect stillness inside the courtroom and out.

“I have been advised that the jury has reached a verdict. Very well. Mr. Bailiff, will you seat the jury”.

The door opened, and it seemed like an hour before Eula Dell Yates appeared first. 4) Carl Lee *noticed* tears in her eyes. 5) He stared gamely at the portrait above the judge without really *thinking* about them. They awkwardly filled the jury box. 6) Now, as he *watched* them he *thought* how jittery, tense and scared they were. 7) He *saw* that most had been crying.

“Ladies and gentlemen, have you reached a verdict?”

“Yes, sir, we have”, answered the foreman in a high-pitched, nervous voice.

“Hand it to the clerk, please”.

8) Eula Dell was flooding, and her sniffles were the only sounds in the courtroom. 8a) Yo Ann Gates and Bemice Tode padded their eyes with handkerchiefs. 9) Carl Lee *realized* that 10) the crying could *mean* only his conviction. 11) He dropped his head. 12) He felt sick. He had vowed to ignore the jury before the verdict was read, but it was impossible. 13) He closed his eyes.

Данный отрывок взят из романа Джона Гришема «Время убивать» [15, p.507—508].

Главный герой романа, темнокожий фермер Карл Ли, оказывается на скамье подсудимых после того, как застрелил двух белокожих подонков, надругавшихся над его 10-летней дочерью. Судебный процесс над Карлом Ли оказывается в центре внимания общественности. За его ходом следят тысячи людей, и судьбы многих зависят от его результата. Кульминацией романа является описание последнего дня суда, когда после многочасовых обсуждений члены жюри присяжных готовы, наконец, огласить свой вердикт. В ожидании решения своей судьбы Карл Ли внимательно следит за настроением в

зале суда (предложения 1, 2, 2а, 2b, 2с, 3). При появлении членов жюри присяжных он пытается каким-то образом осмыслить, истолковать для себя их поведение и внешний вид. Неуверенность и скованность присяжных заседателей, а также следы слез на их лицах Карл Ли истолковывает не в свою пользу. Для него слезы членов жюри – знак того, что они приняли трудное для себя решение признать его виновным несмотря на все смягчающие его вину обстоятельства. Следуя букве закона, они по-человечески чувствуют угрызания совести, отправляя на электронный стул законопослушного отца семейства.

Как показывают дальнейшие события романа, герой неверно истолковал поведение присяжных. В действительности их вердикт оказался оправдательным.

Приведенный пример представляет собой, на наш взгляд, в достаточной степени законченное в структурном и смысловом плане речевое образование. В нем идентифицированы все составляющие знаковой ситуации.

Интересующая нас конструкция означивания организована глаголом *mean* (предложение 10а). Герой романа Карл Ли (субъект акта понимания и акта означивания) совершил указанные операции, и писатель сообщил об этом в соответствующих предложениях. Писатель обладает знаниями о структуре ситуации означивания, о способах ее описания – языковыми знаниями, иначе он не мог бы об этом сказать. Очевидно, что такими знаниями обладает каждый человек, и каждый человек в своей повседневной житейской практике сообщает о своей знаковой деятельности другим людям.

В данном случае знаковая ситуация имеет следующий вид: субъект означивания – герой романа Карл Ли; акт означивания, выраженный глаголом *mean*; объект означивания – заплаканные лица присяжных заседателей; и результат означивания – смысл созданного знака, в данном случае это невозможность оправдательного вердикта а, следовательно, осуждение и смертная казнь. В предложениях 9, 10 представлены все составляющие знаковой ситуации, поэтому такая конструкция могла бы быть самостоятельным текстом-предложением или высказыванием.

Необходимо отметить, что знаковая ситуация – это разновидность ситуации понимания. Высказывания о ней, организуемые предикатом со значением «быть знаком», «значить», как и высказывания с глаголом «понимать», описывают ситуацию понимания, осмысления. Ведь знаки существуют для того, чтобы что-то значить, чтобы их понимали. Поэтому обособить акт собственно понимания и акт означивания трудно. Как справедливо отмечает А.И.Варшавская, «в общем виде описываемая (знаковая) ситуация также включает осмысляемое, акт осмысления (понимания), результат понимания и субъекта понимания. Отличие заключается в том, что к акту собственно понимания добавляется акт означивания осмысляемого или акт понимания усложняется актом означивания. Результат осмысления – смысл – оказывается общим для обоих актов» [Варшавская 1997: 215].

Следует также отметить автономность, или раздельность, в осознании человеком перцептивного и осмысливающего актов и соответствующих конструкций, т.е. конструкций, организованных глаголами со значением «увидеть», «услышать», «заметить», а также глаголами, обозначающими некоторые ментальные акты («подумать», «вспомнить» и т.п.), с одной стороны, и конструкций с глаголами со значением «понять» – с другой. Очевидно, это связано с тем, что осмысляемым в ситуации понимания бывает не сам перцептивный (или ментальный) акт, а его результат.

Таким образом, для реализации акта означивания необходим когнитивный контекст в виде перцептивного акта. Иначе говоря, представленная знаковая ситуация, или структура знания – фрейм, может рассматриваться не поэлементно, а как цельный денотат, учитывая жесткие обязательные связи между актом означивания и другими составляющими ситуации. Но такой денотат – когнитивный денотат, требует когнитивного восполнения в виде необходимого перцептивного акта и перцептивной ситуации. Перцептивный фрейм вместе с фреймом означивания создают единство – макрофрейм. Действительно, для того, чтобы использовать и осмысливать что-либо в качестве знака, необходимо «сначала выделить это что-то из окружающей среды, различить обозначаемый предмет

и иные, не подлежащие сигнификации предметы, различить знак и не-знак» [Портнов 1994: 283].

Перцептивный фрейм является обязательным для фрейма означивания. При этом обратной жесткой связи, по-видимому, нет: можно что-то видеть и не совершать ментальных актов означивания. На когнитивном (концептуальном) уровне связь между перцептивным актом и актом означивания обеспечивается обязательным единством субъекта обоих ментальных актов: человек сам должен что-то воспринять, прежде чем осмыслить это что-то в качестве знака.

В рассматриваемом примере перцептивный акт задан глаголами и glance (предложение 1), notice (предложения 2, 4), feel (предложение 3), watch (предложение 6), see (предложение 7). Каждый глагол обозначает разные этапы восприятия, составляющие онтологически единый перцептивный процесс. В предложениях 5 и 6 содержатся начальные моменты мыслительного процесса акта понимания, обозначенного в предложении 9. Акт понимания и его разновидность – акт означивания – всегда сопровождаются реакцией на них в виде физического действия, поступка или какого-либо ментального акта. Используя знаки, человек осмысливает увиденное, услышанное, происходящее в окружающем мире, чтобы регулировать свои действия, поступки.

В предложениях 11, 12, 13 выражена реакция на акт означивания в виде физических действий. Реакция на акт означивания оформляется как самостоятельный фрейм, но поскольку она предполагается фреймом означивания, то в прагматическом и когнитивном плане связь между соответствующим и высказываниям и можно считать когнитивно и прагматически обусловленной и контекстуальной.

Итак, оперируя знаками, человек опирается на соответствующий фрейм означивания, в котором зафиксированы наши знания о структуре знаковой ситуации и акте означивания.

Г Л А В А 2

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЗНАЧИВАНИЯ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИЙ С НИМИ

2.1. Глаголы, передающие отношение означивания

В лингвистике существует множество попыток классификации глагольной лексики, построенных на различных принципах, которые можно свести к двум основным – к характеру смыслового содержания слов и к функциям, выполняемым ими в той или иной сфере языковой деятельности. В настоящее время существуют различные семантические классификации глагольной лексики. В зависимости от конкретных задач исследования, тех признаков, которые используются в качестве критериев классификации, выделяются различные семантические классы глаголов.

По традиции в качестве особых семантических классов выделяются глаголы мышления, речи, чувства, движения и другие. Как особый семантический класс можно рассматривать и глаголы отношения – релятивные глаголы.

Глаголы отношения стали выделять сравнительно недавно. Упоминание о глаголах отношения имеется в работах А.В.Бондарко, Л.Л.Буланина, Н.С.Авиловой [Бондарко, Буланин 1967; Авилова 1976]. Обычно глаголы отношения автоматически причислялись к глаголам, обозначающим состояние. Однако, как отметила Н.С.Авилова, в значениях этих глаголов семантика состояния отсутствует [Авилова 1976: 67].

В семантической классификации глаголов, разработанной О.Н.Селиверстовой и А.Е.Елисеевой, глаголы отношения включаются в группу глаголов со значением «связи» [Семантические типы 1982: 163–165]. В английской грамматике Р.Кверка глаголы отношения рассматриваются как отдельная подгруппа стативных глаголов [Quirk et al 1982: 47]. В целом ряде работ, однако, глаголы отношения выделяются в самостоятельную группу, отличную от глаголов состояния,

действия, процесса [Бондарко, Буланин 1967: 27; Мойсейчук 1971: 140; Богданов 1977: 57; Степанов 1980: 313—314; Булыгина 1983: 24—27]. Наиболее детальное исследование релятивных глаголов было предпринято Р.М.Гайсиной на материале русского языка [Гайсина 1975, 1976, 1981]. Релятивные глаголы, т.е. такие, «которые являются наименованиями и отношений, существующих между предметами и явлениями окружающей действительности» [Гайсина 1976: 41], объединяются автором в лексико-семантическое поле, которое организуется абстрактной релятивной семой. Как отмечает Р.М.Гайсина, своеобразие значения глаголов отношения заключается в том, что оно состоит в основном из абстрактных семантических компонентов различных уровней абстракции, наиболее общими из которых для релятивных глаголов, кроме ядерной релятивной семы, являются квалифицирующая сема (определяющая тип отношения), семы бытийности, становления, каузативности/некаузативности, направления отношения [Гайсина 1981: 58—59].

На материале английского языка глаголы отношения исследовались в работах А.И.Варшавской, Т.Е.Кузьминой, Т.Н.Сафроновой, Л.В.Петровой [Варшавская 1984; Кузьмина 1982; Сафронова 1986; Петрова 1986]. При этом рассматривалось как лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном английском языке в целом, так и его отдельные микрополя: глаголы сходства и различия [Кузьмина 1982], глаголы названия [Петрова 1986], глаголы, передающие отношения классификации [Сафронова 1986]. В качестве особого микрополя, входящего в состав поля глаголов отношения, можно рассматривать и лексико-семантическую группу глаголов, передающих отношение означивания.

В акте означивания, когда какой-либо предмет, событие, явление наделяется статусом знака, означаемое и означающее разведены, существуют раздельно, между ними и устанавливается отношение означивания. Данное отношение в современном английском языке номинируется следующим глаголами, составляющими микрополе означивания (всего около 36 глаголов): *to argue, to allude, to add up to, to betoken, to bespeak, to connote, to designate, to denote, to emblemize, to*

embody, to evince, to express, to exemplify, to figure, to imply, to import, to image, to indicate, to label, to mark, to mean, to note, to point (out) to, to present, to purport, to represent, to show, to sign, to signify, to signal, to symbolize, to spell, to suggest, to speak of, to stand for, to typify.

Для определения лексического состава микрополя означивания использовался так называемый семантико-логический способ выделения лексико-семантической группы (ЛСГ). ЛСГ трактуется как совокупность лексических единиц, связанных между собой общностью лингвистических свойств (принадлежностью к одной части речи и сходством значения) и общностью понятийной соотнесенности. В соответствии с таким пониманием ЛСГ выделение членов исследуемой группы проводилось с учетом принципа инвариантности [Шур 1974: 101] на основе инвариантного семантического признака означивания и функционального принципа, согласно которому в ЛСГ группируются слова одной части речи, а именно глаголы.

Семантико-логический способ выделения ЛСГ представляет собой последовательную четырехэтапную операцию, включающую: а) определение инвариантного значения (родовой семантемы) группы, отражающего определенное понятие, б) нахождение «доминанты», имеющей родовое значение и выражающей инвариантное содержание группы в наиболее общей, абстрактной и нейтральной форме, в) выделение ядра ЛСГ на основе анализа словарных дефиниций и г) выявление периферийных членов путем рассмотрения словаря с целью выделения слов, дефиниции которых содержат либо доминанту, либо единицы ядра.

Некоторая субъективность семантико-логического способа преодолевалась в работе при помощи частных методик, основанных на учете: а) непосредственных и опосредованных семантических связей¹, б) рангового (порядкового) номера сем в семантических структурах предполагаемых членов ЛСГ. К

¹ Вслед за В.Г.Виллюманом под непосредственной семантической связью понимается такая связь, когда два слова толкуются одно через другое, опосредованная связь предполагает толкование двух слов посредством третьего [Виллюман 1980: 56].

исследованию привлекались тезаурусы, синонимические и толковые словари (всего семнадцать наименований).

Как показал анализ, словами-идентификаторами рассматриваемой ЛСГ являются глаголы **signify, symbolize, mean**, а также их глагольно-именные варианты и модификации (**to have a signification, to be a sign/symbol** и др.). Значения данных глаголов в словарях толкуются перекрестно, друг через друга, значит, они связаны отношениями «взаимной идентификации» [Кузнецова 1973:36]: **to signify = to be a sign or symbol of, to mean; to symbolize = to be a symbol of, to signify; to mean = to be a sign.** Остальные глаголы включают в свои словарные определения одно из трех названных идентифицирующих слов: **to connote = to signify** secondarily or in addition; **to denote = to signify, to stand for as a symbol; to typify = to symbolize, to represent or express by a type or symbol; to bespeak = to mean, to speak of, tell of, be a sign of.**

Для описания глаголов отношения можно использовать понятие «предметная ситуация» [Гайсина 1975: 60]. В лингвистике этот термин получил следующее толкование: ситуация – некоторая совокупность предметов, между которыми существуют определенные связи и отношения [Гак 1972, № 5: 19; Колосова 1972: 61]. Таким образом, понятие ситуации складывается из двух моментов: участников ситуации и отношений между ними.

Глаголы, номинирующие отношение означивания, отражают в своей семантике знаковую ситуацию. Как уже отмечалось, обязательными компонентами знаковой ситуации являются: сам знак («означающее»); то, что знаком обозначается («означаемое», смысл знака); акт означивания; субъект, создающий и/или интерпретирующий знак. Отношение означивания устанавливается между двумя первыми из перечисленных компонентов знаковой ситуации. В зависимости от того, имеется ли в семантике глагола указание на третье лицо – каузатора ситуации, глаголы означивания можно разделить на две группы:

1) каузативные глаголы, которые, помимо отношения между знаком и денотатом, обозначают активную волю, направленную на создание ситуации означивания.

Схематически это можно изобразить следующим образом: $z \rightarrow (xRy)$, где z – каузатор ситуации (лицо, создающее или использующее знак), x и y – знак и обозначаемый им предмет, R – отношение означивания. Например: to show – to exhibit or manifest by outward signs (проявлять или демонстрировать при помощи видимых знаков), to sign – to make a sign or signs, to represent by a sign (делать знак/знаки, представлять в виде знака); to signal – to make signals or signs (подавать сигналы, делать знаки), to mark – to express or indicate by marks or signs (выражать или обозначать при помощи пометок или знаков), to image – to represent by an emblem or metaphor, to symbolize (представлять в виде эмблемы или метафоры, символизировать), to emblemize – to represent by means of an emblem or sign (обозначать посредством эмблемы или знака). Всего 21 глагол.

2) Глаголы, не содержащие в своем значении имплицитную ссылку на каузатора ситуации означивания. Сюда относятся глаголы, обозначающие односторонние, однонаправленные отношения означивания, причем это отношение всегда направлено от знака к денотату ($x \rightarrow (Ry)$). Например: to denote – to be the outward or visible mark or sign of (быть явной или видимой пометкой или знаком), to symbolize – to be a symbol of (быть символом), to betoken – to be a token, sign or omen of (быть символом, знаком или предзнаменованием), to indicate – to be a sign or symptom of (быть знаком или симптомом), to signify – to be a sign or symbol of (быть знаком или символом) и др. Всего 15 глаголов.

Отметим, что в составе выделенной нами ЛСГ глаголов означивания не встретилось ни одного глагола, отражающего в своей семантике двусторонние, обоюдонаправленные отношения между участниками знаковой ситуации. Глаголы, входящие в состав рассматриваемого микрополя, обозначают «негибкие» отношения – отношение одного участника ситуации к другому не совпадает с отношением этого другого к первому, участники знаковой ситуации с этой точки зрения выступают как неравноправные. Отношение означивания является, таким образом, несимметричным. Это связано с тем, что участники знаковой ситуации неравнозначны по той роли, которую они в этой ситуации играют. Как отмечают исследователи,

центральный компонент знаковой ситуации является знак [Ветров 1968: 50], от которого и направлено отношение означивания. Таким образом, глаголы, передающие отношение означивания, относятся к глаголам однонаправленного отношения.

Необходимо отметить также, что микрополе глаголов означивания представляют глаголы, в семантике которых нет указания на конкретных участников знаковой ситуации. Для понимания значения данных глаголов нерелевантна однозначная характеристика участников ситуации. Рассматриваемые глаголы обозначают отношения, существующие между любыми объектами – как между людьми, так и между предметами и явлениями. Так, в примере (3) участниками и знаковой ситуации являются офицер тюремной охраны и символизируемое им отношение общества к нарушителям закона:

(3) It is very wrong of you to insult the officer. He *symbolizes* the just disapproval of society and is, like all the prison staff, a member of the Church of England [45, p. 49].

В примере (4) в роли знака выступает событие (помолвка героини романа с Томом). Данное событие означает формальное признание права героев проводить в обществе друг друга все свое свободное время:

(4) An engagement to her *signified* the formal recognition that she and Tom spent their spare time in one another's company [45, p.78].

В примере (5) пластмассовый шарик в руках судебного эксперта обозначает пулю, которую выпустил из ружья подсудимый:

(5) The expert took a plastic numbered pellet that *represented* a bullet, and moved it ever so slowly through the body [15, p. 414].

Среди глаголов означивания можно выделить две группы глаголов, которые сочетают сему «отношение» с семами, указывающими на 1) характер и 2) способ отношения означивания. К первой группе относятся следующие глаголы: to connote – to signify secondarily or in addition (иметь производное или дополнительное значение), to denote – to be an outward or visible mark or sign (быть явной или видимой пометой или знаком), to typify – to be a typical mark or sign of (быть типичным

знаком), to figure – to represent typically (быть типичным обозначением), to allude – to refer indirectly (указывать на что-либо косвенно), to imply – to signify indirectly (обозначать косвенно), to speak of – to express silently or by signs (выражать молча или с помощью знаков).

Во вторую группу входят такие глаголы, как: to symbolize – to represent by a symbol or symbols (обозначать с помощью символа/символов), to emblemize – to represent emblematically (обозначать с помощью эмблемы), to express – to manifest or reveal by external tokens (показывать с помощью видимых знаков), to label – to mark with a label (обозначать с помощью пометы).

В значениях отдельных глаголов данной ЛСГ ядерная сема «отношение означивания» сочетается с семами бытийности, становления, каузативности. По наличию этих сем в их значениях глаголы данной ЛСГ подразделяются на два разряда: глаголы, обозначающие а) бытийность отношения означивания (со значением «be a sign/symbol» – «быть знаком/символом» – to denote, to typify, to signify, to mean, to indicate и др., б) становление каузативного отношения означивания (со значением «make (into) a sign» – «делать знаком/символом» – to sign, to emblemize, to image и т.д.

По семам, отражающим функции участников ситуации, глаголы отношения принято подразделять на три класса [Гайсина 1981: 66]: а) двусубъектные (обозначающие отношение, в установлении которого оба участника играют одинаково активную роль), б) субъектно-объектные (обозначающие отношение, исходящее от одного участника и направленное на другого участника) и в) двуобъектные. Глаголы, составляющие микрополе отношения означивания, относятся к третьему классу, т.к. они обозначают отношение, которое устанавливается не участниками ситуации, а третьим лицом – каузатором ситуации. Участники отношения означивания воспринимаются в качестве объектов отношения. При этом в конструкциях с рассматриваемыми глаголами каузатор знаковой ситуации может быть представлен эксплицитно. Обычно это имя существительное одушевленное

или личное местоимение, выступающие в роли подлежащего или дополнения:

(6) I *emblemized* civilisation in the Chinese lady in japangilt frame [35, p. 168].

(7) For me, Lillian Gish has always *symbolized* the silent screen heroine [34, p.271].

Следует отметить, однако, что словесное выражение каузатора в структуре с глаголами ЛСГ означивания необязательно, т.к. отношение означивания не существует помимо познающего субъекта (каузатора). Он является обязательным участником знаковой ситуации и потенциально присутствует всегда.

Подведем итог сказанному. Компоненты, составляющие значения глаголов отношения означивания, соотносятся с лингвистически релевантными элементами знаковой ситуации. Они находятся в определенных иерархических отношениях между собой. Основной семой в составе значения рассматриваемых глаголов является сема «отношение», которая может сочетаться с семами бытийности/становления отношения означивания, с семой каузативности, а также с семами, указывающим и на характер и способ отношения означивания.

2.2. Структурно-семантические свойства конструкций с глаголами означивания

В данном разделе мы переходим к анализу того, каким образом глаголы означивания реализуют свою логико-семантическую валентность, то есть к рассмотрению их синтагматических особенностей.

Как известно, логико-семантической валентностью в лингвистике называют способность предикатного знака взаимодействовать с определенным числом аргументов. Логико-семантическая валентность предетерминирует синтаксическую валентность, реализуемую на синтаксическом уровне предложения, иными словами, синтаксическая валентность является формой выражения логико-семантических отношений. Логико-семантическая и синтаксическая валентность находятся в тесном взаимодействии и взаимно дополняют друг друга. Это вполне естественно, так как синтаксическая структура в значительной мере обусловлена семантикой входящих в нее единиц.

Как уже указывалось, отношения, существующие между объектами реальной действительности, фиксируются в языке вместе со своими членами как ситуации отношения. Знаковые ситуации являются сложными денотатами, которые обозначаются в конструкциях, организуемых соответствующими глаголами означивания. Поскольку данные глаголы называют отношение, они являются предикатами, то есть могут иметь при себе определенное число аргументов, соответствующих элементам знаковой ситуации. Как мы выяснили, основными элементами знаковой ситуации являются: само отношение означивания, знак (нечто означающее), смысл (нечто означаемое) и субъект (лицо, устанавливающее отношение означивания).

Глаголы означивания могут иметь при себе минимум два актанта, между которыми устанавливается рассматриваемое отношение: «означающее» (соответствующее знаку) и

«означаемое» (соответствующее смыслу знака)¹. В качестве данных актантов при глаголах означивания могут выступать обозначения самых разнообразных предметов, признаков и явлений окружающей действительности, отвлеченных понятий и целых ситуаций. С этим связаны некоторые особенности представления актантов на морфологическом уровне, о чем речь пойдет ниже. В конструкциях с глаголами означивания, таким образом, должны быть представлены минимум два объекта (в широком смысле), между которыми устанавливается рассматриваемое содержательное отношение. В противном случае это отношение невыполнимо, оно не имеет смысла.

Большинство глаголов означивания являются трехактантными. Это каузативные глаголы, в предикатную структуру которых, помимо указанных аргументов, входит еще один аргумент, указывающий на субъекта знаковой ситуации – семантический агент, то есть лицо, устанавливающее отношение означивания, воспринимающее и осмысляющее нечто как знак чего-то.

Предикатно-аргументную структуру двухактантных глаголов означивания можно представить в виде следующей формулы: $P(x, y)$, где P – это предикат, а x и y – это аргументы, соответствующие «означающему» и «означаемому». В свою очередь, предикатно-аргументная структура трехактантных глаголов означивания выглядит следующим образом: $P(x, y, z)$, где P – предикат, x – «означающее», y – «означаемое», z – агент. Таким образом, глаголы означивания могут организовывать семантические структуры двух видов: двух- и трехактантные. Актанты могут занимать в предложениях различные

¹ Необходимо отметить, что при ролевой интерпретации аргументов предикатов означивания в терминах семантических падежей или функций возникают определенные трудности. В принятых системах падежей не существует обозначений для аргументов, соответствующих таким элементам знаковой ситуации, как знак и смысл. Поэтому в дальнейшем мы будем использовать термины «означающее» и «означаемое». При этом кавычки будут указывать на то, что в данном случае названные термины являются обозначениями семантических функций аргументов предикатов означивания, а не обозначениями двух сторон знака.

синтаксические позиции, что дает значительное число структурных моделей и их вариантов.

Основной моделью, посредством которой на синтаксическом уровне реализуется предикатно-аргументная структура глаголов означивания, является субъектно-объектная конструкция («субъект + предикат + объект»). На уровне членов предложения она выражается структурой «подлежащее + сказуемое + дополнение». Следует отметить, что, поскольку предикаты означивания обладают свойством асимметричности, то есть обозначают такую ситуацию, в которой характер отношения одного участника к другому не совпадает с характером отношения этого другого к первому, между функциями субъектно-объектной конфигурации и элементами семантической структуры (аргументами) существует строго однозначное соответствие. Другими словами, функции субъекта и объекта закреплены за соответствующими аргументами. Схематично эту особенность можно изобразить следующим образом: $x P y \neq y P x$. Перестановка актантов местами привела бы к искажению смысла предложения. Сравн., например:

(8) Now he would be free to marry Muffin, and Muffin *stood for* money [5, p.125]. Money *stood for* Muffin.

Данная особенность отличает предикаты означивания от предикатов некоторых других смысловых отношений, которые обладают свойством симметричности и допускают перестановку своих актантов (предикаты сходства/различия, например, [Варшавская и др. 1991]).

Другой отличительной чертой, характеризующей конструкции с предикатами означивания, является то, что в них часто отсутствует свойственная реляционным предложениям особая семантическая согласованность между именами аргументов предиката. Это связано с тем, что отношение означивания устанавливается между сущностями различной природы: один член отношения представлен материальными элементами, а другой – сущностями ментального характера, элементами мысли или знания:

(9) Her front window had displayed a single, pale blue urn, and somehow that urn had come *to represent* all his fantasies about marriage [44, p.341].

Необходимо отметить также, что отношение означивания может устанавливаться между неограниченным количеством объектов (в широком смысле слова). Так, нечто одно может иметь несколько смыслов для субъекта знаковой ситуации:

(10) Deep furrows ran from beside his nose to the corners of his mouth; they *suggested* experience, command, impatience with fools [12, p.82].

И наоборот, нескольким объектам может приписываться один смысл, когда все они в комплексе говорят, свидетельствуют о чем-то одном:

(11) The worn electro-plate, the shabby cruet, the chipped dishes *betokened* poverty, but a poverty accepted with apathy [19, p.13].

В связи с данной особенностью аргументы предикатов означивания на синтаксическом уровне могут быть представлены однородными членами предложения.

Рассмотрим основные синтаксические модели, в которых реализуется предикатно-аргументная структура глаголов означивания.

Модель 1: S V O¹

В данной модели синтаксическая позиция подлежащего закреплена за семантическим актантом «означающее». Второй семантический актант – «означаемое» – также имеет строго определенное место в предложении: он всегда занимает положение после сказуемого, выполняя функции дополнения, но может быть представлен морфологически разными

¹ При символическом представлении моделей используются следующие обозначения: S – подлежащее; P – сказуемое; V – глагол-связка; Comp – именная часть сказуемого (комплемент: Comp_s – субъектный, Comp_o – объектный); O – дополнение (или придаточное дополнительное): O₁ – беспредложное, O₃ – предложное (по классификации В.В.Бурлаковой 1975); Attr – определение (придаточное определительное).

способами. В связи с этим у модели 1 можно выделить несколько разновидностей.

Разновидность 1. Второй семантический актанта – прямое дополнение, выраженное одиночным именем существительным или (чаще) именной группой. Например:

(12) Darkness *stood for* bedtime for the Penymans [15, p. 323].

(13) [«Now will you tell me why in the name of heaven you asked me to put you into the Manhattan Hotel? On Eighth Avenue, of all places!» He usually stayed at a quiet, expensive hotel on the East Side, and he could tell that] in Belinda's eyes the change *betokened* a demeaning attempt at economy [37, p. 315].

Разновидность 2. Второй семантический актанта выражен придаточным дополнительным с союзом *that*, который может быть опущен. Например:

(14) [Miss Fellows was a great novel reader. I was sure that she had read all Roy's books].

Her disapproval of my casualness *suggested* that she had read them with admiration [21, p.9].

(15) [He had a system of drawing stars next to the names of girls]. One star *meant* she was tall and pretty or even beautiful [35, p. 163].

Разновидность 3. Второй семантический актанта выражен придаточным дополнительным с соединительным местоимением:

(16)... the color of the top button on each waist *indicated* which country the wearer came from [10, p. 37].

Разновидность 4. Второй семантический актанта – прямое дополнение, выраженное герундиальным оборотом:

(17) This argument will *symbolise* breaking down the doubleness [28, p. 68].

В данной модели могут использоваться все подгруппы глаголов означивания. Они оказываются способными организовывать соответствующие синтаксические конструкции благодаря наличию в их значении ядерной семы «отношение означивания». Именно наличием этой семы обусловлена семантико-синтаксическая валентность рассматриваемых глаголов на первый и второй термы. При этом в данной модели

у каузативных глаголов валентность на третий терм (агенса, каузатора знаковой ситуации) остается на синтаксическом уровне нереализованной. В данной модели наблюдается одно - однозначное соответствие элементов семантической и синтаксической структур: каждый семантический актанта занимает на синтаксическом уровне отдельную позицию. Конструкции, организованные глагольными предикатами означивания по модели 1, ориентированы на передачу информации о наличии уже установленного отношения означивания. При этом информация о том, кем данное отношение установлено или устанавливается, оказывается нерелевантной.

Структурной особенностью данной модели является то, что первый актанта («означающее») в полном, развернутом виде может быть представлен за рамками собственно конструкции означивания. В пределах же самой конструкции он представлен анафорическим заместителем, занимающим синтаксическую позицию подлежащего. При этом антецедент может быть представлен:

а) в главной части сложноподчиненного предложения, где он занимает синтаксическую позицию подлежащего или дополнения:

(18) The dot which *denoted* Shangrila Falls was placed at the midway point of the river [40, p.58];

(19)... the sky had assumed a thick gathered grey congested awfulness which *betokened* snow [30, p.294];

б) целым предложением, которое представляет собой компонент сложносочиненного или сложноподчиненного предложения:

(20) When Mamma says something is unnecessary it *means* she thoroughly disapproves [23, p.29];

(21) This time Bellin was excessively friendly, and it *meant* there was a problem ahead. [6, p.51];

в) в предыдущем контексте – чаще всего в предшествующем предложении:

(22) He's wounded. That *means* he's been in trouble [6, p.104];

(23) [When he switched on the light he saw, scrawled in lipstick on the mirror over one of the basins a large crimson V. He grinned, looking at it.] No, he thought, that doesn't *mean* farewell. The phone will ring eventually [34, p.84].

Модель 2: S V C_s

Данная конструкция организована глаголом-связкой *to be*, который также может передавать отношение означивания¹. В данной модели синтаксическая позиция подлежащего также закреплена за семантическим актанта «означающее». Второй актант – «означаемое» – занимает в предложении место субъектного компонента.

(24) These two lines are the top and the bottom of the northern mist country [40, p.58].

(25) And this mark *is* the spaceport [40, p.58].

Рассматривая данную модель, необходимо отметить, что глагол, обеспечивая синтаксическую связь между подлежащим и субъектным компонентом, в данном случае не является чисто связочным глаголом, не утрачивает собственного значения. В модели 2 он актуализирует одну из основных сем в структуре своего значения – сему «отношение означивания», имплицитно действие присвоения знаковой функции определенному объекту.

Модель 3: S V_{pass} O₃

Данная модель организована пассивной формой предиката означивания. Позицию подлежащего в пассивной конструкции может занимать только актант, выполняющий функцию прямого дополнения в предложении в активном залоге. Позицию дополнения в пассивной конструкции занимает актант, выполняющий функцию подлежащего в конструкциях активного залога:

(26) The depth of Amy's feeling *was shown* by her bland reaction, she felt powerless to alter [7, p.234].

¹ Сравн., например, следующее толкование данного глагола: “to be the same in purport as; to signify; amount to, mean” (OED, v.II, p.4).

Один из актантов, занимающий синтаксическую позицию подлежащего, может быть представлен в данной модели анафорическим заместителем:

(27) The discussion was ended, and this *was indicated* by Lord Oliver's tone [6, p.246].

Как правило, в пассивных конструкциях, широко представленных в текстах научной литературы, отношение означивания отражается как объективная данность, не зависящая от воли субъекта знаковой ситуации. Однако в ряде случаев информация о том, кто установил это отношение, оказывается коммуникативно значимой, и в пассивной конструкции может быть представлен семантический актант агенс:

(28) [That day all over Saigon bicycle-pumps had proved to be plastic bombs] ... The whole absurd affair *was symbolised* for me in the bicyclewheel gaily spinning like a top in the middle of the boulevard [14, p.176].

Структура пассивной конструкции свидетельствует о том, что связь между первым и вторым актантами определяется именно семантико-грамматической семой в структуре значения глаголов означивания. При пассивизации актуализируется прежде всего тот компонент семантической структуры глаголов означивания, который указывает на отношение означивания между знаком и его смыслом. В связи с этим в данной модели могут использоваться все подгруппы глаголов означивания. Морфологические способы выражения актантов в пассивной конструкции в целом совпадают с теми, которые используются в активных конструкциях, организуемых глаголами означивания.

Модель 4: S V_{caus} Od A

Данная модель представляет собой трехактантную структуру, организованную каузативными глаголами означивания. Такие глаголы выражают значение каузации только в сочетании с тремя зависимыми элементами, обозначающими соответственно каузатора, объект каузации и результат каузации. Указанные элементы заполняют каждый отдельную валентность глагола и занимают отдельные синтаксические позиции в образуемой структуре. Позиция

подлежащего в данной модели закреплена за агенсом (субъектом знаковой ситуации), который может быть выражен любым существительным или местоимением со значением лица. Семантический актант «означающее» занимает позицию обстоятельства образа действия и может быть выражен именной группой или герундиальным оборотом. За третьим актантом – «означаемым» – закреплена синтаксическая позиция прямого дополнения, выраженного именной группой или придаточным дополнительным. Например:

(29) He *marked* the spaceport and the hotel at the coast with an X [40, p.58].

(30) Rain *signified* her awareness of his arrival by a very slight movement of her hand [29, p.109].

(31) Demoyte was talking to Bledyard, and conspicuously *indicating* by his behaviour that this was one of the few people in the room that he could tolerate [Ibid, p.185].

С помощью данной модели передается информация об акте означивания, то есть о действии присвоения знаковой функции какому-либо объекту. В связи с этим модель 4 характерна для каузативных глаголов означивания, в семантическую структуру которых входят семы «становление отношения означивания», а также «характер и способ отношения означивания».

Таким образом, анализ синтагматических свойств глаголов означивания с точки зрения реализации их способности номинировать отношение означивания показал, что для них характерна одно-однозначная репрезентация компонентов семантической модели на синтаксическом уровне: каждому элементу знаковой ситуации соответствует особая позиция при глаголе-сказуемом.

2.3. Существительные, номинарующие отношение означивания

Имена существительные, как известно, могут обозначать не только предметы, но и абстрагированные действия, качества, отношения. В современной лингвистике понятие предметности, лежащее в основе значения существительных, трактуется как транспозиция всеобщей категории субстанции в плоскость языка. Значение предметности состоит в том, что существительное обозначает либо предмет, либо субстанцию. Поскольку между отражением вещи, свойства и отношения в человеческом сознании нет непроходимых граней, свойства, качества, отношения, процессы могут «опредмечиваться» в сознании и получать обозначение именами существительными, как и предметы. Существительные, обозначающие действия, качества, отношения, выражают их как нечто самостоятельно существующее, как носителей признаков, то есть как субстанцию. Как отмечает С.Д.Кацнельсон, для грамматической теории «понятие носителя признаков является очень важным, так как им может быть не только предмет, но и признак предмета, относительная автономность которого позволяет абстрагироваться от предмета и рассматривать признак отдельно» [Кацнельсон 1972: 144—145]. Сказанное с полным основанием можно отнести и к существительным, обозначающим отношения, и в частности, отношение означивания.

В современном английском языке можно выделить довольно обширную группу существительных, в значении которых содержится указание на существование отношения означивания между некоторым означающим и соответствующим ему означаемым. Например: *allegory, augury, badge, beacon, brand, brassard, clue, character, countermark, counterisign, counter-signal, descriptor, device, diagram, divination, effigy, earmark, emblem, ensign, evidence, figure, foreboding, foreknowledge, foreshadow, forewarning, gesture, guidepost, grip, harbinger, herald, hint, icon, identifier, identity peg, image, indication, indicator, insignia, index, indicium, mark, note, numeral, number, omen, portent, poster, presage, prediction, prophecy,*

premonition, representation, sign, signal, signature, symbol, symptom, substitute, stigma, syndrome, signpost, signboard, scepter, token, trade-mark, type, warning sign и т.д. Приведенный перечень имен существительных, являющихся наименованиями различных видов знаков, далеко не полон и может быть продолжен. Однако, он дает общее представление об обширной ЛСГ существительных со значением «знак».

Прежде всего, обращает на себя внимание неоднородность данной ЛСГ. В современном английском языке можно выделить два типа имен, которые обозначают член отношения означивания – знак: 1) имена нарицательные, которые можно назвать «собственно именами знаков», сюда относятся наименования конкретных разновидностей знаков (например, brassard, diagram, effigy, earmark, guidepost, grip, numeral, signature, scepter и под.) и 2) существительные широкой семантики со значением «знак» (например, mark, note, sign, symbol, sympton, token, index, icon и под.).

Перечень имен, входящих в первую группу, практически бесконечен, поскольку, как уже отмечалось, знаками могут быть любые предметы, явления, события, признаки, действия и т.д. Тем не менее, вопрос о создании семиотического тезауруса, в который бы вошли наименования конкретных разновидностей знаков, используемых человеком в различных сферах его жизнедеятельности – быту, науке, искусстве, религиозных обрядах, в различного рода ритуалах и т.д. – не снимается с повестки дня¹. Исследователи, занимающиеся проблемой классификации знаков, делали неоднократные попытки создания перечня наименований общепринятых знаков². Однако

¹ О задаче создания такого тезауруса говорилось, в частности, на симпозиуме в г.Тарту в 1972 году. См. об этом: Revzina O.G. The Fourth Summer School on Secondary Modeling Systems. Tartu, 17–24 August 1972 // *Semiotica*. 1972. № 6. PP.222-243.

² См., например, подробные перечни терминов, обозначающих различные знаки, в работах: Peirce 1965–1966. II. PP.254–263; Morris 1971: 20–23; Sebeok 1975: 253, а также наименования знаков, содержащиеся в тезаурусах современного английского языка: Roget's International thesaurus / Rev. By Robert L. Chapman. - 4th ed. – N.Y.:

создание специальной лексикографической монографии о наименованиях знаков (Wortfeld of Sign, как ее называет в своей статье Себеок – Sebeok 1972) – дело будущего.

Если воспользоваться делением словесных знаков, предложенным А.Мартти, на автосемантические и синсемантические (по тому, обозначают они законченное понятие или нет), то большинство существительных первого типа можно отнести к автосемантическим, так как валентности содержащегося в них релятивного комплекса сем заполнены, и данные существительные в любых своих употреблениях не требуют внешнего содержательного восполнения. Существительные второго типа – синсемантические, то есть семантически открытые, способные включать в свою содержательную структуру значения других слов. Однако, необходимо отметить, что между первой и второй выделенными группами нет непроходимых границ, поскольку среди автосемантических в своем основном значении существительных имеется группа таких, у которых можно выделить синсемантические употребления. Это связано с определенной зависимостью между значениями полисемантического слова и его сочетаемостью [Ю.Д.Апресян, А.Е.Супрун, С.А.Коваль]. На этом основании можно выделить некоторую промежуточную (между первым и вторым вышеуказанными типами) группу наименований знаков, в которую входят имена существительные, в одних случаях используемые как «собственно имена знаков» (тип 1), а в других – как релятивные существительные со значением «знак» (тип 2). Например, *signpost* в первом значении – «указательный столб» (конкретное наименование знака), во втором значении – «явный симптом чего-либо, несомненное свидетельство чего-либо» – (релятивное существительное, означающее элемент R в формуле aRb). Соотношение между именами существительными, относящимися к первому и второму типу, можно проиллюстрировать следующим образом. Релятивное существительное *sign* является гиперонимом по отношению к

другим общим именам знаков (например, *icon*, *index*, *mark*, *omen*, *symbol*, *symptom*, *token* и под.), которые, в свою очередь, являются родовыми по отношению к именам конкретных разновидностей знаков (например, *mark* – *badge*, *brand*, *brassard*, *character*, *clue*, *countermark*, *earmark*, *ensign*¹, *evidence*₃, *insignia*, *landmark*, *note*₇, *number*₄, *signature*, *trade-mark* и т.д.; *signal* – *beacon*, *caution*, *counter-signal*, *flash*, *gesture*, *grip*₁, *hand signal*, *signal bell*, *signal gum*, *signal light*, *warning bell*, *whistle* и т.д.).

В настоящей работе нас прежде всего интересуют имена существительные, входящие во вторую из выделенных выше групп – так называемые релятивные существительные со значением «знак» (такие, как *augury*, *hint*, *icon*, *indication*, *indicator*, *index*, *indicium*, *mark*, *note*, *omen*, *portent*, *presage*, *representation*, *sign*, *signal*, *symbol*, *symptom*, *token*, *type* и под.). Как уже указывалось, данные имена выступают родовыми по отношению к именам конкретных знаков. В силу специфики передаваемого ими значения существительные второй группы занимают особое место в семантической классификации имен существительных. Они не могут быть четко и определенно отнесены к той или иной группе в системе существующих семантических классификаций имен существительных. Если воспользоваться классификацией имен, предложенной Ю.С.Степановым, то существительные означивания следовало бы, видимо, отнести к разряду метаимен [Степанов 1981: 47]. В классификации А.А.Уфимцевой существительные означивания можно отнести к абстрактным именам [Уфимцева 1986]. Рассматривая разряды реляционных существительных, С.А.Коваль относит существительные означивания к группе имен межсобытийных отношений, указывая при этом, что они называют отношения между пропозициональными сущностями, связанными причинно-следственной связью опосредованно через сферу человеческого восприятия [Коваль 1990: 79]. В субкатегоризации Ф.И.Карташковой, основанной на

¹ Здесь и далее для многозначных существительных указываются порядковые номера значений, выделенных в словаре: *The Oxford English Dictionary*: 20 volumes: Clarendon Press, Oxford. Second Edition, 1989.

выполнении существительными в речи номинативных функций, рассматриваемые существительные можно отнести к группе имен, «передающих некоторые объективные отношения», которые, в свою очередь, относятся к существительным неполной номинации [Карташкова 1979: 33].

С точки зрения их семантики рассматриваемые существительные можно отнести к разряду имен, «которые имеют широкую понятийную основу, обозначая какой-либо общий признак, присущий большому числу предметов» [Уфимцева 1977: 64]. В лингвистической литературе отмечается «опустошенность» лексического значения подобных существительных. А.А.Уфимцева характеризует значение «широких имен», то есть имен широкой семантики, следующим образом: «В основе знакового значения этого типа слов лежит сигнификат в виде общего признака, неполного и далеко не очерченного понятия и денотат в виде самого общего представления предметности, ослабленного в силу бесконечного множества предметов, подпадающих под это широкое и тем самым бессодержательное понятие» [там же].

Рассмотрим семантическую структуру существительных означивания. Данные существительные номинируют отношение означивания, то есть элемент R в формуле aRb. Отличительной чертой указанных существительных является то, что в структуре их значения содержится особая сема, которая соотносится с отношением означивания. Именно наличие этой семы в структуре их значения и послужило основанием для объединения их в одну группу. Указанная сема является релятивной (в другой терминологии – предикатной). Наличие ее, по мнению ряда авторов [Bierwisch 1970; Гайсина 1981; Коваль 1990], обуславливает повышенную сочетаемость активностью рассматриваемых существительных в синтаксисе и их способность к включению в свою содержательную структуру значений других слов, что позволяет отнести существительные означивания к разряду релятивных (реляционных) – РС.

В самом общем виде РС обычно определяются современными исследователями как существительные, которые называют предмет через его отношение к другому предмету. Необходимо отметить, однако, что до недавнего времени в

лингвистике не существовало последовательной концепции РС, что позволяло разным исследователям относить к разряду РС разные существительные. Так, в ряде работ на понятие РС накладывались определенные субкатегориальные ограничения, что приводило к его сужению. Например, Н.Д.Арутюнова в качестве примеров РС приводит лишь те, которые соотносятся с межличностными отношениями [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983] или ограничивается существительными конкретной семантики [Арутюнова 1980: 245].

В других случаях разряд РС расширялся, поскольку признак ориентированности на передачу отношения подменялся признаками предикатности или синсемантической [Филичева 1969: 40—41; Золотова 1973: 45—46]. В интерпретациях некоторых лингвистов сочетаются суживающие и расширяющие факторы. Однако, имеются и случаи более последовательного подхода к отнесению к РС тех или иных существительных, например, в работах Р.М.Гайсиной (1981, 1982), которая называет их «актантными именами существительными, обозначающими участников ситуации отношения», и в работе А.В.Супрун (1977: 190—192).

На материале научного языка поведение релятивных существительных, а также глаголов, обозначающих классификационные акты и отношения, описано А.И.Варшавской с соавторами (1991). В работе М.В.Филатовой (1998) проанализированы валентностные характеристики параметрических существительных современного английского языка.

Последовательное изучение разряда РС на материале английского и русского языков проведено в исследовании С.А.Коваля [Коваль 1990]. Автор уточняет понятие РС, рассматривает объективные критерии принадлежности существительных к разряду РС, проводит анализ семного состава РС, а также их основных семантико-синтаксических свойств. Все это позволяет С.А.Ковалю точно определить место РС среди других разрядов имен существительных.

Как отмечают исследователи, качественная и количественная «размытость» разряда РС объясняется характером их денотата (отношение считается самой

абстрактной, всеобъемлющей и неопределенной категорией). Такие существительные особым образом выполняют свою номинативную функцию: они называют целостный объект действительности только в сочетании с другими словами, образуя таким образом «номинативный блок» (термин Е.С.Кубряковой (1986)).

Релятивные имена выполняют в предложении связующую, назывную и классифицирующую функции. Кроме отношения, они называют один из членов отношения, а именно член, связанный с релятивом аппозитивной связью и, таким образом, относят соответствующий именуемый ими объект (предмет, событие) к некоторому классу (причин, желаний, свойств, идей и др.), именем которого они являются и который они как бы задают в силу особого характера их способности к обобщению [Варшавская, Карташкова 1997: 141].

РС трактуются как синсемантические существительные, способные выступать в функции матричного предиката [Богданов 1977] с числом мест два и более. При этом определение РС уточняется следующим образом: реляционным является предикативное существительное, требующее заполнения двух и более актантах валентностей¹.

В значении РС в качестве необходимых компонентов выделяются архисема, одна релятивная сема или несколько сем релятивного комплекса и одна или несколько синтагматических сем. Архисема соответствует классу предметов, к которому относятся денотаты данного РС, релятивные семы (семы релятивного комплекса) формируют отношение, по которому названы денотаты данного РС, синтагматические семы лежат в основе валентностей, имеющих у РС в субстантивном употреблении.

¹ С.А.Коваль уточняет понятие предикатности в применении к существительным. Предложено, оставив термин «предикатные» за всеми существительными, содержащими в своем значении предикатные семы, называть вслед за Е.В.Падучевой предикативными те существительные, которые в сочетании с глаголом-связкой могут выполнять функции матричного предиката [Коваль 1990: 7—8].

Заключение о реляционности существительного С.А.Коваль предлагает выносить на основании следующих признаков: 1. В семной структуре РС должна присутствовать элементарная релятивная сема или релятивный комплекс сем. При этом релятивным комплексом сем признается любое семное образование, имеющее в целом две и более валентностей. Внутри комплекса могут находиться классемы, частично заполняющие валентности предикатных (релятивных) сем. 2. В семной структуре должна присутствовать по крайней мере одна синтагматическая сема, не теряющая этого своего статуса. 3. Архисема должна находиться в отношении аргумента к релятивному комплексу сем (элементарной релятивной семе) [Коваль 1990: 12—13].

Для рассматриваемых существительных релятивной семой является сема «означивание (семиозис)». Валентности данной релятивной семы оформлены в значениях существительных означивания двумя функциональными семами¹. Необходимо отметить, что у данных существительных указанный фрагмент семной структуры с трудом поддается анализу на релятивную и функциональную семы, поскольку отношение между предикатом и связываемыми им синтагмами² не укладываются в представления о стандартном наборе семантических ролей. С очень большой долей приближенности функциональные семы существительных означивания можно обозначить как «средство» и «объект». Вместе с релятивной семой данные функциональные семы составляют релятивный комплекс: «средство» – ОЗНАЧИВАНИЕ – «объект». Для удобства анализа можно рассматривать данный релятивный комплекс сем как элементарную

¹Под функциональными семами понимаются семы, соответствующие семантическим ролям [Гайсина 1981: 58—59], под названием «синтагматические семы» представлены в [Васильев 1971: 22]. Релятивная сема или комплекс сем, имеющий смысл предиката, обязательно имеет при себе столько функциональных сем, сколько валентностей у данного предиката [Коваль 1990: 47].

²Синтагмами в семантике называются семы, обеспечивающие содержательную связь между полнозначными словами в тексте.

релятивную сему «знак» («содержание»), которая передает отношение между единицей плана выражения (то есть материальным предметом, в том числе изображением, словом) в качестве первого терма и единицей плана содержания (понятием, пропозицией) в качестве второго терма. «Знак» в данном употреблении сводится к означаемому, т. е. понимается как односторонняя сущность.

Релятивный комплекс сем передает сущность отношения означивания. Проверка наличия данного комплекса сем в значениях рассматриваемых существительных осуществлялась по толковым словарям современного английского языка.

Валентности релятивного комплекса сем, в свою очередь, заполняются соответствующими синтагмами. Как известно, в современной семантике выделяется два типа синтагмем: архисемы и синтагматические семы. Архисемой является классема, обобщающая значение данного слова, называющая класс, к которому относится его денотат. Например, «факт» для существительных *sign*, *symptom* и др., «экспонент» для существительных *index*, *signal*, *signature* и др., «ситуация» для существительных *indication*, *omen*, *portent* и др., «предмет вещественно-пространственного ряда» для существительного *indicator* и т.д. Вторым типом синтагмем являются синтагматические семы, которые указывают на класс, к которому может принадлежать денотат зависимого слова (иначе говоря, на архисему возможного зависимого слова). Например, «ситуация» для существительных *omen*, *portent* и под., «процесс» для *signal*, «предмет» – для существительного *emblem*, «понятие» для *symbol*, «факт» для *sign*, *symptom* и т.д.

Вместе с синтагмами релятивный комплекс сем составляет релятивный каркас семантем существительных означивания, который в основном и определяет их принадлежность к разряду релятивных.

Выделенные категории сем не исчерпывают содержания существительных означивания. Как показал анализ, кроме указанного релятивного каркаса значения рассматриваемых существительных также включают ряд других сем, что позволяет проводить дальнейшую субкатегоризацию существительных означивания.

Особенностью существительных означивания является то, что они относятся к так называемым классификаторам, то есть используются для категоризации предметов (в широком смысле слова). Как отмечает Е.В.Кларк, система классификаторов отражает базисный процесс категоризации, который вначале протекает на неязыковом уровне. Классификаторы содержат информацию о принципах систематизации объектов, лежащих в основе процесса осмысления людьми окружающего их мира [Кларк 1984: 237].

При анализе семантики классификаторов в естественных языках обнаруживается, что в качестве критерия для отнесения предметов к той или иной категории «выбираются» определенные признаки соответствующих предметов. Некоторые из этих признаков считаются главными и могут быть единственным основанием для классификации, другие признаки играют вспомогательную роль и обычно встречаются в комбинации с главными. Различные комбинации основных и второстепенных признаков, на которых базируется категоризация, может вызвать к жизни множество различных классификаторов и, соответственно, категорий.

Большинство признаков, служащих критерием классификаций, выявляется при зрительном восприятии объектов окружающей действительности. Однако, иногда категоризация может основываться и на функции предмета.

Релятивные существительные со значением «знак» не только номинируют отношение означивания, но одновременно указывают тип знака, участвующего в этом отношении. Это происходит благодаря тому, что вещественное значение существительных означивания конкретизируется с помощью разного рода дифференциальных сем. Прежде всего, в семантике рассматриваемых существительных содержится указание на характер связи между означаемым и означающим. Например, существительные типа *effigy*, *device*_{1,5}, *figure*₁₀, *gesture*_{3,4}, *type*₂ и под., которые можно объединить под общим наименованием «*icons*», содержат в своем значении указание на то, что это наименования знаков-копий («*Something that represents or denotes something else by exact resemblance; a usually pictorial representation*» — OED v.VII, p.608). Существительные

augury, divination, foreboding, foreknowledge, foreshadow, grip₂, harbinger, herald, omen, portent, prediction, premonition, presage, prophecy, signpost₂, stigma, symptom, syndrome и др. содержат в своей семантике указание на то, что они являются наименованиями знаков-признаков, включающих собственно признаки, показатели, приметы и симптомы, и могут быть объединены под общим именем «indices» («Something that indicates, stands for or suggests something else by reason of relationship or association» — OED v.VII, p.853). Наконец, в значении существительных типа allegory₃, badge, brand, device₄, character, emblem, ensign, insignia, mark, note₂, numeral, number₄, type₁ и под. содержится указание на то, что это наименования знаков-символов («Something that stands for, represents or denotes something else by vague suggestion, or by some accidental or conventional relation» — OED, v.XVII, p.451). Поскольку в основе подобной классификации лежит, по существу, онтологический статус объектов реальной действительности, выступающих в качестве знаков, можно отметить, что в семантической структуре значения рассматриваемых имен существительных присутствует сема, указывающая на онтологический статус знака-объекта.

В свою очередь, каждая из указанных групп существительных может быть расширена путем дальнейшей категоризации, основывающейся на учете дополнительных сем, характеризующих то или иное наименование знака. Так, среди наименований знаков-признаков можно выделить подгруппу существительных, в значении которых содержится указание на временную отнесенность в будущее: augury («indication or signification of the future afforded by any thing» — OED, v/I, p.785); divination («the foretelling of future events, augury, prophecy» — OED, v. IV, p.892); foreboding («prediction, presage, a presentiment of something to happen» — OED, v.VI, p.45); foreshadow («an indication or imperfect representation of something to come» — OED, v.VI, p.58); herald («a person or thing that precedes and announces the approach of another» — OED, v.VII, p.151); omen («a sign of some future event» — OED, v.X, p.785); portent («that which foretells something momentous about to happen» — OED, v.XII, p.151); presage («an indication of future event, omen, portent sign»

— OED, v.XII, p.386); token («a sign of something to come» — OED, v.XVIII, p.197).

Среди наименований знаков можно выделить также те существительные, в семантике которых содержится сема оценки. Данные существительные, указывая на разновидность знака, одновременно характеризуют его. По данному признаку существительные со значением «знак» делятся на две подгруппы: а) имена, в значении которых не содержится сема оценки (таких существительных большинство) и б) наименования знаков, в значении которых содержится сема оценки, причем, как показывает материал, эта оценка, как правило, отрицательная. Например: brand («a sign or mark, usually — with reference to the practise of branding criminals — conveying the idea of disgrace, a mark of infamy» — OED, v.II, p.488); foreboding («a prediction, presage — only of evil; a presentiment of something to come, especially of approaching or overhanging evil» — OED, v.VI, p.45); portent («an evil omen; that which portends something momentous about to happen, especially of a calamitous nature» — OED, v.XII, p.151); stigma («a mark of disgrace or infamy; a sign of severe censure or condemnation» — OED, v.XVI, p.689); symptom («sign of the existence of something bad» — OED, v.XVII, p.464).

По функциональному признаку (то есть по тому, какая функция преобладает у той или иной разновидности знаков) среди существительных означивания выделяются следующие группы: 1) существительные, содержащие в своем значении сему «representation» (функция репрезентации): allegory, diagram, emblem, figure, foreshadow, icon, image, symbol, type и под.; 2) существительные, содержащие сему «indication» (функция указания): augury, evidence, foreshadow₂, hint, index, indicator, indicium, insignia, presage, token, symptom, signal и под.; 3) существительные, в семантике которых имеется сема «distinguishing sign or characterisation» (функция характеристики): badge, brassard, character, earmark, emblem, ensign, insignia, mark, note, signature, symptom, token₂, type₃.

Наименования знаков можно также разделить на те, в семантике которых содержится указание на цель, с которой используется знак, и те, в семантике которых такое указание

отсутствует. Так, к существительным, содержащим указание на цель использования знака, относится большая группа имен знаков-сигналов – «signals» («any event or action, that causes some activity; a sign perceptible by sight or hearing, given especially for the purpose of conveying warning, direction or information» – OED, v. XV, p.454). Например: *beacon*, *caution*, *countersign*, *counter-signal*, *hand signal*, *gesture*₁, *grip*₁, *note*₁, *warning sign* и под. В свою очередь, среди существительных со значением «сигнал» выделяется небольшая подгруппа имен, в структуре семантики которых есть компоненты, указывающие на условия функционирования наименования знака. На основании этой дифференциальной семы наименования сигналов, даваемых в ответ на какой-либо другой знак, противостоят всем остальным наименованиям сигналов. Например: *counter-signal* («a signal in response to another signal» – OED, v.III, p.1037); *countersign* («a sign or signal used in reply to another's sign; a watchword, pass-word» – OED, v.III, p.1037).

2.4. Структурно-семантические свойства конструкций с существительными означивания

Номинативные свойства существительных означивания определяют их синтаксические особенности и, прежде всего, их валентностные характеристики. Поскольку рассматриваемые имена относятся к релятивным, называющим отношение, они являются предикатами, то есть могут иметь при себе определенное число аргументов. Как уже указывалось в разделе 2.3, способность предикатного знака взаимодействовать с определенным числом аргументов называют в лингвистике семантической, или логико-семантической валентностью¹.

До недавнего времени способность обладать логико-семантической валентностью признавалась только за глаголом. Так, в рамках грамматики зависимостей Л.Теньера в 50-е годы была разработана так называемая вербоцентрическая концепция, развитая впоследствии многочисленными исследователями как у нас в стране, так и за рубежом². Характерной особенностью развития теории валентности на современном этапе является признание логико-семантической

¹ Более точным является выделение трех видов валентности: логической, семантической и синтаксической. О *логической валентности* говорят, имея в виду отношения между логическими предикатами и их аргументами; *семантической валентностью* считают заполнение мест соответствующих логических предикатов переменными, принадлежащими к определенным семантическим классам. *Синтаксической валентностью* является заполнение (облигаторное или факультативное – Admoni 1972) открытых позиций слова, обладающего валентностью, словами определенных лексико-грамматических разрядов. Многие современные лингвисты считают, что рассмотрение валентности не следует ограничивать только синтаксическим уровнем, к нему необходимо присоединить логико-семантический уровень интерпретации валентности. (Подобный подход к расширению понятия валентности см., например, в работах: Степановой 1973; Хельбиг 1978 и др.).

² Так, например, данная концепция получила всестороннее развитие в работах представителей немецкой лингвистической школы [Brinkmann 1962; Erben 1964 и др.].

валентности не только у глагола, но и у других частей речи, в частности, у существительного [Bondzio 1971; Sommerfeldt, Shreiber 1975; Лебедев 1969; Иртеньева 1971, 1973; Иофик 1972; Новикова 1978 и др.].

Как отмечают исследователи, логико-семантическая валентность предопределяет синтаксическую валентность, которая реализуется на синтаксическом уровне предложения. Иначе говоря, логико-семантическая и синтаксическая валентности находятся в тесном взаимодействии и взаимно дополняют друг друга. При этом синтаксическая валентность является формой выражения логико-семантических отношений.

Существенной особенностью существительных означивания является ярко выраженная двойственность их семантико-синтаксических свойств в различных употреблениях. В конструкциях, передающих информацию о наличии отношения означивания, данные существительные могут встречаться, во-первых, в предикатной позиции и, во-вторых, могут употребляться субстантивно. Как отмечает С.А.Коваль, ни у какого другого разряда существительных предикатные и субстантивные употребления не противопоставлены друг другу настолько, как у релятивных существительных [Коваль 1990: 22]. Сказанное с полным основанием можно отнести и к существительным означивания.

Данные существительные относятся к двухактантным именам. В качестве актантов при именах означивания могут выступать обозначения самых разнообразных предметов и явлений окружающего мира, а также отвлеченных понятий. Актанты не имеют семантической ролевой интерпретации в терминах существующих семантико-синтаксических описаний. Условно будем обозначать их следующим образом: «означающее» (репрезентирующее первый терм соотношения) и «означаемое» (репрезентирующее второй терм)¹.

¹ Здесь и далее данные термины приводятся в кавычках. В таком написании они будут обозначать актанты при именах означивания. Без кавычек те же термины мы будем использовать для обозначения двух сторон знака.

Анализ материала показал, что существительные означивания реализуют свою логико-семантическую валентность в субъектно-объектной конструкции, которая на уровне членов предложения представлена конфигурацией «подлежащее – сказуемое – дополнение». При этом рассматриваемые существительные могут занимать любую из синтаксических позиций в данной конструкции, что позволяет выделить несколько ее разновидностей, называемых в дальнейшем изложении моделями. Рассмотрим сначала те модели, в которых существительные означивания занимают синтаксическую позицию предикативного члена.

Модель I: S P (V + Comp_s) O₃

В данной связочной модели существительное означивания является субъектным компонентом. Синтаксическую позицию подлежащего занимает первый актанта отношения – «означающее». Второй актанта – «означаемое» – представлен предложным дополнением. Например:

(32) The new leaves on the trees were *symbols* of hope, the daffodils forerunners of spring [9, p.186].

(33) The villain of the piece was of course Miss Casement; her peculiar treachery was the *symbol* of the whole catastrophe [27, p.206].

(34) She could not help feeling that Nina's small stature was the *mark* of a small nature [27, p. 73].

В примере 30 первый актанта выражен именной группой, второй актанта – одиночным существительным. В примерах 33 и 34 оба актанта представляют собой именные группы.

Модель II: IT P (V + Comp_s) O₃ S

В модели II существительное означивания также выполняет синтаксическую функцию субъектного компонента. В модели содержится два подлежащих: формальное *it* и собственно подлежащее, выраженное инфинитивным оборотом и репрезентирующее первый актанта – «означающее». Второй актанта – «означаемое» – занимает позицию предложного дополнения. Например:

(35) It's *a sign* of weakness to show up so early [8, p. 145].

(36) She told me once it was *a sign* of madness to want everything clean [11, p.64].

(37) When I was a young man, though his books sold but little and one or two were banned by the libraries, it was very much *a mark* of culture to admire them [21, p.102].

В приведенных примерах второй актанта выражен одиночным и существительными.

Как видим, в синтаксической структуре моделей I и II представлены все аргументы предиката означивания: «означающее» и «означаемое», между которыми устанавливается отношение означивания. Это является необходимым условием того, чтобы существительное со значением «знак» реализовало свою логико-семантическую валентность в качестве предиката означивания. Таким образом, существительные означивания в предикативном употреблении реализуют две валентности – на первый и второй термы соотношения.

Как уже указывалось, рассматриваемые существительные одинаково широко используются как в качестве предикативного члена, так и субстантивно. Рассмотрим модели, в которых существительные означивания реализуют свою логико-семантическую валентность в субстантивном употреблении.

Модель III: **There P S O₃ / There P S Attr**

В данной модели существительное означивания занимает синтаксическую позицию подлежащего. Оно репрезентирует первый актанта отношения – «означающее». В качестве предложного дополнения выступает имя существительное, именная группа или пропозициональное выражение, репрезентирующее второй актанта – «означаемое». Например:

(38) He was breathing a little faster than normal, and a muscle in his neck twitched a couple of times, but there was no *indication* of a crisis [41, p.44].

В данной модели второй актанта может быть выражен также придаточным определительным к подлежащему – существительному означивания:

(39) But there had been no *sign* in O'Donnell's manner that he regarded her as anything more than a pleasant companion [16, p. 25].

Модель III чаще всего используется для передачи информации об отсутствии какого-либо знака.

Модель IV: S P_{sign} O₁

Данная модель организована предикатом означивания – глаголом со значением «быть знаком». Существительное означивания употребляется в ней субстантивно, занимая синтаксическую позицию подлежащего и репрезентируя первый актант – «означающее». Второй актант представлен на синтаксическом уровне прямым дополнением:

(40) I'm almost sure now that certain *signs* represent grammatical suffixes [27, p.26].

(41) This Egyptian *symbol* signifies their “key of life” [12, p.591].

Модель V: S Attr P

В отличие от модели IV, данная модель не организована предикатом означивания. В связи с этим в ней используется несколько иной способ представления актантов на синтаксическом уровне. В частности, второй актант – «означаемое» – занимает синтаксическую позицию определения (постпозитивного или препозитивного) к подлежащему. Само же подлежащее репрезентирует первый актант – «означающее» – и выражено существительным означивания:

(42) [When Tom went to meet Gladys at the station they stood for some minutes on the platform not certain of the other's identity.] Then their tentative *signs* of recognition corresponded [45, p.258].

(43) Reaction *signals* normally serve only as response utterances [Ibid, p.274].

Существительные означивания могут реализовывать свою логико-семантическую валентность и занимая в предложениях, передающих информацию об отношении означивания, синтаксическую позицию дополнения. Как правило, в подобных предложениях подлежащее указывает на субъекта знаковой ситуации – агенса – и выражено одушевленным именем существительным или личным местоимением. При этом существительное означивания реализует одну валентность – на второй терм соотношения.

Модель VI: S P O₁ Attr

В данной модели подлежащее указывает на агенса; существительное означивания репрезентирует первый актант и является прямым дополнением; второй актант занимает

синтаксическую позицию определения. В примере 44 это постпозитивное определение, в примерах 45 и 46 – придаточные определительные к прямому дополнению, выраженному существительным означивания:

(44) ... whenever Miss Fleischer came into the shop, Christopher looked carefully for pleasing *signs* of voracity [35, p. 170].

(45) I tried not to bore you with my love; I knew I couldn't afford to do that and I was always on the lookout for the first *sign* that you were impatient with my affection [3, p.67].

(46) All through tea I had waited for some *indication* on his part that he knew I had seen the girl [12, p.167].

Модель VII: S P Attr O₁

Данная модель отличается от предыдущей тем, что в ней второй актант – «означаемое» – занимает синтаксическую позицию препозитивного определения к дополнению, выраженному существительным означивания. Например:

(47) In September the place was sold to a family with toddling infants, who for safety's sake have drained the pool. They put *warning signs* around, as around a chained dog [43, p.54].

Модель VIII: S P O (O₁ + Compl₀ + O₃)

В данной модели существительное означивания занимает синтаксическую позицию объектного комплимента. Первый актант отношения является прямым дополнением, второй актант – предложным дополнением. В качестве сказуемого при этом используются предикаты умственной деятельности (verbs of mental activity), присоединяющие к себе комплекс «дополнение + объектный комплимент» с помощью *as*¹ – regard, look upon, treat и под.

(48) ... earnest Christians have regarded the present war as a true *sign* of the Lord's approaching return [18, p.82].

(49) When confronted with an object which is not a human being we must of course treat it reverently. We must, if we paint it, attempt to show what it is like in itself, and not treat it as a *symbol* of our moods and wishes [28, p.56].

¹ См. интерпретацию данной конструкции в Quirk et al 1982: 370.

Анализ синтаксических моделей, в которых существительные означивания употребляются субстантивно, позволяет сделать следующее заключение. В субстантивном употреблении существительные означивания сами обозначают первый терм соотношения и утрачивают таким образом одну из своих валентностей. Занимая синтаксические позиции подлежащего или дополнения, а также употребляясь атрибутивно, рассматриваемые существительные обозначают в предложениях, передающих информацию об отношении означивания, предметы (в широком смысле слова) по признаку их участия в данном отношении.

Особенностью конструкций, передающих информацию об отношении означивания, является то, что семантические актанты могут быть представлены не только отдельными существительными или именным и группами, но и развернутыми пропозициями, не сворачиваемыми в именную группу. В последнем случае рассматриваемые конструкции как бы расширяют свои синтаксические рамки. Это выражается в том, что для передачи информации об отношении означивания используются вместо простых предложений сложные. Например:

(50) Pyle cleared his throat and it was *the signal* for an approaching intimacy [14, p.114].

В данном случае для передачи информации об отношении означивания используется сложносочиненное предложение (ССП). Первый компонент рассматриваемого ССП представляет собой первый терм соотношения – семантический актант «означающее». Второй компонент ССП – это собственно конструкция означивания, организованная предикатом *to be a signal*, в которой первый актант представлен анафорическим заместителем *it* в позиции подлежащего, а второй актант – «означаемое» – именной группой в позиции предложного дополнения.

Существительные означивания могут реализовывать свои логико-семантические валентности и в рамках сложноподчиненных предложений (СПП):

(51) When Patters on had volunteered to come up for the weekend to check on Tony, Oliver had been touched by this *evidence* of thoughtfulness on his friend's part [36, p.16].

В данном примере семантический актант «означающее» представлен придаточным обстоятельственным, существительное означивания занимает синтаксическую позицию дополнения в главном предложении. Второй актант – «означаемое» – является предложным дополнением к существительному означивания.

(52) As the ship steamed into Marseilles, Kitty on a sudden caught sight of the golden statue of the Blessed Virgin which stands upon the church of Sainte Marie de la Grace as a *symbol* of safety to the mariner at sea [45, p.225].

В примере 52 первый актант – «означаемое» – представлен именной группой в позиции дополнения в главном предложении. Существительное означивания и именная группа, репрезентирующая второй актант, употреблены в придаточном определительном и занимают синтаксические позиции дополнений.

Существительные означивания могут реализовывать свои логико-семантические валентности не только в предложении (простом или сложном), но и в тексте. При этом, устанавливая за счет своих валентных свойств семантические связи с актантами, они тем самым осуществляют связующую функцию в тексте. Например:

(53) Mighty empires have crashed in ruin to the ground, diseases have unpeopled half the globe, there have been vast natural cataclysms in which thousands have been overwhelmed by flood and fire and whirlwind. Time and again, such things have happened, but they have not brought Christ back to earth. They were *signs* of the times in as much as they were *signs* of God's wrath against the chronic wickedness of mankind [18, p.82].

В примере 53 представлено сверхфразовое единство, состоящее из трех предложений. Первое предложение содержит перечисление семантических актантов – «означающих», совокупность которых представляет собой первый терм отношения означивания, информацию о котором передает данный отрывок. Во втором предложении данная совокупность

свернута в именную группу *such things* и далее – в анафорический заместитель, выраженный личным местоимением *they*. Последнее предложение представляет собой собственно конструкцию означивания, организованную предикатом *to be a sign*. В данной конструкции первый актант представлен личным местоимением *they* (анафорическим заместителем) и занимает синтаксическую позицию подлежащего. Второй актант занимает синтаксическую позицию предложного дополнения.

Интересно отметить, что существительные означивания могут выступать в качестве опорных слов и образовывать семантическую основу текстовых сегментов не только монологического, но и диалогического характера. Например:

(54) - I might take over the job from Chips Rafferty.

- I think you've got something he hasn't got.

- Probably my red hair.

- Maybe. It's probably *a symbol*.

- *A symbol* or *a symptom*?

- *A symptom* of what – a roving eye and inflammable temperament?

He shrugged. "Maybe" [9, p.139].

В данном примере существительные *symbol*, *symptom* выступают в качестве опорных слов, на которых базируется информация, заключенная в рассматриваемом отрывке текста. Смысловой стержень данного отрывка сводится к установлению отношения означивания между первым актантом – «означающим» (*my red hair*) и вторым актантом – «означаемым» (*a roving eye and inflammable temperament*). Семантическая связь с актантами устанавливается благодаря валентным свойствам существительных означивания. В данном отрывке текста они употреблены предикативно и за счет этого реализуют обе свои логико-семантические валентности.

Как уже отмечалось, особенность конструкций, организованных предикатами со значением «быть знаком», является то, что очень часто в них актанты представлены развернутыми пропозициональными выражениями, которые не сворачиваются в именные группы. В связи с этим данные развернутые выражения, репрезентирующие семантические

актанты, находятся за пределами собственно конструкций означивания, а в рамках самих конструкций используются их анафорические заместители *it, that, this (fact)* и под.) Чаще всего в конструкции означивания анафорическим заместителем представлен первый актант – «означающее»:

(55) *The pleura, normally a transparent, glistening membrane covering the lungs, had a thick coating of scarring – a dense, white fibrous tissue. It was a signal of tuberculosis [16, p.23].*

(56) *He had long hands, with the nails carelessly manicured and she remembered that until he was eight he had bitten them so badly that the cuticles had often bled. Now, the psychiatrists said, that was a sign of insecurity, a fear of being left alone, of being unloved [36, p.196].*

Второй актант, – «означаемое» – как правило, представлен в конструкциях означивания в своем полном, развернутом виде. Однако, в некоторых случаях он также может быть выражен с помощью анафорического заместителя. Например:

(57) *“You the writer? We don’t need you here”, he says. Rennie’s heard that the Caribbean is becoming hostile to tourists, but this is the most blatant sign she’s seen of it [1, p.77].*

В данном случае знаком является целая ситуация: офицер пограничной службы очень негостеприимно ведет себя по отношению к прибывшей в его страну иностранной журналистке. Оба актанта отношения означивания в развернутом виде находятся за пределами собственно конструкции, передающей информацию об отношении означивания. Первый актант – «означающее» – на синтаксическом уровне представлен двумя простыми предложениями, составляющим реплику офицера пограничной службы. В рамках самой конструкции данный актант репрезентируется заместителем *this*. Второй актант – «означаемое» – занимает синтаксическую позицию придаточного предложения (*the Caribbean is becoming hostile to tourists*), а в рамках собственно конструкции означивания представлен заместителем *it*.

В конструкциях означивания также может иметь место анафорический эллипсис одного из актантов, а именно, второго – «означаемого». Например:

(58) The last time you see your father before he dies, he thought, you should know it, there should be *a sign*, a warning, a Nevenmore, so that you can say an appropriate word, so that you do not hurry from a bare hotel room, worrying that you are late for a rendezvous at a bar [36, p.224]

(59) “Beware this girl, Son”, Collins said. “She has her eye on you. I recognize *the signs*” [36, p.173].

В примере 58 существительное *sign* выражает отношение означивания и одновременно называет первый актант данного отношения. Второй актант представляет собой пропозицию, которую можно было бы перефразировать следующим образом: *this is the last time you see your father before he dies*. Данная пропозиция не поддается сворачиванию в именную группу и не входит в конструкцию, передающую информацию об отношении означивания. В рамках конструкции, таким образом, имеет место анафорический эллипсис второго актанта отношения означивания.

В примере 59 существительное *sign* употреблено субстантивно. Оно репрезентирует первый актант – «означающее». Второй актант в конструкции означивания отсутствует. Он представлен в предыдущем предложении – *She has her eye on you* и также является пропозициональной сущностью, не сворачиваемой в именную группу. В самой же конструкции второй актант эксплицитно не выражен, имеет место его анафорический эллипсис.

Данная особенность характерна не только для существительных означивания, но и для некоторых других семантических групп релятивных существительных, которые имеют в качестве термов пропозициональные сущности. В частности, ее отмечает С.А.Коваль у релятивных существительных, передающих межсобытийные отношения [Коваль 1990: 19].

Еще одной отличительной чертой существительных означивания (по сравнению с глаголами с этим же значением) является их способность к абсолютному употреблению, то есть

возможность функционировать в предложении без своих актантов. Например:

(60) ... from all *indications*, he was approaching marriage, like a squirrel approaching a peanut, apprehensive but hungry [35, p.171].

(61) She examines her face in the mirror, checking for *signs*. In fact she looks quite well, she looks normal [1, p.15].

(62) Sue nodded, then frowned. "What is it?" Harry asked. He was terribly alert even for the smallest *signs* [35, p.198].

Данная особенность существительных означивания связана с тем, что они принадлежат к абстрактным именам и включают в себе большую степень обобщения и отвлеченности, что и позволяет им функционировать в предложении самостоятельно.

Г Л А В А 3

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ЗНАКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1. Вводные замечания

Как известно, все вопросы, касающиеся отношения знаков к интерпретаторам и их деятельности, семиотика выносит в сферу «прагматики» которая наряду с «семантикой» и «синтактикой» составляют одну из ее областей. Само понятие «прагматика» было введено И.Кантом как раз в связи с исследованием деятельности. «Прагматическое исследование», согласно Канту, занимается тем, что человек «как свободное действующее существо делает или может делать из себя сам» [Кант 1966: 351].

В семиотике Ч.Морриса прагматические отношения между знаком и его интерпретаторами во многом понимались с позиций той теории поведения, которую разрабатывали современные Моррису бихевиористы. Так, например, Моррис считает, что интерпретатором знаков может быть любой организм, обладающий навыками реакции на знаковые средства как на сами объекты, замещенные этим и знаками [Моррис 2001: 134]. При этом ни обладание сознанием, ни включенность в социальные и культурные связи, характеризующие человеческую коммуникацию, ни даже сам акт коммуникации между разными интерпретаторами Моррис не относит к числу факторов, обязательных для функционирования знаков.

Лингвистика, даже опирающаяся на те же бихевиористские основания, может дать более точное описание своеобразия той информационной цепи, в которую включены человеческие знаки. Ведь уже по самому своему предмету лингвистика ориентирована на специфически человеческие средства коммуникации. Так, Л.Блумфилд, исходя из той же бихевиористской схемы «стимул – реакция», на основе которой развивает свою прагматику и Моррис, учитывает в качестве необходимого условия знаковой связи участие знаков в коммуникативном акте, происходящем между людьми.

Рассматривая знаки как искусственно вводимые в этом акте «стимулы», Блумфилд строит такую схему знакового процесса, в которой отношения знаков к объектам включаются в отношения между людьми. В результате введения опосредствующих звеньев, т.е. знаковых средств, общая схема связей между стимулами и реакциями приобретает следующий вид: $S \rightarrow r \dots s \rightarrow R$ [Блумфилд 1968: 37—40].

Однако, Блумфилд принципиально исключает из своего анализа какие-либо ссылки на внутренние психические процессы, участвующие в детерминации знакового поведения. Вместе с тем, как отмечают многие исследователи (см., в частности, Чертов 1993: 193), одна лишь внешняя стимуляция не может однозначно детерминировать внутреннюю реакцию мыслящего и чувствующего субъекта хотя бы уже потому, что «внешнее воздействие, — как подчеркивал С.Л.Рубинштейн, — дает тот или иной психический эффект через психическое состояние субъекта, через сложившийся у него строй мыслей и чувств» [Рубинштейн 1957: 226].

Альтернативную к бихевиоризму концепцию детерминации человеческого поведения дает теория деятельности, разработанная в исследованиях Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурии, С.Л.Рубинштейна и других. Вместо механицистского положения бихевиористов о полной подчиненности поведения внешним стимулам психологическая теория деятельности выдвигает тезис о детерминации поведения взаимодействием внешних и внутренних факторов.

Согласно А.Н.Леонтьеву, своеобразие деятельности, опосредуемой знаками, состоит в том, что «внутренне субъект действует через внешнее и этим само себя изменяет» [Леонтьев 1975: 181].

По Л.С.Выготскому, подобно техническим орудиям, используемым в отношениях субъекта к объектам, знаки выполняют роль средства деятельности, но только деятельности, направленной уже не на материальные объекты, а на других субъектов деятельности или даже на самого отправителя знакового сообщения [Выготский 1984: Т.6, 84—85].

В данной главе мы рассмотрим высказывания о знаковой деятельности в функционально-прагматическом аспекте, а

именно: проанализируем, как в повседневной речи говорящий рассказывает о своем и чужом семиотическом опыте, как он оценивает и интерпретирует различные знаки и что он осмысливает в качестве знаков.

3.2. Человек как знак

Знаком может служить любой компонент нашего жизненного опыта и окружающего нас мира. Как известно, «реальный мир», или внеязыковая действительность, находящая свое отражение в языке, включает, и при этом на равных правах, природные вещи и вещи, созданные людьми. В качестве знака могут выступать как те, так и другие — предметы, свойства предметов, явления, лица, признаки, действия лиц и животных и т.д. По выражению Ю.М.Лотмана, культурное бытие человека есть погружение его в «семиосферу» [Лотман 2000: 250].

Семиотическая деятельность человека универсальна и беспредельна. Она распространяется не только на окружающие его предметы, наблюдаемые им явления, события, но и на него самого. Человек не ограничивается тем, что приписывает знаковую функцию фрагментам окружающего его мира, он может воспринимать как знаки других людей и осмысливать в качестве знака себя самого. Очевидно, это связано с тем, что в структуре сознания личности, по свидетельству психологов, можно выделить некоторое обобщенное глобальное ядро — «глобальную Я-концепцию» [Бёрнс 1986: 30]. «В структуре «Я-концепции» различают две подструктуры: «Я-сознающее» и «Я-как-объект». Вместе они характеризуют единую структуру «Я» как самосознание, обладающее чувством собственной преемственности и неповторимости. Р.Бёрнс рассматривает Я-концепцию как совокупность установок «на себя», включающую три группы модальностей: 1) реальное «Я» или представление о том, каков я на самом деле; 2) идеальное «Я» (каким я хотел бы быть); и 3) зеркальное «Я» (как меня воспринимают другие). В свою очередь, каждая модальность имеет физический, социальный, когнитивный и эмоциональный аспекты» [Бёрнс 1986: 61–63].

Ученые, занимающиеся исследованием семиотико-психологических аспектов онтогенеза человека, пришли к выводу о том, что «человек как знак — генетически исходная форма семиотического отношения, развитие которой, претерпеваемые ею метаморфозы вызывают к жизни более конкретные формы семиотического отношения — семиотику

естественного языка и изобразительного искусства, семиотику товарообмена и обмена знаниями, семиотику музыки и невербальных средств коммуникации и т.д.» [Глотова, 1990:31]. При этом указывается, что выражение «человек как знак» подразумевает своеобразную обратимость семиотического отношения: другие явления являются знаками для меня, я являюсь знаком для других, и все мы вместе являемся знаками для самих себя. Следовательно, во взаимодействии с другими людьми каждый человек реализует несколько взаимосвязанных семиотических функций: а) быть знаком для другого человека, б) быть знаком для самого себя, в) относиться к другому человеку как к знаку. (Там же). Эти функции человек может осуществлять как стихийно, неосознанно, так и сознательно, ставя перед собой соответствующие цели. В первом случае семиотические акты, по-видимому, не вербализуются. Акты сознательной целенаправленной семиотической деятельности находят свое отражение в языке.

Так, например, осуществляя первую функцию – *быть знаком для другого человека*, — мы осознаем проявления своих чувств, эмоций, свои действия и поступки и т.д. как нечто, что может служить знаком для других людей. Например:

(63) I think, I was just a kind of *symbol*, Julie. Of all sorts of other things that had gone wrong in her life. The last straw, I suppose [12, p.490].

Молодой человек рассказывает о своей бывшей возлюбленной, которая после ссоры с ним покончила жизнь самоубийством. Рассказчик является одновременно инициатором и адресатом (интерпретатором) семиотического акта. Воспринимая самого себя в качестве знака (символа), он рассматривает самоубийство своей подруги как реакцию на этот знак.

(64) Let him understand that she was a human being, not a block to be pushed, a piece of material to be shaped, that her feelings were *sign-posts, danger-signals*, appeals, and were to be considered [36, p.114].

В данном примере представлен внутренний монолог героини, которая выступает в роли инициатора семиотического акта. Молодая женщина воспринимает свои собственные

чувства как знаки, сигналы об опасности, грозящей ее семейному благополучию, и хочет, чтобы именно так истолковал их ее муж.

Осуществляя функцию «быть знаком для другого», человек может намеренно производить определенные действия с тем, чтобы они осмысливались каким-либо интерпретатором как знаки:

(65) Piggy came and stood outside the triangle. This *indicated* that he wished to listen, but would not speak; and Piggy intended it as *a gesture* of disapproval [13, p.134].

Данная семиотическая ситуация описывается с точки зрения наблюдателя, который выступает как со-интерпретатор. Инициатором семиотического акта является один из персонажей романа по кличке Хрюша. Он намеренно ведет себя таким образом, чтобы все присутствующие восприняли его действия как знак неодобрения их поведения. В рассматриваемом высказывании использовано два предиката означивания: глагольный (to indicate) и именной (gesture). Интересно употребление второго предиката. Существительное gesture является названием одной из конкретных разновидностей знаков. В данном случае оно переосмысливается и употребляется в значении родового имени для всего класса подобных объектов - «sign».

В следующем примере знаковая ситуация описана интерпретатором, адресатом семиотического акта. Инициатор его — старик. В качестве знака осмысливается манера его поведения, хорошо продуманная и рассчитанная на совершенно определенную интерпретацию. Старик осознает себя, свое поведение как знак для другого человека и намеренно «создает» этот знак, желая вызвать у своего гостя (адресата) определенную реакцию:

(66) The old man's nervous intensity, that jerking from one place to another, one subject to another, his jaunty walk, the gnomish answers and mystifications, the weird flinging-up of his arms when I left - all his mannerisms *suggested*, were calculated *to suggest*, that he wanted to seem younger and more vital than he was [12, p.92].

Осуществляя другую семиотическую функцию — «быть знаком для самого себя», человек занимается «декодированием»

самого себя. Он означает и интерпретирует свои собственные реакции, функциональные и эмоциональные состояния, свои поступки и т.д.:

(67) ...there existed steadily in the back of my head vibration which meant order, beauty, simplification, enjoyment, appreciation [24, p.48].

Данное высказывание принадлежит начинающему писателю, работающему над своей первой книгой. Объектом означивания является его собственное эмоциональное состояние в этот период. Рассказчик является одновременно инициатором и адресатом семиотического акта.

(68) For the headmistress, a Miss Walpole, she felt a pure and disinterested hatred... Annette had never hated anyone in this way before and took pride in the emotion, which she felt to be *a sign* of maturity [27, p.6].

В этом примере семиотический акт описан с точки зрения наблюдателя. Субъектом знаковой ситуации является молодая девушка по имени Аннетт, которая воспринимает как знак испытываемое ею чувство ненависти по отношению к одной из наставниц. По мнению Аннетт, это чувство является знаком того, что она уже стала взрослой. Реакцией на этот знак является другое возникающее у нее чувство - гордости за себя.

В следующем примере субъект означает свои собственные действия:

(69) I started swinging the axe ... and I felt each stroke was *a symbol*. Something more than wood was being hewn into manageable lengths. As I neatly stacked the branches, I felt I was also beginning to neatly stack the mystery of Bourani and Conchis [12, p.299].

Осуществляя третью семиотическую функцию – «относиться к другому человеку как к знаку», мы воспринимаем в качестве знаков действия, качества, чувства, эмоции и т.д. других людей и приписываем им определенный смысл. При этом в качестве знака может осмысливаться человек «в целом», т.е. во всей совокупности своих проявлений — качеств, поступков, примет, особенностей и т.д. В то же время, знаковая функция часто приписывается какому-то одному из человеческих проявлений. В первом случае, как правило,

создается особая разновидность знаков — символы:

(70) We have chosen Doctor Maxwell because she best *symbolizes* what we are to you [12, p.524].

Данное высказывание принадлежит одному из инициаторов семиотического акта. Оно обращено к герою романа, который является интерпретатором (адресатом). В рассматриваемой ситуации герою романа, прошедшему через множество испытаний, предлагают отомстить за все нанесенные ему обиды и в качестве жертвы — «объекта мщения» — предлагают доктора Максвелл, которая выступает в качестве знака (символа), представляя в своем лице всех тех, по чьей вине на долю героя выпало столько испытаний. Особенность описываемой здесь знаковой ситуации в том, что инициаторы семиотического акта как бы «опережают события», эксплицитно выражая тот смысл, который они вкладывают в используемый ими знак (символ). Тем самым они «навязывают» свою интерпретацию знака адресату семиотического акта.

В следующем примере знаковая ситуация описывается с точки зрения инициатора семиотического акта, который одновременно является его адресатом. Рассказчик воспринимает в качестве знака (символа) одну из своих знакомых:

(71) Although naturally I entertain no personal feelings toward you whatsoever, ... your connexion with Palmer made you serviceable as *a symbol*, you became as it were the joker in the park whom I could imagine momentarily to be the object of my fury [28, p.115].

Как уже отмечалось, осуществляя семиотическую функцию «относиться к другому человеку как к знаку», мы можем означивать отдельные качества, поступки, чувства людей, т.е. конкретные человеческие проявления. Например:

(72) She smiled, and her eyes shone with a malice I knew already. It meant that she had heard some scandal about one of her friends, and the instinct of the literary woman was all alert [22, p. 41].

В данном высказывании, описывающем знаковую ситуацию с точки зрения ее субъекта, который одновременно является и инициатором, и адресатом, в качестве знака

осмысливается проявление одного из чувств, а именно: недоброжелательности, злобы.

В следующем примере знаком является одно из качеств героини романа:

(73) Yet she had a confident dignified directness which was itself *a sign* of culture [30, p.56].

Таким образом, высказывания с предикатами означивания, отражающие семиотические акты, в которых в качестве знаков выступают одушевленные лица, передают информацию о трех базовых семиотических функциях, осуществляемых человеком в ходе знаковой деятельности, а именно: 1) быть знаком для другого человека, 2) быть знаком для самого себя, 3) относиться к другому человеку как к знаку.

3.3. Основные семиотические функции говорящего о знаковой деятельности

Отношение означивания, которое человек устанавливает между «означаемым» и «означающим» в ходе своей знаковой деятельности, является результатом процесса знакоприсвоения. Знакоприсвоение — сугубо ментальный, а, следовательно, внутренний, ненаблюдаемый внешне процесс. Этот процесс и его результаты фиксируются сознанием и становятся частью мыслительного содержания, которое находит свое отражение в языке.

Как уже указывалось, человек в своей повседневной деятельности интерпретирует, понимает различные явления, события, поступки и действия людей, реагирует на них соответствующим образом и при этом постоянно словесно описывает свой семиотический опыт. Для наиболее адекватного исследования знакотворческой деятельности человека необходимо было бы изучать наш повседневный опыт, живое общение с людьми, фиксируя все случаи использования слов, входящих в лексико-семантическое поле означивания. Однако, эта задача представляется невыполнимой, поэтому мы ограничиваемся анализом языкового материала, собранного из художественных произведений разных авторов. При этом собранный языковой материал рассматривается как своеобразный заместитель нашего живого опыта.

Поскольку анализируемый нами материал представляет собой отрывки из различных художественных текстов, при определении того, кем осуществляется вербализация семиотического акта в каждом конкретном случае, нам необходимо учитывать следующее. Лингвисты, занимающиеся проблемами интерпретации текста, выделяют два основных самостоятельных типа изложения художественной речи, исходя из композиционных, содержательных и формальных признаков: речь автора и речь персонажа. Иногда сюда же добавляют несобственно прямую речь, получая таким образом три формы речетворческих актов [Гальперин 1976: 52].

Часто автор перепоручает свою речь рассказчику — непосредственному участнику или свидетелю событий, - что

предполагает изложение и осмысление происходящего с точки зрения очевидца и придает повествованию особую достоверность [Кухаренко 1988: 16]. Рассказчик может выполнять свои функции явно, от своего имени, и вести повествование от первого лица, или скрытно, когда читатель догадывается о его существовании по специфически организованной ткани произведения и из смещенной точки зрения на события. Существует большое количество произведений, в которых повествование полностью или частично перепоручено рассказчику, но ведется в третьем лице.

В связи с тем, что данная проблема скорее относится к области стилистики и литературоведения, мы не будем каждый раз проводить анализ того, ведется повествование от третьего лица от имени самого автора, или же оно перепоручено рассказчику. Для удобства описания будем считать, что если повествование ведется от третьего лица, то это значит — от имени автора (который выступает в роли наблюдателя знаковой ситуации), а если от первого лица, то повествование ведет рассказчик (который может выполнять функции инициатора семиотического акта, его адресата или стороннего наблюдателя).

При анализе данных высказываний необходимо принять во внимание следующее: знаковая деятельность не всегда носит интерсубъектный характер. Это связано с тем, что знаки, будучи орудием коммуникации, функционируют в различных ее формах. Л.А.Абрамян выделил три основные формы, в которых осуществляется коммуникация: 1) односторонняя, при которой отсутствует отправитель сообщения и налицо только адресат, 2) двусторонняя, при которой имеется и отправитель сообщения и адресат, и, наконец, 3) рефлексивная (самокоммуникация), при которой отправитель и адресат совмещены. [Абрамян 1967: 59]. Последнюю Ю.М.Лотман называет «автокоммуникацией» — субъект передает сообщение самому себе [Лотман 2000: 163—177]. Представляется, что и знаковая деятельность человека протекает в трех аналогичных формах. Во-первых, человек воспринимает и осмысливает как знаки явления природы и окружающего его мира, т.е. такие знаки, которые никем (никаким инициатором) специально не создавались —

индексы, признаки, симптомы. В данном случае он выступает в функции адресата, поскольку инициатор отсутствует¹.

Во-вторых, субъект-инициатор сознательно создает знаковую ситуацию с целью воздействия на какого-либо интерпретатора. Приписывая знаку определенный смысл, интерпретируя его определенным образом, инициатор рассчитывает на подобную интерпретацию, сходное толкование знака со стороны другого лица — адресата семиотического акта. В тех случаях, когда смыслы, приписываемые знаку инициатором и адресатом, совпадают, знаковую ситуацию можно считать успешной. Добавим, что инициатор может создавать знаковую ситуацию как с целью воздействия на какого-либо одного конкретного адресата, так и в расчете на любого возможного интерпретатора/интерпретаторов. В последнем случае создаваемый и/или используемый им знак может восприниматься и осмысливаться сразу несколькими адресатами, выступающими как со-интерпретаторы.

Наконец, человек может создавать знаки для самого себя, будучи одновременно и инициатором и адресатом семиотического акта. При этом он воспринимает нечто как знак и приписывает ему определенный смысл, не пытаясь тем самым воздействовать на кого-либо. Точнее, это воздействие направлено не «вовне», а «внутри», на самого субъекта, вызывая изменения в его мыслях, чувствах и действиях.

Поясним сказанное на примерах:

¹ О семиотических актах подобного рода пишут многие исследователи. В частности, И.Гердер говорит о «естественном символизме» природных явлений, находя в их эстетической выразительности аналогию с физиогномическими симптомами и признаками Herder 1957: 126. О естественных, природных символах (Naturesymbol) см. также: Srensen 1963: 55—70. А.А.Брудный отмечает, что свойство и тенденция существования культуры — обращать все в знак — начинается именно с отношения людей к природе, которая, как им (не без основания) кажется, небезразлична к их существованию. Видение природных явлений становится метафорическим, то есть основанным на сравнении (исходная точка образования знака и появления мысли общая: это как раз и есть сравнение) [Брудный 1998: 29].

(74) "Why, Dor!" Jan's voice was incredulous. "The wattle's out! That *means* it's nearly spring again". ... Jan kept her eyes on the wattle bush. Whatever Doreen might say, it was *a sign* that the winter was nearly over and that spring was coming; and with the spring... [9, p.179].

В рассматриваемой знаковой ситуации героиня воспринимает в качестве знака куст распускающейся акации. Для тяжело больной туберкулезом девушки это естественное природное явление — не просто признак приближающейся весны. Восприятие данного знака вызывает у героини надежду на скорое выздоровление и возвращение к нормальной полноценной жизни. Говорящий — адресат, интерпретатор естественного знака.

(75) I raised the gun blindly and pressed the trigger. Nothing happened. ... I turned to the colonel, and *gestured* with the gun, *to show* that it would not fire. ... He said, "Is something wrong?" I answered, "The gun will not fire" [12, pp.439—440].

В приведенном отрывке персонаж романа описывает свой собственный семиотический опыт. Он является субъектом-инициатором описываемой знаковой ситуации. В качестве знака используется жест, смыслом которого является сообщение о том, что ружье неисправно. Данная знаковая ситуация создается субъектом для воздействия на конкретного интерпретатора. В роли этого интерпретатора, адресата семиотического акта, выступает полковник. Реакция полковника подтверждает успешность семиотического акта.

(76) ... he might have been a tapdancer or a sode-jerk, except that he was carrying a brief case, which *suggested* a more serious occupation. I wondered what kind of doctor he was supposed to be [4, p.20].

В данном случае в роли инициатора семиотического акта выступает обладатель портфеля. Он использует портфель в качестве знака, говорящего о солидной, внушающей доверие деятельности, которой он занимается. Инициатор адресует свой семиотический акт не одному конкретному лицу, а множеству возможных со-интерпретаторов, в числе которых и рассказчик. Цель рассматриваемого семиотического акта — вызвать соответствующий «перлокутивный (точнее

«персигнификативный») эффект», в данном случае — доверие клиентов (как показывают дальнейшие события, обладатель портфеля оказывается мошенником). В этом примере знаковая ситуация описывается с точки зрения адресата семиотического акта, в роли которого выступает рассказчик.

Рассматривая подобные знаковые ситуации, когда инициатор семиотического акта адресует свой знак как можно большему количеству со-интерпретаторов, интересно отметить следующее.

Если считать сигналами (как предлагают кибернетики) все, что может быть воспринято и несет нам информацию, то сигналы эти могут быть подразделены на две основные группы: сигналы личной обращенности и сигналы коллективной обращенности. В силу исторических условий сигналы личной обращенности заметно преобладали в жизни людей.

Есть ученые, которые считают, что в жизни большинства людей количество сигналов коллективной обращенности ныне превысило количество сигналов личной обращенности [Брудный 1998: 87].

Баланс сигналов личной и коллективной обращенности в жизни человека для науки и практики очень интересны. Он отражает взаимодействие двух форм коммуникации: аксиальной и ретиальной.

Аксиальная коммуникация (от лат. axis — ось) соединяет тех, кто отправляет и получает точно адресованные сообщения. Количество получателей ретиально направленного сообщения (ретиальный — от лат. rete — сеть, невод), зависит от того, находились ли они в зоне передачи, и от их внимания к содержанию сообщений [Шахнарович 1989: 56].

Представляется, что и знаки, создаваемые и используемые человеком в его семиотической деятельности, можно подразделить на знаки личной обращенности и знаки коллективной обращенности в зависимости от количества предполагаемых адресатов.

(77) Josie Pye took first prize for knitted lace. I was real glad she did. And I was glad that I felt glad, for it *shows*. I'm improving, don't you think, Marilla, when I can rejoice in Josie's success? [25, p.233].

Героиня рассказывает о своих собственных чувствах, которые она воспринимает как знак. То, что она способна искренне радоваться успеху своей давней недоброжелательницы, означает для нее большой шаг вперед в работе над собой. Данный пример иллюстрирует те случаи, когда человек создает знаки для себя. Говорящий – одновременно и инициатор и адресат семиотического акта¹.

В ходе знаковой деятельности человек не ограничивается выполнением функций инициатора и/или адресата семиотического акта. Он может выступать и в качестве стороннего наблюдателя знаковой ситуации. При этом он не является ни ее инициатором, ни адресатом, включенным в число возможных интерпретаторов. Сторонний наблюдатель может быть полностью «отстранен» от знаковой ситуации, очевидцем которой он является. В этом случае он ограничивается тем, что описывает чужой семиотический опыт. Однако, очень часто наблюдатель «включается» в знаковую ситуацию, поскольку обладает теми же семиотическими способностями, опирается на общечеловеческий фрейм знакоприсвоения, как и любой другой возможный адресат. При этом он воспринимает смысл знака и реагирует на него, становясь таким образом со-интерпретатором семиотического акта. Рассмотрим примеры.

(78) From the invisible house above came the sound of the

¹ Анализируя подобные случаи, Л.В.Чертов пишет: «Знаковая информационная цепь всегда оказывается коммуникативным процессом, связывающим субъект с субъектом независимо от того, являются ли эти субъекты разными индивидами или одним и тем же (подчеркнуто мною. – И.К.). В последнем случае, когда человек участвует в знаковых действиях как единственный их субъект, и внешние контакты с другими субъектами по видимости отсутствуют, сохраняется «двухполюсность» знаковой цепи, выказывающая ее коммуникативную природу. Ведь всякое знаковое средство, используемое субъектом для самого себя (будь то зарубка на дереве, узелок на память или любой другой знак) предполагает участие этого субъекта в знаковом процессе сразу в двух функциях: в функции отправителя и функции адресата знакового сообщения. Становясь аутокоммуникацией, знаковый процесс не утрачивает структуру коммуникативной цепи» [Чертов 1993: 219].

bell. It rang twice; then after a moment, three times; then twice again. It clearly *had a meaning* ... Conchis stood at once. "I must go. And you have a long walk" [12, p.89].

(79) Six grey shadows were standing along the skyline...They were soldiers...there was a distant pop, like a firework. I saw ... a shimmering light hanging in the sky. The men were coming down. The flare could only have been a belated *signal* that I was on my way [12, pp.379—380].

Как видим, в обоих случаях знаковая ситуация описывается с точки зрения стороннего наблюдателя, в роли которого выступает рассказчик. В первом примере в качестве знака (сигнала) используются удары колокола, производимые в определенном порядке. Данный семиотический акт адресован конкретному интерпретатору — мистеру Кончису, который и реагирует на знак соответствующим образом. Инициатор рассматриваемой знаковой ситуации (тот, кто подавал сигнал) не известен наблюдателю и поэтому остается «за рамками» описания. В данном случае наблюдатель не входит в число возможных адресатов и остается лишь свидетелем, очевидцем семиотического акта, не пытаясь понять смысл знака.

В примере 79 знаком является выстрел сигнальной ракеты. Адресаты семиотического акта — шестеро солдат, которые реагируют на знак, начиная спускаться поближе к тропинке. Инициатор знаковой ситуации здесь также неизвестен наблюдателю и поэтому в данном описании не упоминается. В отличие от ситуации, описанной в предыдущем примере, в данном случае наблюдатель не остается просто свидетелем, очевидцем семиотического акта. Он включается в этот акт, интерпретируя увиденный знак, и становится таким образом соинтерпретатором семиотического акта.

Таким образом, в процессе реальной знаковой деятельности человек может выступать в следующих функциях: инициатора семиотической акта, его адресата и стороннего наблюдателя знаковой ситуации. В реальной жизни знакотворческие акты часто осуществляются без вербализации знакового отношения. В собранном нами материале, который мы рассматриваем как заместитель живого опыта общения, знаковое отношение вербализовано. Высказывания с предикатами

означивания представляют собой результат вербализации многочисленных семиотических актов. При этом вербализация осуществляется либо субъектом — инициатором семиотического акта, либо субъектом — адресатом семиотического акта, либо сторонним наблюдателем, который может становиться со-интерпретатором семиотического акта.

Высказывания о знаковой деятельности соотносятся с двумя типами денотативных ситуаций: 1) ситуацией создания знака (знакоприсвоения) и 2) ситуацией использования знака. Ситуация использования знака включает объект-знак и его смысл, между которыми уже установлено отношение означивания.

В зависимости от характера передаваемой информации рассматриваемые высказывания можно разделить на три группы:

а) высказывания о знаке (о том, что человек использует, воспринимает, осмысливает в качестве знаков и как он оценивает знаки);

б) высказывания о смысле знаков;

в) высказывания о субъекте знаковой ситуации (о том, кто и с какой целью использует знаки, а также о том, кто как интерпретирует знаки).

Ниже будут рассмотрены все указанные группы.

3.4. Высказывания, содержащие информацию о знаке

Как показывает исследованный материал, информация о знаке и его смысле передается, как правило, взаимосвязанно. Это вполне естественно и закономерно. Знаки как таковые, взятые изолированно, вне приписываемого им смысла, перестают быть знаками, оставаясь обычными предметами, явлениями, событиями и т.д.

Тем не менее, в ряде случаев знак как один из элементов знаковой ситуации может выступать в качестве фокуса информации, передаваемой высказыванием. Как показывает материал, подобные высказывания имеют место в целом ряде случаев:

а) Когда говорящий является сторонним наблюдателем знаковой ситуации и при этом не пытается интерпретировать увиденный знак, т.е. ограничивается тем, что рассказывает о чужом семиотическом опыте:

(80) All the guards gave the same *sign* — a big wink and little flutter of the lapel [24, p.187].

(81) Knudsen cleared his throat, rather loud, and she looked at him. There was no additional *signal* that I caught, but evidently she didn't need one [41, p.49].

(82) For a moment he was disturbed by the intensity of the expression in the cold blue eyes. There was a desperate, veiled *signal* there, a fierce appeal, that was out of all proportion to the actual job that Delaney wanted him to perform [34, p.24].

Во всех приведенных примерах говорящий называет знаки, не упоминая об их смысле.

б) Когда говорящий = сторонний наблюдатель рассказывает об адресате семиотического акта, который не может понять смысла адресованного ему знака, т.е. по тем или иным причинам оказывается неспособным верно интерпретировать какое-либо явление, событие, объект и т.д., хотя и осознает его семиотическую функцию:

(83) She saw an archway. It had *a significance* which she felt but could not put into words [20, p.89].

(84) Delaney began to hum a song, smiling mysteriously. It was an old popular song, ... and Jack didn't recognize it, although he had the feeling he should and that it carried some special *significance* for him [34, pp.37—38].

в) Когда говорящий (инициатор, адресат, сторонний наблюдатель знаковой ситуации) называет только знак и не расшифровывает его смысла, поскольку смысл знака понятен из предыдущего контекста или из тех обстоятельств, в которых возникает знаковая ситуация. Иначе говоря, информация о смысле знака содержится в высказывании имплицитно, поскольку смысл знака осознается слушающим (читающим) и не требует вербализации:

(85) A young fisherman near me picked a hibiscus and put the blood-red flower against his heart. We all knew what it *meant* [12, p.428].

В данном примере описывается знаковая ситуация, возникающая во время расстрела мирных жителей-заложников немецкими оккупантами. Высказывание с предикатом означивания (to mean) принадлежит одному из заложников, который является сторонним наблюдателем (соинтерпретатором) семиотического акта. В качестве знака выступают действия другого заложника — молодого рыбака, прикрепившего к сердцу ярко-красный цветок, цветок цвета крови. Символический смысл этих действий понятен благодаря обстоятельствам, им сопутствующим, и поэтому не нуждается в эксплицитном выражении.

(86) He went away, came back, we went up. And there, it seemed *a sign*, specially left for me, was a small axe. ... I decided it must be done. I had to catch up the axe and hit him with the blunt end, knock him out [11, p.226].

В данном случае говорящий является одновременно и инициатором, и адресатом семиотического акта. Высказывание принадлежит девушке, оказавшейся в плену и ищущей возможности вырваться на свободу. В качестве знака она воспринимает случайно увиденный топор. Высказывание не содержит информации о смысле данного знака, т.к. он понятен читателю из предшествующего контекста, и, кроме того,

частично раскрывается в реакции героини на знак. Топор для нее — знак реальной возможности освободиться, избавиться от своего мучителя.

Как уже отмечалось, высказывания с предикатами означивания, ориентированные на передачу информации только о знаке, встречаются крайне редко. Говоря о знаках, мы чаще всего одновременно говорим и об их смысле, т.е. передаем информацию о знаке и его смысле взаимосвязанно.

Высказывания, ориентированные на знак, могут частично указывать на смысл знака, не раскрывая его полностью. Так, например, происходит в тех случаях, когда говорящий, называя знак, одновременно оценивает его¹:

(87) When I offer a man a drink without thinking, that's *a good sign* [41, p.98]

(88) Mona took the loss of the letters tragically. She looked upon the incident as a bad omen [24, p.113].

(89) Wanda Womack, a young woman with a sympathetic glow about her, looked at Jake and smiled over so slightly. It was the first *positive signal* he received from the jury since the trial started [15, p.445].

(90) You're the first man he's said that about, Paul. I think it's rather a good omen [45, p.136].

(91) ...Mrs Wingfield also lived in Campden Hill Square, in a house on the opposite side which could be seen out of the window. Rosa took this to be a good omen [27, pp.102—103].

Во всех приведенных высказываниях помимо информации о знаке содержится оценка используемого знака.

Как видим, при оценке знака в качестве оценивающего субъекта может выступать инициатор семиотического акта, его адресат, сторонний наблюдатель, а также субъект знаковой ситуации, являющийся одновременно инициатором и адресатом.

¹ На наш взгляд, аксиологический аспект функционирования знаков должен стать предметом отдельного исследования. Здесь мы лишь коснемся данной темы, не рассматривая ее в полном объеме.

Шкала оценки при этом сведена к двум базовым характеристикам: хороший знак — плохой знак.

Как отмечают исследователи, аксиологические значения представлены в языке двумя основными типами: общеоценочным и частнооценочным [Ивин 1970; Вольф 1985; Арутюнова 1999]. Первый тип реализуется прилагательными «хороший» и «плохой», а также синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками. Эти прилагательные выражают холистическую, как ее принято называть в логике, оценку, аксиологический итог [Ивин 1970: 41].

Прилагательные «good» и «bad» анализировались в целом ряде работ как зарубежных, так и отечественных ученых [Вендлер 1981; Вольф 1986; Хзар 1985]. Так, финский логик фон Вригт построил классификацию форм, или концептов, добра на анализе употребления прилагательного «good» [Wright 1963]. Анализируя слово «хороший», А.А.Ивин пишет, что оно «является заместителем имен естественных свойств, не именем особого естественного свойства [Ивин 1970: 43]. Н.Д.Арутюнова отмечает, что для прилагательных «good» и «bad» основным является употребление, когда оценка дается по совокупности разнородных свойств. В ее работах рассматриваемые прилагательные называются общеоценочными и противопоставляются частнооценочным прилагательным, в значение которых входит какой-либо дополнительный компонент, относящийся к структуре оценки [Арутюнова 1999: 173—272].

Общая оценка составляет своего рода баланс положительных и отрицательных факторов. «Чтобы прийти к холистической оценке какого-либо объекта, необходимо пометить его конкретные свойства — статические и динамические, постоянные и акцидентные — знаком плюс или знаком минус, т.е. распределить их между чашами весов. Общеоценочный результат, свидетельствующий о перевесе плюсов или минусов, складывается из соотношения частных характеристик, каждой из которых приписывается определенная количественная значимость. Таким образом, вывод

холистической оценки нуждается в переводе качеств в количества» [Арутюнова 1999: 195].

Этот момент количественной значимости при оценке знаков отражается, в частности, в том, что оценивающий выстраивает целую шкалу степени «хорошести /плохости» знака:

a very good sign

rather a good sign

a good sign

not a very good sign

a bad sign

a very bad sign

(92) Our housekeeper says he's the neatest boy she's ever had anything to do with in all her years at the school. He's her favorite.

"I'd say that's *a good sign*", Hazen said. "Wouldn't you?"

"Yes, I would", Strand said. "*A very good sign*" [38, p.284].

То, что новенькому удалось расположить к себе требовательную домоправительницу, друзья мальчика расценивают как очень хороший знак.

(93) She's still about the same. That's *a good sign*, the doctor says. [39, p.193].

То, что состояние тяжело больной не изменилось к худшему, доктор считает довольно хорошим знаком.

(94) And they have to take the tube out of his throat soon and do a tracheotomy so his vocal cords won't be ruined. That's the first *hopeful sign*. They think there's a chance that he can live and they want him to be able to talk if it turns out that way [39, p.268].

При проведении операции врачи стараются не повредить голосовые связки тяжело больного. Его родственники оценивают этот факт как хороший знак. Прилагательное «hopeful» используется здесь как синоним к слову «good». Другим синонимом, часто используемым при оценке знаков как хороших, является прилагательное «positive».

(95) Mom always seems the same to me, except when she's bawling me out about something. And she hasn't bawled me out even once this weekend. Maybe that's *not a very good sign* [38, p.315].

Сын считает не очень хорошим знаком необычное поведение своей матери: в последнее время она не кричит на него и не устраивает ему разносы, как обычно.

(96) “He tells her everything, she says”.

“That’s *a bad sign*”, Leslie said. “Especially if she believes it” [38, p.49].

То, что молодой человек рассказывает своей новой подруге о всех своих прежних романах, ничего не скрывая, друзья девушки оценивают как плохой знак.

(97) “I knew I would find you in the bar”, she said.

“I didn’t even bother to ask the concierge”

“I have no mystery left for you”, he said. “It’s *a very bad sign*” [37, p.257].

Пожилой писатель больше не окружен ореолом тайны в глазах своей юной поклонницы. Для него это – очень плохой знак.

В высказываниях, содержащих оценку знака, может использоваться и частнооценочное прилагательное «sure». Это прилагательное используется при оценке знака по признаку достоверности: a sure sign = верный, точный, безошибочный знак.

Очевидно, подобная оценка знака употребляется в случаях «фиксированной интерпретации» знака (термин Парти [Парти 2001]). Повторение знаковой ситуации, фиксация связи знака и его смысла приводят к закреплению связи, которая приобретает определенную степень «условности», хотя бы для одного субъекта. Как отмечает А.И.Варшавская, при этом (при повторении ситуации) происходит и фиксация самого смысла: он закрепляется в сознании как отдельный автономный смысл, который может быть использован узуально в соответствующей ему ситуации [Варшавская 1997: 220].

(98) Matthew was smoking – *a sure sign* of perturbation of mind. He seldom smoked, for Marilla set her face against it as a filthy habit [25, p.28].

Мэттью закурил, что случилось с ним крайне редко. И для его сестры это верный знак того, что он чем-то сильно взволнован. Сестра очень хорошо знает привычки своего брата.

(99) Butch removed the sun reflector from around his face and placed it on the ground – *a sure sign* that he wanted a serious conversation [5, p.302].

То, что герой романа убрал от лица рефлекторную лампу (которая может отвлекать или мешать общению), для его собеседника – безошибочный знак его заинтересованности в серьезном разговоре. Расценивая таким образом действия Буча, его собеседник опирается на свой опыт общения с людьми: приступая к серьезному разговору, люди, как правило, стараются устранить все отвлекающие факторы.

Оценка знака может присутствовать в высказывании имплицитно. В подобных случаях мы имеем дело с особым видом знаков – со знаками-предзнаменованиями (*omens, portents*). Их отличительная особенность состоит в том, что по своему смысловому наполнению они являются наиболее абстрактными из всех видов знаков. Знаки-предзнаменования не передают конкретного смысла, они лишь подразумевают его. Вместе с тем, этот конкретный смысл осознается интерпретаторами, поскольку в каждом конкретном случае они опираются на предшествующий опыт, а также на конкретные обстоятельства, сопутствующие знаковой ситуации:

(100) Downstairs, she hailed a taxi, and managed to make the driver understand the address in only two tries. ...She had a small feeling of triumph. Perhaps it's *an omen*, she thought. Maybe today I can communicate with everybody [36, p.179].

В данном примере героиня воспринимает в качестве знака-предзнаменования тот факт, что в чужой стране она смогла, не зная иностранного языка, быстро растолковать шоферу такси, куда ехать. Воспринимая данный факт в качестве предзнаменования, героиня одновременно оценивает его. В приведенном высказывании эта оценка эксплицитно не выражена, но о ней можно судить по реакции героини на знак: Люси испытывает чувство удовлетворения и радости по поводу своей маленькой победы, т.е. считает предзнаменование добрым. Этот общий смысл рассматриваемого знака ("должно произойти что-то хорошее, все желаемое будет достигнуто") конкретизируется обстоятельствами, сопутствующими данной

знаковой ситуации. Предзнаменование возникает в тот момент, когда героиня собирается навестить своего сына, с которым не виделась много лет. Она не уверена, удастся ли ей найти с сыном общий язык. "Коммуникативная удача" с шофером такси вселяет в нее надежду на то, что предстоящая встреча пройдет без осложнений. Таким образом, приведенное высказывание с предикатом означивания (*to be an omen*), ориентированное на передачу информации о знаке, имплицитно содержит указание и на смысл знака.

Говоря об оценке знака, необходимо отметить следующее. Как уже указывалось, некоторые существительные ЛСГ означивания содержат в своей семантической структуре смысловую оценку. Например, *foreboding = a portent, omen, especially of approaching her overhanging evil = a bad sign; portent = an evil omen = a bad sign; stigma = a token of infamy or subjection; a mark of disgrace; a sign of some specific disorder = a bad sign.*

В высказываниях, организованных подобными предикатами означивания, содержится указание на оценку знака:

(101) But even Stadium Street was already a mystery to her, and the two largest *portents* in her life, Danby and Will, were almost entirely mysterious and terrifying [26, p.116].

Героиня романа воспринимает в качестве знаков двух своих знакомых, сыгравших роковую роль в ее жизни. Эти люди для нее – предвестники беды. Данной оценке соответствует реакция героини – ее испуг.

(102) "This business about you not driving is really dumb, Daph".

"Driving?" Daphne asked. "How did my driving get into this?"

"It's *a foreboding* of a whole lot of other problems, any fool can see that. Why are you still depending on people to chauffeur you around?" [44, p.312].

Подруга Дафны считает, что плохим знаком является нежелание Дафны научиться самой водить машину. Это показатель ее беспомощности и несамостоятельности, что ведет к целому ряду проблем.

Таким образом, создавая свое семиотическое пространство, каждый человек не только осмысливает что-то одно в качестве знака чего-то другого, но и оценивает знаки. При этом знакам, как правило, дается общая – холистическая – оценка: a good sign / a bad sign. Кроме того, в высказываниях о знаках может присутствовать и частнооценочный тип аксиологических значений. При этом знаки оцениваются, в частности, по признаку достоверности: a sure sign. Информация об оценке знака может быть не выражена эксплицитно. Она содержится в значении ряда именных предикатов означивания благодаря наличию у них семы «оценка знака».

К группе высказываний, содержащих информацию о знаке, можно отнести также те высказывания, в которых говорится об отсутствии смысла, т.е. о невозможности по тем или иным причинам понять, истолковать, интерпретировать тот или иной знак.

Например:

(103) The signals, are all screwed up and nobody understands any more what they used *to mean* [1, p.156].

(104) ...I was conscious in his manner of something that I could describe as remoteness and I wondered what it *signified* [23, p.50].

(105) Then she began to notice that everything was looking different. ...The familiar roads ... seemed like those of an unknown city, so many were the new things which she now began to notice in them... Diana wondered what it *meant* [26, p.268].

Во всех трех примерах смысл знаков не поддается интерпретации субъектов знаковых ситуаций. Поэтому в структуре высказываний с предикатами означивания аргумент, соответствующий смыслу знака, представлен не существительным или выражением с пропозициональным значением, а соединительным местоимением «what», вводящим придаточные предложения с глаголами умственной деятельности (wh-interrogative clauses [Quirk 1982: 277]).

Наконец, к рассматриваемой группе можно отнести и те высказывания, в которых содержится информация об отсутствии знака.

(106) There was *no sign* of life on the boat, although the body of a man showed, rather inflated looking, above the gunwale [17, p.139}.

(107) Was it a fire? Ehere was *no sign* of it, no smell [1, p.13].

(108) I looked up at the four faces. If they showed anything it was embarrassment, but *no sign* of complicity [12, p.551].

(109) He was breathing a little faster than normal, and a muscle in his neck twitched a couple of times, but there was *no indication* of a crisis [41, p.44].

В высказываниях подобного рода не представлена информация о том, кто/что является знаком, т.е. информация о конкретной материальной форме знака. Внимание говорящего сосредоточено на смысле, который по каким-либо причинам не передается знаковыми средствами. Аргумент, соответствующий знаку, в структуре подобных высказываний выражен либо абстрактным существительным с отрицанием (*no sign, no indication etc*), либо — в высказываниях с глагольными предикатами означивания — местоимением (отрицательным или неопределенным) — примеры 110—111:

(110) There was never anything in his manner *to suggest*, that he harboured malice in his heart [20, p.125].

(111) ...when I looked at Mrs Driffield I could not help blushing with embarrassment, for there was nothing in her countenance that *indicated* a guilty secret [21, p.71].

Как отмечают и исследователи, отсутствие явно выраженно знака может само быть знаком определенной ситуации — служить так называемым нулевым знаком. [Шрайдер, 1974:26]. Нулевой знак можно уподобить нулевому речевому акту (термин В.В.Богданова [Богданов 1986]), т.е. намеренному пропуску речевого хода в интеракции.

Отсутствие знака может быть наполнено для адресата-интерпретатора совершенно определенным, конкретным смыслом. Как показывает исследуемый материал, в высказываниях, передающих информацию об отсутствии знака, смысл, приписываемый этому отсутствию, как правило, не выражен эксплицитно. Однако, о нем можно судить по реакции

интерпретатора, т.е. по тому перлокутивному эффекту, который вызывается нулевым знаком. Например:

(112) Mr. Scogan glanced from face to face round, the table. ... There was *no sign* of dissent; he continued [18, p.199].

В данном случае нулевым знаком для мистера Скогана является отсутствие выражения несогласия с его мнением. Молчание аудитории оратор воспринимает как знак согласия с высказанной им мыслью, что позволяет ему продолжать свою речь. Реакция на нулевой знак в данном примере является поведенческой (оратор продолжает свое выступление).

В следующем примере интерпретатор реагирует на отсутствие знака эмоционально:

(113) It infuriated me that she would not look at me, had made not the slightest *sign* of apology, would not say anything [12, p.660].

Чувство негодования, ярости вызывает у героя отсутствие каких-либо знаков раскаяния со стороны его знакомой. Ее поведение является для говорящего знаком того, что она не испытывает чувства вины за содеянное.

Как мы видим, в высказываниях, содержащих информацию об отсутствии знака, может быть представлена информация о реакции субъекта знаковой ситуации на это отсутствие, т.е. информация о «перлокутивном» («персигнификативном») эффекте нулевого знака.

Итак, к разряду переходных, т.е. передающих информацию о знаке и, частично, о его смысле, можно отнести следующие высказывания с предикатами означивания:

а) высказывания, ориентированные на знак, содержащие информацию об оценке знака;

б) высказывания, передающие информацию о знаке и отсутствии смысла (т.е. отражающие незавершенные, неудавшиеся знаковые ситуации);

в) высказывания, содержащие информацию об отсутствии знака, выражающего определенный смысл, в которых отсутствие знака равнозначно нулевому знаку.

Необходимо отметить, что рассмотренные высказывания могут передавать информацию и о других компонентах знаковой ситуации — о субъекте семиотического акта, а также о

перлокутивном эффекте, вызываемом знаком. Однако данная информация не всегда находится в фокусе внимания говорящего.

3.5. Высказывания, содержащие информацию о смысле знака

Наличие знака предполагает существование некоторого содержания, которое им «сообщается». Следующим элементом знаковой ситуации является «означаемое», т.е. то, что знак «значит», его содержание. Среди исследователей, занимающихся семиотическими проблемами, нет единства мнений относительно того, что собой представляет этот важный элемент знаковой ситуации. Представляется возможным рассматривать то, что «значит» знак в анализируемых ситуациях, в качестве смысла. В лингвистике до сих пор нет точного, строгого определения понятия «смысл»¹. В самом общем виде смысл можно охарактеризовать как такое содержание, о котором можно сказать: «что сообщается» и «зачем сообщается», т.е. как особый содержательный компонент, соотносимый с целью речевого акта, с коммуникативным заданием сообщаемого.

Сам термин «смысл» употребляется неоднозначно². В логике и теории информации смысл определяют как способ задания денотата. [Шрейдер, 1974]. В лингвистике некоторые

¹ См. об этом, в частности, в статье: Чернейко Л.О. Металингвистика: хаос и порядок // Вестник Моск. ун-та. Сер.9. Филология. 2001. № 5. С.39–52.

² Ср., например: «Смысл, т.е. способ представления денотата в знаке» [Ревзин 1977: 36]; «смысл – содержание выражения, которое удваивается в процессе его понимания» [Горский 1991: 59]; «Понятие смысл в принципе как бы шире понятия значение, ибо к общему для данного социума идеальному значению добавляется его осмысление самим человеком как индивидуумом» [Кубрякова 1986: 68]; «Согласование значимого содержания предложения с ситуативными потребностями акта общения и образует смысл» [Звегинцев 1976: 193]; «Смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность» [Бондарко 1978: 50]. А.А.Брудный указывает на то, что в настоящее время существует 94 определения смысла [Брудный 1998: 116].

исследователи [см. напр. Виноград, 1976:51—52] не разграничивают понятия значения и смысла.¹

В тех случаях, когда такое разграничение проводится, указываются следующие наиболее важные признаки, характеризующие смысл: смысл относится к значениям языковых единиц как цель к средствам; связан с живой действительностью, а в лингвистическом плане с коммуникативно-прагматическим аспектом языковых единиц; смысл есть величина, не сводимая ни к сумме грамматических, ни к сумме лексических значений, но получаемая из них. [Варшавская, 1984:19]. В основе психолингвистического понимания смысла лежит прагматический момент, фактор интенциональной направленности на достижение какого-то результата. Указывается, что в принципе такой смысл может быть выражен и невербальными средствами с тем же результатом. [Горелов, 1980:9]. В связи с этим можно сказать, что в этом плане смысл имеет экстралингвистический, вернее, паралингвистический аспект [Слюсарева 1963:13—23]. Некоторые исследователи, рассматривающие проблемы смысла

¹ В «Словаре синонимов русского языка» эти термины трактуются как синонимичные и объясняются одно через другое: значение — смысл [Александрова 1986: 170]; смысл — значение [Там же: 500]. Аналогичное толкование можно найти и у В.Даля [1981: 689]. Термины «значение» и «смысл» в отечественном лингвистическом дискурсе XX в. были объектами пристального внимания таких ученых, как В.А.Звегинцев, А.В.Бондарко, и не только их, а в двух отечественных лингвистических энциклопедиях: «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (ЛЭС) 1990 г. и «Русском языке» (РЯ) 1998 г. — термин «смысл», в отличие от термина «значение», не выделен в качестве отдельной вокабулы, хотя оба издания включают его в свой терминологический (предметный) указатель.

Как известно, смысл последовательно противопоставлен значению в логической семантике, где термин «смысл» обозначает некоторое мыслительное содержание языкового выражения, а термин «значение» — отношение этого содержания к истинности. В статье 1892 г. Г.Фреге определил смысл знака как «то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» [Фреге 1977: 194].

и значения, относят смысл к языковому уровню, к досемантической стадии формирования высказывания. [Алексеев, 1981:96].

А.И.Варшавская анализирует понятие смысла с трех сторон: в наиболее общем лингво-философском плане; чисто лингвистическом, на фоне соответствующих и соотносимых лингвистических понятий и фактов языка; и в плане связи понятия «смысл» с частью его практической деятельности, частью (возможно, наиболее важной и определяющей) знаковой деятельности. При этом автор указывает около 50 характеристик (признаков, свойств) смысла [Варшавская 1997: 187—206].

Представляется, что для настоящего исследования первостепенное значение имеют следующие характеристики смысла:

- важнейшим свойством смысла является его органическая связь со способностью человека к знаковой символической деятельности. Человек Познающий осмысливает все или многое из того, что есть в его мире и, наоборот, мир человека включает все, что он осмысливает;

- смысл может быть вербализован;

- смыслы могут быть узуальными и окказиональными.

Узуальные смыслы соответствуют грамматическим значениям — это то, что мы постоянно и одинаково сообщаем о вещах, своих и чужих действиях, поступках и т.д.;

- смысл автономен, его можно рассматривать сам по себе;

- смысл может быть индивидуальным, субъективным;

- смысл может быть intersубъективным и социальным;

- смысл характеризуется интенцией на достижение результата [там же].

Высказывания, ориентированные на передачу информации о знаке и его смысле, как и все высказывания, передающие отношение означивания, отражают денотативную знаковую ситуацию. Их особенность заключается в том, что эксплицитно они отражают только часть знаковой ситуации — объект-знак и приписываемый ему смысл, между которыми устанавливается отношение означивания. Субъект при этом остается как бы на втором плане, «за кадром», хотя его присутствие подразумевается всегда, поскольку именно он

устанавливает отношение означивания. Таким образом, все высказывания данной группы представляют собой структуры, организованные предикатами, при которых реализуются два аргумента.

Рассматриваемые высказывания отражают, как правило, ситуации использования общепринятых, общепонятных, т.е. конвенциональных знаков. В подобных ситуациях указание на субъекта-инициатора семиотического акта является избыточным.

(114) In numerals, the period *marks* the point at which integers cease and decimal fractions begin [33, p.1078].

(115) The mandala, or wheel is a universal *symbol* of existence [12, p.591].

(116) The cardinal and ordinal numbers *may be represented* in writing by their *symbols* in the various systems: 1,2,3 ...; I,II,III...; i, ii, iii... [33, p.523].

В случае же использования неконвенциональных знаков субъект-инициатор семиотического акта может быть известен слушающему (читающему) из предшествующего контекста или из самой речевой ситуации:

(117) He had a system of drawing stars next to the names of girls. One star *meant* that she was tall and pretty or even beautiful [35, p.163].

Как показывает наш материал, высказывания, передающие информацию о знаке и его смысле взаимосвязано, чаще всего функционируют в научном изложении, что объясняется, прежде всего, особенностями научного стиля речи. Именно в научном изложении часто возникает необходимость использования отношения означивания.

(118) B's contribution to the conversation *is represented* by the shaded area [19, p.96].

(119) In the following sentence X, Y and Z *symbolize* the three main clauses [33, p.558].

(120) It is interesting that the relative pronoun "that" in (43) can be omitted. This omissibility is *a sign* of the special status within

the main clause of the relative clause here [33, p.959].

(121) The absence of a finite verb form is effectively *an indication* of subordinate status, since non-finite and verbless clauses occur only in dependent clauses [33, p.730].

При сообщении о существовании отношения означивания говорящий может выделять, подчеркивать либо информацию о том, кто/что выступает в функции знака, либо информацию о том смысле, который несет этот знак. Так, в следующем примере выделяется та часть сообщения, в которой речь идет о знаке. Это достигается с помощью актуализованной номинации определенного актанта, а именно, объекта-знака. В роли коммуникативного актуализатора¹ выступает конструкция с «it»:

(122) It is therefore only the backshift of the verb, together with equivalent shifts in pronouns, determiners and adverbs, that *signals* the fact that the words are being reported, rather than being in direct speech [33, p.789].

В следующих двух примерах говорящий выделяет с помощью актуализации актанта, соответствующий смыслу знака. Коммуникативным актуализатором здесь также являются конструкции с «it». Однако, в отличие от предыдущего примера, где актуализация осуществляется путем преобразования исходной номинации, в примерах 123—124 вычленяется один номинативный элемент.

(123) It's *a sign* of disgrace to have short hair on a woman [6, p.165].

(124) It's *the mark* for cowardice in these regions to be bitten on the ASS, because they [gorillas] don't do anything unless you run away [7, p.198].

Смысл знака может быть задан говорящим с помощью номинативного элемента, включающего одно слово, последовательность слов, словосочетание.

(125) She has a swimming pool which can be lit up at night. That is *the mark* of respectability, like the aspidistra in the cottage

¹ Термин Л.П.Чахоян. [См. Л.П.Чахоян. Синтаксис диалогической речи современного английского языка. М., 1979].

parlour [45, p.378]).

(126) [Both men wore big, heavy Robexes, but the metal watchbands were fitted loosely, so the watches flopped and dangled down their wrists, like a woman's bracelet]. It was *a sign* of indifference and wealth, of their permanently being on vacation [6, p.86].

(127) ["Jonathan Livingston Seagull! Stand to Center!" The Elder's words sounded in a voice of highest ceremony]. Stand to Center *meant* only great shame or great honor [2, p.40].

Однако, чаще всего смысл знака вербализуется посредством выражений с так называемым пропозициональным значением¹. Пропозиция является элементарной единицей сознания. Как отмечает И.П.Сусов, знание, являющееся основой сознания, устроено главным образом как совокупность и система пропозиций, имеющих либо предикатно-аргументный, либо субъектно-предикатный характер. [Сусов 1988: 10]. Выражения с пропозициональным значением, являющиеся вербализацией смысла знака, можно рассматривать в качестве развернутого аргумента, входящего в структуру отношения означивания.

(128) A narrow slit of the sky was framed between the sloping roof of the veranda outside and the ledge of the window. Even that

¹ Внеязыковая ситуация состоит из некоторого события – процесса, действия, состояния, свойства – и участников этого события. В семантическом представлении такую внеязыковую ситуацию отражает пропозиция, которую принято представлять либо как субъектно-предикатную структуру, либо как предикатно-аргументную структуру, состоящую из предиката, который соответствует событию, и его аргументов, репрезентирующих участников события, или, согласно терминологии И.П.Суслова, реляционную структуру, в которой релятор соответствует предикату в предикатно-аргументной структуре, а релятемы – аргументам [Сусов 1988]. В.В.Богданов рассматривает структуру пропозиции в виде предикатного выражения, представляющего собой комбинацию предикатного и непредикатного знаков, либо, в более сложных случаях, комбинацию, в которую могут входить несколько предикатных знаков [Богданов 1977].

was a delight; *a token* that the four narrow walls of her room had expanded at last [9, p.294].

(129) Our eyes lingered, and hers conveyed both *an indication* and a warning: Subtlety may win me, but force never will [12, p.177].

(130) Catching my eye he gave me a painful smile It *meant*, - "I'm doing my best to behave myself in the company of your friends, even though I smell Polish blood" [24, p.122].

Высказывания, ориентированные на смысл знака, служат ответом на явный или неявный частный вопрос, относящийся к определенному актанту — субъекту (со-субъекту) знаковой ситуации.

(131) Out front is Elva, chin up, strolling rather than marching. She has a white enamel potty in one hand and an unfurling roll of toilet paper in the other.

"What does it *mean*?" says Rennie. "The toilet paper."

"It's aimed at the government," says Paul. "It's what they'll need after the election" [1, p.224].

В данном случае знаковая ситуация возникает во время предвыборной демонстрации. Знаком является рулон туалетной бумаги, находящийся в руках у одной из участниц демонстрации, являющейся инициатором семиотического акта. Знак адресован множеству со-интерпретаторов, наблюдающих за демонстрацией. Однако, смысл его понятен не всем. Так, иностранная журналистка Ренни обращается за разъяснениями к своему спутнику. Пол выступает в роли одного из адресатов — со-субъектов рассматриваемого семиотического акта.

В следующем примере информация о смысле знака содержится уже в самом вопросе:

(132) ...he was leaning against a parked car and bouncing a rubber ball up and down. "Lookit, kid," he said to Sylvia, lookit, I just found this ball. Do you suppose that *means* good luck?" Sylvia smiled at him [4, p.107].

В данном случае человек, нашедший на улице мячик, рассматривает это событие как знак-предзнаменование. Однако, он не уверен в правильности своей интерпретации знака и

обращается за подтверждением к одной из прохожих, сторонней наблюдательнице знаковой ситуации. Сильвия, которой адресован его вопрос (запрос о смысле знака), выступает в роли со-субъекта семнотического акта.

Таким образом, рассматривая способы представления знаков в анализируемых высказываниях, мы видим, что смысл по своей структуре пропозиционален, он никогда не бывает предметным, точечным. В нем всегда рефлектируется и сам осмысляемый объект и представлено что-то об этом объекте.

Акт означивания, как уже говорилось, в рассматриваемых случаях совершается не преднамеренно, а случайно, поэтому и смысл, как его результат, можно расценивать как окказиональный. Но, как отмечает А.И.Варшавская, знакотворчество «совершается в пределах сферы узуальных смыслов или положений дел, не выходит за пределы опыта человека. Смысл объекта-знака бывает ситуативно, «контекстуально», обусловлен: в разных реальных жизненных ситуациях один и тот же объект может быть означен по-разному. Означивание, как и осмысление в целом, зависит от опыта человека [Варшавская 1997: 218].

3.6. Высказывания, содержащие информацию о субъекте знаковой ситуации

Рассматриваемые высказывания можно разделить на три подгруппы, в зависимости от того, какую коммуникативную роль выполняет субъект семиотического акта:

а) высказывания, содержащие информацию о том, кто, каким образом и с какой целью использует знак, т.е. информацию о семиотической деятельности инициатора знаковой ситуации;

б) высказывания, содержащие информацию о том, кто каким образом интерпретирует и реагирует на знак, т.е. информацию о семиотической деятельности адресата знаковой ситуации;

в) высказывания, в которых содержится информация и о деятельности инициатора, и о деятельности адресата знаковой ситуации.

Рассмотрим каждую подгруппу.

1. Высказывания, содержащие информацию о семиотической деятельности инициатора знаковой ситуации.

Данные высказывания могут принадлежать самому инициатору семиотического акта, адресату и стороннему наблюдателю.

1.1. Говорящий = инициатор. В случаях, когда говорящий является инициатором знаковой ситуации, он рассказывает о своей собственной семиотической деятельности, т.е. о том, каким образом и с какой целью он использует тот или иной знак. Например:

(133) Poor old d'Urfe, I had used him before *to suggest* that centuries of high culture lay in my blood [12, p.94].

В данном случае знаком, который использует говорящий-инициатор, является носитель имени собственного — некто по имени д'Эрфе. Причисляя этого человека к своим предкам, герой тем самым дает понять своим слушателям — адресатам семиотического акта, — какой богатой является его родословная. Принадлежность к роду д'Эрфе является знаком благородного происхождения, что очень важно для американца.

Герой неоднократно использует этот знак, позволяющий ему произвести благоприятное впечатление на своих новых знакомых.

Как показывает материал, доля высказываний, осуществленных инициатором знаковой ситуации, среди рассматриваемых высказываний очень невелика.

1.2. Говорящий = адресат. Высказывания, содержащие информацию о том, кто, каким образом и с какой целью использует знак, могут быть осуществлены и адресатом семиотического акта. В таких случаях адресат рассказывает о семиотической деятельности инициатора знаковой ситуации:

(134) He was reading a book for over a year now. It was called "In Tune with the Infinite." He wondered if George or I had ever read it. George avoided the issue, but gave me a sidelong glance which *meant* — "Take the lead!" [24, p.329].

В данном примере говорящий — адресат сообщает о знаковой ситуации, инициатором которой является его приятель Джордж. В качестве знака используется взгляд. В данном случае этот знак является сигналом говорящему взять инициативу в разговоре на себя, сменить тему.

В следующем высказывании, также принадлежащем адресату семиотического акта, отсутствует информация о смысле обращенного к нему знака. Этот смысл понятен из обстоятельств, сопутствующих знаковой ситуации.

(135) All she did was to put her thumb to her nose and make a rude *sign* and put her tongue out. She was just like a street boy.

I said, you ought to know better. "You ought to know better," she said, making fun of me [11, pp.74—75].

В данном случае знак — жест используется инициатором семиотического акта, чтобы вызвать у адресата — говорящего чувство раздражения и обиды.

Сообщая о том, каким образом инициатор знаковой ситуации использует тот или иной знак, адресат может по-своему, нередко ошибочно интерпретировать смысл адресованных ему знаков, а значит, и намерения инициатора. Так, в следующем примере сообщается о молодом человеке, действия которого, по мнению говорящего, лишены знакового

смысла. Однако, в действительности все может обстоять совсем иначе. В данном случае читатель вынужден довольствоваться субъективным мнением адресата, принимая на веру его интерпретацию знака:

(136) I've got a friend who kisses me every time he sees me and he *doesn't mean* anything - his kisses are meaningless [11, p.66].

1.3. Говорящий = сторонний наблюдатель. О действиях инициатора семиотического акта может сообщать и сторонний наблюдатель знаковой ситуации. Как показывает материал, именно высказывания, наблюдения преобладают в рассматриваемой подгруппе. Приведем несколько примеров подобных высказываний.

(137) Rain *signified* her awareness of his arrival by a very slight movement of her hand [29, p.109].

(138) "I made a lot of trouble, didnt I?" Lucy made a grimace, *indicating* that she thought Jeff was overestimating his importance [36, p.135].

(139) "No, no." she protested, and drew in her skirt with a *gesture* that *indicated* that he was to sit down beside her [18, p.57].

(140) Girls like little *tokens* of affection. Flowers, candy. Sentimental creatures [35, p.84].

Как видим, сторонний наблюдатель может рассматривать семиотическую деятельность инициатора знаковой ситуации под разными углами зрения. В одних случаях его интересует, каким образом (с помощью какого знака) субъект передает определенный смысл. В других случаях в центре его внимания оказывается отношение субъекта к определенным знакам. Тем самым дается косвенная характеристика субъекта через его отношение к знаку. В третьих, наблюдатель обращает внимание на те обстоятельства, в которых субъект знаковой ситуации использует тот или иной знак:

(141) ... she heard the cry "Hot tamales! Grid four. Come and get it! Lunch is served". That was the team's *signal* that a new discovery had been made. They used code words for all their important transmissions [6, p.23]

В данном случае сторонний наблюдатель сообщает об использовании знака-пароля. Паролем служит условная фраза, которую используют археологи, работающие на раскопках средневековой крепости. Смысл данного знака – «сделано новое открытие». Археологи используют пароль, чтобы не привлекать раньше времени внимание назойливых журналистов, прослушивающих все их переговоры по рации.

Отметим, что знаки-пароли используются в особых знаковых ситуациях, когда круг адресатов-интерпретаторов знака строго ограничен.

При этом, как отмечает Л.Ф.Чертов, «в основанном на полном взаимопонимании общении происходит уже такое приобщение субъектов друг к другу, что они превращаются в единый субъект, осознающий себя как «мы» и противостоящий объектам и другим субъектам как единое целое» [Чертов 1993: 216]. Паролем могут служить не только условные фразы или слова, но и предметы.

Сторонний наблюдатель может сообщать и о цели, с которой, по его мнению, используется тот или иной знак. Цели семиотической деятельности могут быть самыми разнообразными и непредсказуемыми. В самом общем виде можно сказать, что человек использует знаки для того, чтобы передать определенный смысл, предназначенный для адресата (адресатов) семиотического акта с целью определенного воздействия на этого адресата. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие различные цели, с которыми могут использоваться знаки.

(142) ... their colonel called them together and said it had to stop. it was degrading that the Japs could still think they could buy Gurkhas. He said *a gesture* was needed, a convincing *gesture*. The next day a Jap had to be killed publicly [35, p.32].

В данном случае речь идет о готовящейся знаковой ситуации, инициатором которой является командир группы военнопленных гурков, подвергающихся унижениям в японских застенках. В качестве знака планируется убийство одного из японских надзирателей. Смысл данного знака — демонстрация неподкупности гурков, их несгибаемости, отказ от

унизительных привилегий, которых лишены другие пленные. Используя данный знак, гурки стремятся завоевать расположение военнопленных других национальностей и уничтожить таким образом свою изоляцию, искусственно созданную японскими властями. Существительное *gesture* в данном случае используется как синоним к слову *sign*; в нем самом уже заложена сема *sign*, которая и позволяет использовать его как классификатор.

(143) She has just time to rush down to the study door — with her hand on the handle *to show* that she has just come out, when Parker appears in the doorway [8, p.166].

В рассматриваемом высказывании содержится информация о знаковой ситуации, которая намеренно создается преступницей для того, чтобы обеспечить себе алиби и ввести таким образом следствие в заблуждение. Знаком является местонахождение героини в определенный момент времени. Тот факт, что она стоит у входа в кабинет, держась за ручку двери, должен, по ее замыслу, свидетельствовать о том, что она только что вышла из кабинета.

(144) Raising both arms above the head. Conchis got this from ancient Egypt. It was *the Ka sign*, used by initiates "to gain possession of the cosmic forces of mystery." It *meant*: "I am master of the spells. Strength is mine. I impart strength" [12, p.591].

В данном случае мы имеем дело с использованием знака в религиозной практике. В рассматриваемом высказывании стороннего наблюдателя содержится информация как о смысле знака-жеста, которым пользовались древнеегипетские жрецы, так и о цели его использования.

2. Высказывания, содержащие информацию о семiotической деятельности адресата знаковой ситуации.

Вторая подгруппа высказываний, ориентированных на субъекта, включает высказывания с различными предикатами означивания, содержащие информацию о знаковой деятельности адресата (интерпретатора знака). В них отражено то, каким образом человек интерпретирует знаки и реагирует на них.

Как показывает материал, подобные высказывания могут принадлежать, во-первых, самому адресату семiotического акта

и, во-вторых, стороннему наблюдателю знаковой ситуации. В рассматриваемой группе отсутствуют высказывания, принадлежащие инициатору семиотического акта. Это не значит, что инициатор не может высказываться об интерпретирующей деятельности адресата. Дело в том, что инициатор семиотического акта, сообщая о том, как адресат реагирует на тот или иной знак, одновременно информирует слушателя/читателя и о своей семиотической деятельности. Таким образом, в высказываниях, осуществленных инициатором знаковой ситуации, информация о семиотической деятельности адресата совмещена, как правило, с информацией о семиотической деятельности инициатора. Подобные высказывания входят поэтому в третью подгруппу, которая будет рассмотрена ниже. Вернемся к высказываниям второй подгруппы.

2.1. Говорящий = адресат. Говорящий сообщает о своем собственном семиотическом опыте, о своем участии в знаковой ситуации в качестве интерпретатора адресованного ему знака. Приведем несколько примеров.

(145) I had no sooner entered my room when I saw that I had been left a parting present. It lay on the pillow: an envelope stuffed full of Greek currency notes. ...The money, with its implicit *suggestion* that I too could be bought, enraged me; it was the final humiliation [12, p.445].

(146) I looked back inside the music-room. The Modigliani had gone; so had the little Rodin and the Giacometti. My optimism of the night before swiftly vanished before this *evidence* that the "theatre" was being dismantled [12, p.449].

(147) 'You look devastatingly handsome now. Do you know that? You're so brown.' I smiled, but I looked down and let go of her hand to get a cigarette. I knew what her flattery *meant*, the invitation extended [12, p.252].

Как видим, в рассматриваемых высказываниях представлена информация как о смысле знаков, так и об их прагматическом («персигнификативном») эффекте, т.е. о реакции интерпретаторов на эти знаки. В приведенных

примерах представлена невербальная реакция: внутренняя, эмоциональная, и внешняя, поведенческая.

Итак, третьим элементом знаковой ситуации является смысл знака. Используя термин Ч.Пирса, назовем этот элемент интерпретантой. Интерпретанту можно уподобить иллокутивному эффекту речевого акта. В то же время, используя знак, вкладывая в него определенный смысл, совершаем определенное воздействие на адресата семиотического акта. Таким образом акт означивания всегда сопровождается своеобразным «перлокутивным эффектом».

В лингвистической литературе отмечается, что иллокутивный и перлокутивный акты — это два различных аспекта совершаемого говорящим речевого воздействия, они соотносятся между собой как средство и цель. Целевое назначение иллокутивного акта определяется перлокутивным намерением, и таким образом, перлокутивная цель детерминирует появление иллокутивного акта. [Восканян, 1988:27]. В свою очередь, перлокуция как категория речевого воздействия включает в себя две стороны: воздействующую, т.е. говорящего, и того, кто испытывает это воздействие, т.е. слушающего. Аспект говорящего представлен в категории перлокуции в виде перлокутивного акта как воздействия при помощи речи, а аспект слушающего отражает перлокутивный эффект, который представляет собой результат воздействия. [Davis 1980:39]. Таким образом, перлокутивный эффект, как результат, является понятием психологическим, внутренним, который, однако, проявляется в дальнейшем поведении адресата, как нелингвистическом, так и лингвистическом, и, таким образом, может выражаться или описываться языковыми средствами.

В ходе знаковой ситуации происходит своего рода интеракция, «внутренний» диалог инициатора и адресата семиотического акта. Успешность знаковой ситуации связана с обеспечением усвоения (*security of uptake* термин П.Ф.Стросона [Стросон 1982:147]), или первичной когнитивной реакции, т.е. изменения в мыслях, чувствах и действиях адресата семиотического акта возникают в результате понимания смысла знака, а иногда и «перлокутивных» интенций инициатора.

Следствием этого процесса усвоения является возникновение определенной реакции, ответа на смысл знака. Например:

(148) ...the distant flat roof of the house came into sight over the sea of trees ahead. The children stopped, as if the house was a sign that they should go no farther [12, p.166].

В рассматриваемой ситуации субъектом являются дети; знаком — дом (точнее, нечто, связанное с ним); смыслом знака — невозможность идти ближе к дому. В данном высказывании обозначена также и реакция на знак «the children stopped». Эта реакция является внешней, поведенческой. В следующем примере реакция внутренняя (эмоциональная):

(149) Rainborough had received Misch's invitation, and had been delighted and relieved to see it. He took it as a sign that Mische had not been offended by the curious circumstances of their last meeting [27, p.174].

В данном случае в качестве знака выступает приглашение на званый вечер; субъектом семиотического акта (адресатом) является получивший это приглашение герой романа. Смысл знака — отсутствие каких-либо недоразумений (обид и проч.) между приглашающим и его будущим гостем. Реакцией на этот знак, следствием рассматриваемого семиотического акта является возникающие у субъекта чувства радости и облегчения.

Используя знак, вкладывая в него определенный смысл, мы тем самым совершаем определенное воздействие на адресата семиотического акта. Таким образом акт означивания всегда сопровождается своеобразным «перлокутивным эффектом».

Думается, что воздействие при помощи знака можно уподобить воздействию при помощи речи. Результат данного воздействия можно назвать «персигнификативным» эффектом.

Как уже указывалось, субъект знаковой ситуации может одновременно выполнять две коммуникативные роли — инициатора и адресата семиотического акта. В случае, когда инициатор и адресат совмещены в одном лице, субъект знаковой ситуации никому не адресует знак. Он воспринимает в качестве знака какое-то явление, событие, предмет и т.д. и пытается его интерпретировать для себя.

(150) There was no one of her possessions which she would

not have given away and not missed, and meanwhile her things lay about in a sort of impermanent jumble... This characteristic of my beloved exasperated me. It was the very image and *symbol* of my relation to Georgie, my mode of possessing her [28, p.8].

(151) ... I had evolved, unconsciously, some doctrine wherein the act of theft took precedence over all the other sins in the Decalogue and was *a sign* of moral death [42, p.106].

Высказывания адресата знаковой ситуации, который одновременно является и ее инициатором, отражают очень индивидуальную, субъективную интерпретацию знака, которая может не совпадать с трактовкой того же знака другим субъектом. Поэтому во многих высказываниях подобного рода часто имеется специальная ссылка на автора интерпретации:

(152) For me, anything in the way of a chart or a' diagram *means* hopeless confusion [24, p.234].

(153) Robert: As more and more of this rotten stuff came out, so more and more I came to depend on my secret thoughts of Betty - as someone who seemed to me *to represent* some lovely quality of life [32, p.59].

(154) He had simply guessed, that for my freedom *meant* the freedom to satisfy personal desire, private ambition [12, p.448].

2.2. Говорящий = сторонний наблюдатель. Среди высказываний, содержащих информацию об интерпретационной деятельности адресата знаковой ситуации, преобладают высказывания, сделанные сторонним наблюдателем семиотического акта. Очевидно, отчасти это можно объяснить тем, что знаковая деятельность по своей природе ментальна, т.е. она связана с внутренними психическими процессами. Субъект знаковой ситуации, за исключением очень редких случаев практически не вербализует свое участие в осуществлении семиотического акта непосредственно во время знаковой ситуации. Как правило, он сообщает о своей знаковой деятельности уже после того, как реализовалась знаковая ситуация. Сторонний же наблюдатель может комментировать семиотическую деятельность субъекта знаковой ситуации как непосредственно в ходе самого семиотического акта, так и после

его осуществления. С этим, по-видимому, и связано преобладание высказываний, принадлежащих стороннему наблюдателю знаковой ситуации.

Комментируя происходящее непосредственно, во время знаковой ситуации, сторонний наблюдатель остается лишь свидетелем, очевидцем семиотического акта, не являясь его со-субъектом. Иначе говоря, он не интерпретирует увиденный знак, не сообщает о его смысле.

Иначе говоря, в рассматриваемых случаях мы узнаем о том, что объекту присвоена знаковая функция, со слов некоторого постороннего наблюдателя: сам субъект означивания не всегда сообщает об этом. Поэтому результат осмысления может быть не выражен. Выраженной бывает реакция на него в виде физических конкретных поступков или продуманной стратегии поведения. Реакция на знак вербализуется в высказываниях, а о смысле знака можно догадаться: автор всегда представляет возможность сделать это. Как отмечает А.И.Варшавская, «такой способ описания знакотворческой ситуации, как кажется, соответствует ее природе: внутренний, невидимый акт знакоприсвоения и явная реакция на него» [Варшавская 1997: 221].

(155) Across the lake the bugle from the boys' camp blew, and as if this were *a signal* for him, he made a stiff, wide salute, and tumbled, with military precision, on his heel, saying, 'I leave you now' [36, p.52].

В данном случае сторонний наблюдатель сообщает в своем высказывании лишь о знаке (сигнале) и о реакции на него со стороны адресата. Информация о смысле знака отсутствует. При этом говорящий не уверен, что сигнал, свидетелем которого он стал, является знаком для данного адресата. Последовательность событий — возникновение сигнала и соответствующие действия адресата, истолкованные говорящим как реакция на этот сигнал, — может лишь внешне напоминать знаковую ситуацию. Неуверенность говорящего в правильности своей трактовки передана условным придаточным предложением с предикатом означивания (*as if a signal*).

В тех случаях, когда сторонний наблюдатель становится со-субъектом (со-интерпретатором) семиотического акта, его интерпретация знака может не совпадать с интерпретацией непосредственного адресата. Один и тот же знак может иметь для со-адресата (наблюдателя) и адресата разные смыслы. Для иллюстрации данного положения рассмотрим следующий пример, включающий два высказывания с предикатами означивания:

(156) — I wrote to you again.

— Did I answer?

— No. And it *showed* you were a real artist and didn't care a bit for your public, and just lived for your work [45, p.309].

(157) There was another girl at school, and she had a crush on Gilbert Waraick. He wrote her three pages, and she thought it *showed* what a better writer he was than you [45, p.309].

Два вышеприведенных высказывания с предикатом означивания to show принадлежат одному и тому же лицу. В первом случае говорящий выступает в роли адресата знаковой ситуации, воспринимая в качестве знака отсутствие ответа на свое письмо, посланное известному писателю. Смысл данного знака, в соответствии с интерпретацией адресата-говорящего, состоит в следующем: писатель, не отвечающий на письма поклонниц, является настоящим художником, одержимым своей работой.

Во втором случае тот же самый говорящий является уже сторонним наблюдателем сходной знаковой ситуации. В его высказывании содержится сообщение о девушке, которая также написала любимому писателю. Тот факт, что она получила исчерпывающий, на нескольких страницах, ответ, воспринимается ею как знак талантливости приславшего ответ писателя. Как видим, в сходных знаковых ситуациях два противоположных знака (факт наличия ответа и факт его отсутствия) получают у двух разных адресатов сходную интерпретацию. Таким образом, говорящий, выступая в роли стороннего наблюдателя знаковой ситуации (высказывание 157), сообщает о смысле, который приписывает знаку адресат

семиотического акта. При этом читателю из предыдущего контекста уже известно, что сам сторонний наблюдатель интерпретирует тот же знак иначе. Субъект – адресат и со-субъект – сторонний наблюдатель вкладывают в один и тот же знак противоположные смыслы.

Интерпретация знака, его истолкование и понимание – сложный процесс, механизм которого до конца еще не изучен¹. Очевидно, что интерпретация знака зависит от многих факторов, в том числе от знаний и опыта человека, его желаний и интенций. Знак проявляет не только интересубъектное (объективное), но и индивидуальное (субъективное). Причем если в конвенциональных знаках на первом плане выступает объективное начало, то в случае использования неконвенциональных знаков индивидуальное часто проявляется в большей степени, чем интересубъектное.

Наиболее выразительно и наглядно преобладание субъективного в неконвенциональном знаке выявляется в тех случаях, когда между знаком и его смыслом интерпретатор не может установить одно-однозначного соответствия.

(158) I made a sort of groaning-growling noise through the gag. I did not know myself what it really *meant*: whether that I was in pain or that if I ever saw him again I would tear him limb from limb [12, p.540].

В данном случае говорящий – инициатор знаковой ситуации – сообщает о двух возможных смыслах используемого им знака. Подобные случаи одновременного сосуществования разных смыслов в одном знаке для инициатора довольно редки. Чаще в процессе знаковой деятельности

¹ Даже сами термины «интерпретация» и «понимание» по отношению к знаку разными исследователями используются в достаточной степени произвольно. Разграничивая понятия «знак» и «символ», Н.Д.Арутюнова указывает что «знаки требуют понимания, символы и значения – интерпретации» [Арутюнова 1999: 342]. Мы в данном исследовании будем употреблять рассматриваемые термины, исходя из того, что «понимать» – это оценочный метапредикат, который определяется через нейтральный предикат интерпретировать, охватывающий гораздо больший спектр явлений» [Демьянков 1983: 66].

возникают ситуации, когда один и тот же субъект приписывает разные смыслы одному и тому же знаку в разные периоды своей жизни. «Сознание человека способно «поворачивать» воспринимаемый предмет и знак (а в каждом предмете наличествует момент знаковости) различными сторонами, вычерпывать из него все новые и новые содержания, расширять видение стоящих за знаком содержаний, включать их в новые связи и отношения» [Портнов 1994: 249]. «Существует возможность бесконечной интерпретации каждого знака, выявления в его содержании новых и новых уровней значения» [Там же: 256]. Очевидно, это связано с тем, что меняется, обогащается жизненный опыт человека, появляются с течением времени новые знания, возникают иные эмоционально-психологические состояния в сходных ситуациях и т.д. В связи с этим в разное время один и тот же знак может передавать разные смыслы для одного и того же человека:

(159) At first the silence was like a physical barrier cutting him off from her... Then her silence took on another quality for him. It became *a symbol* of peace [9, p.353].

(160) In these days Muriel felt in an almost physical way the altering proportions of her relationship with Elizabeth. The five years which divided them *had signified* at different times different things [31, p.37].

Среди высказываний, содержащих информацию об одном знаке и нескольких приписываемых ему субъектом смыслах, преобладают высказывания, осуществленные адресатом и сторонним наблюдателем знаковой ситуации.

(161) "Julie, you can trust me. Break the rules. And see what happens." Again she hesitated, then gave me a rather more sincere smile. It seemed *to suggest* both that she wanted to trust me and that I must be patient with her [12, p.219].

В данном случае высказывание с предикатом означивания принадлежит адресату семиотического акта. Знаком является улыбка героини. Адресат приписывает этому знаку два взаимодополняющих смысла.

В ряде случаев, однако, смыслы, приписываемые одному и тому же знаку, могут не только не дополнять друг друга, но быть даже взаимноисключающими, альтернативными.

(162) It seemed hours since Jan and Doreen had gone into the tall building to the specialist's rooms. He wondered whether their being so long *meant* that it was good or that it was bad [9, p.78].

Данное высказывание принадлежит стороннему наблюдателю, в роли которого выступает автор. Знаком в рассматриваемой ситуации является долгое пребывание в кабинете врача двух молодых женщин. Для ожидающего их друга смысл этого знака не ясен. Их долгое отсутствие может быть знаком того, что все в порядке, и их здоровью ничего не угрожает, или, наоборот, оно может означать, что их положение очень серьезно. Таким образом, данное высказывание содержит информацию, о двух возможных интерпретациях одного и того же знака, причем в данном случае эти смыслы взаимноисключают друг друга.

Интерпретация знака может быть «индивидуализирована» в различной степени.

Как отмечает А.Н.Портнов, «в зависимости от ряда обстоятельств возможно более «глубокое» или «поверхностное» прочтение знака» [Портнов 1994: 253]. «Глубина понимания мира определяется глубиной личных переживаний» [Брудный 1998: 130].

Воспринимая и истолковывая знак, человек может опираться исключительно на свой собственный, неповторимый опыт, не принимая во внимание жизненный опыт других. В таких случаях трактовка знака является строго индивидуальной. Другим и словам и, данный знак имеет данный смысл только для данного субъекта.

(163) He's one of those people who's never been sick in his life and he regards illness as a wilful *sign* of weakness [36, p.20].

(164) The thing that troubled him most about his mother, he realized, had been the expression on her face just before she awoke. That soft, secret, reminiscent female smile, the kind of smile he had never seen on anyone's face before that, selfish, devouring, impervious to any other claims but the claims of her own pleasure,

shocking in the power of its relished emotion and its egotism. That smile had haunted him, and it had become for him *the sign* and danger *signal* of the entire sex [36, p.233].

(165) And what had marriage *meant* for him? Weeks - months - of exhausting, loathsome duties, nursing her [9, p.279].

Как видим, во всех высказываниях данного типа обязательно имеется ссылка на автора интерпретации знака. Кроме того, в ряде случаев поясняются также и причины именно такой интерпретации.

Знак может иметь определенный смысл и для ограниченной группы интерпретаторов, связанных общими интересами, совместной деятельностью и проч., т.е. имеющих сходный жизненный опыт. В приводимых ниже примерах такими ограниченными группами интерпретаторов являются жители определенной местности (примеры 166, 167), представители определенных социальных слоев и групп – женщины (пример 168), верующие (примеры 169, 170) и т.п.

(166) Country life for them *meant* not a series of invitations, but of successful, predatory raids [45, p.294].

(167) All he knew was that two days after receiving his commission he observed a tall and personable man of marriageable age who treated his hostess with the sort of familiarity which, among the Kennel maids with whom he had been brought up, *meant* only one thing [45, p.213].

(168) You've got to remember, my boy, that clothes *mean* something quite different to a woman. Not just something to wear - and not only something to make 'em look prettier - but - well, a sort of *sign* or *token* of their self-respect [32, p.134].

(169) Man has felt the machine to be devilish, and rightly. It *signifies* in the eyes of the believer the deposition of God [24, p.450].

(170) For other mystics that cosmology is *a symbol* of the rich feeling. For the unreligious it is *a symbol* of nothing, and so appears merely grotesque [18, p.201].

3. Высказывания, содержащие информацию как о деятельности инициатора знаковой ситуации, так и о деятельности ее адресата.

Рассматриваемые высказывания могут осуществляться инициатором семиотического акта (пример 171), его адресатом (пример 172) и сторонним наблюдателем. Высказывания, принадлежащие стороннему наблюдателю знаковой ситуации, преобладают. (Примеры 173, 174).

(171) I cocked my wrists round and gave them a double *V-sign*. It evidently bewildered the old man, because he turned and bent to ask Conchis what it *meant*. Conchis turned to the supposed woman doctor from Edinburgh. She spoke in a strong American voice. "The *sign* is a visual equivalent of some verbalization like "Bugger you" [12, p.515].

(172) ...she handed me the tray with just the ghost of a smile. It doesn't seem much, but it *marked* a big change. I was really happy that morning [11, p.93].

(173) Her eyes flashed a clear *signal* to Christopher, and with a sudden maturity and understanding of women that he had never had before, he knew that she was warning him not to let Paulette Anderson know that she had come in to get him to take her to dinner [35, p.216].

(174) The headmaster raised the bottle of sherry inquiringly, but Oliver shook his head. Where Oliver had been at school he was sure that his headmaster had not offered sherry to the fathers of the pupils before lunch. Oliver realized that this was *a sign* that education had become more relaxed since he was a boy [36, p.150].

Как видим, высказывания, входящие в данную подгруппу, наиболее полно отражают ситуации знаковой деятельности. В них находят свое выражение все компоненты знаковой ситуации: знак, смысл, субъект и прагматический эффект (реакция на знак).

Рассматриваемые высказывания могут передавать информацию об «исказенных» знаковых ситуациях. Подобные ситуации имеют место в тех случаях, когда кто-либо из участников (инициатор, адресат), по каким-либо причинам

неполноценно выполняет свою роль, допускает определенные ошибки, промахи. Так, инициатор может выбрать для передачи определенного смысла неудачный, неадекватный знак, что затрудняет интерпретацию знака со стороны адресата. В свою очередь, адресат может неверно интерпретировать знак, либо вообще принять за знак нечто, таковым не являющееся. Поясним сказанное на примерах.

(175) 'Oh-' said Mor. He meant to say, 'It's all right,' but instead he gave a jerky gesture which was interpreted by Donald as a gesture of dismissal. The boy turned away and disappeared into the crowd [29, p.117].

В данном высказывании, осуществленном сторонним наблюдателем, отражена искаженная знаковая ситуация, оба участника которой, совершают ошибки. Ошибка инициатора (Мора) состоит в том, что он выбрал неадекватный знак для передачи нужного смысла. Тем самым он подал ложный знак, вызвав нежелательный прагматический эффект. В свою очередь, Дональд являющийся одним из нескольких собеседников Мора, ошибочно приписывает себе роль единственного адресата знака и, кроме того, неверно этот знак истолковывает. Таким образом, ошибка инициатора семиотического акта повлекла за собой ошибку адресата.

В следующем примере знаковая ситуация описывается с точки зрения адресата. В качестве знака здесь также используется жест:

(176) I asked him if he understood English. All he did was to raise his staff, as if to keep me at bay. It was a warning rather than a threatening *gesture*. So I took it *to mean* that I could go on provided that I kept my distance [12, p.210].

Как показывают дальнейшие события, в данной ситуации ошибку совершает адресат, приписав жесту не тот смысл, который вложил в него инициатор — немой отшельник. Жест действительно выражал угрозу, которая вскоре была приведена в исполнение. Таким образом, адресат чуть не заплатил жизнью за свою ошибку.

Итак, высказывания с предикатами означивания отражают денотативную ситуацию создания и/или использования знака,

т.е. знаковую ситуацию, которая включает: субъекта акта означивания (инициатора, адресата, стороннего наблюдателя-со-субъекта), знак (объект, лицо, ситуацию), интерпретанту (смысл знака) и «перлокутивный» эффект (последствие, реакцию).

Рассматриваемые высказывания, соотносящиеся с денотативной знаковой ситуацией, отражают различные ее стороны. Как уже указывалось, знаковая ситуация представляет собой не просто совокупность каких-то объектов, а систему элементов, связанных между собой определенными отношениями. Высказывания с предикатами и означивания могут передавать информацию как о всей этой системе в целом, так и об отдельных ее фрагментах. Так, они используются для того, чтобы передать информацию о: а) знаке как носителе определенного смысла, т.е. о том, как обозначается данный смысл, что/кто используется в качестве знака; б) смысле данного знака, т.е. о том, ЧТО данный знак «значит»; в) субъекте знаковой ситуации, т.е. о том, кто и с какой целью использует знак, а также о том, кто и каким образом реагирует на знак.

3.7. Отношение означивания и другие отношения

Как уже указывалось, отношение означивания в качестве частного, конкретного отношения входит в общую категорию отношения, которая является «одной из основных логико-философских категорий, отражающих способ (род) бытия и познания» [ФЭС 1967: 182]. Все содержательные отношения, существующие в мире и находящие отражение в языке, являются в той или иной мере субъектно ориентированными. Однако, в отличие от тех отношений, установление которых заключается, главным образом, в их вычленении и нахождении в реальной действительности, где они объективно существуют между предметами и явлениями (временные, пространственные, причинно-следственные), отношение означивания обнаруживает более тесную связь с познающим субъектом. В объективной действительности знаков нет. Предметы, свойства или события становятся знаками лишь тогда, когда они включены в коммуникативный процесс. При этом следует учитывать, что процесс коммуникации существует и в животном мире, поскольку там тоже имеет место процесс совместной жизнедеятельности. Пчелы в улье сотрудничают при сборе меда, подобным же образом сотрудничают муравьи, олени в стаде и т.д. В каждом из этих случаев мы имеем дело со своеобразным процессом коммуникации. В определенном специфическом значении можно говорить о знаках и сигналах, выступающих в совместной жизнедеятельности животных. Тем не менее «очевидно, что мы имеем в виду нечто другое, говоря о взаимопонимании, знаках и т.п. в случае с животными, чем в случае с людьми и человеческим обществом» [Шафф 1963: 169]. Знаки и знаковые системы, используемые человеком, и, прежде всего, язык, являются главным инструментом мышления, познания окружающего мира. Этого никак нельзя сказать о системах сигнализации даже тех высших животных, которые обладают высокоразвитой психикой [Панов 1983: 4]. Производство знаков у животных столь же инстинктивно, как и все их поведение в целом. Отправитель сообщения здесь, строго говоря, отсутствует [Абрамян 1967: 107]. Человеческие знаки

либо создаются преднамеренно (так называемые искусственные знаки), либо осознанно воспринимаются и истолковываются.

В философской и лингвистической литературе понятие отношения обычно соотносят с понятиями связи, взаимосвязи, взаимодействия. При этом указывается на взаимосвязь самих отношений, их взаимопроникновение [Bally 1939; Гумбольдт 1984]. Для изложения нашего материала последнее положение представляется особенно важным.

Анализ наиболее универсальных смысловых отношений, которые по значимости своих грамматических и коммуникативных функций являются базовыми, входят в центральную часть современного английского языка, позволяет проследить сквозную связь между ними. Под сквозной связью имеется в виду не строго детерминированная упорядоченность отношений, а тот факт, что каждое из смысловых отношений оказывается связанным с одним или несколькими другими отношениями. (См., например, [Берестова, Варшавская 1984]).

Одним из видов связи смысловых отношений является совмещение (синкретизм), или интерференция, их значений, свидетельствующее об отсутствии четких границ между разными содержательными и логическими отношениями. [Варшавская, 1979:97—101; Кожокина, 2009:5]. Совмещение значений отражает некоторую общность связей смысловых отношений. Не всегда можно установить, какое из отношений является основным, а какое накладывается на него. Поэтому при анализе за исходное обычно принимается СО, наиболее удовлетворяющее целям и ходу описания, в нашем случае это отношение означивания.

Рассматривая связи отношения означивания с другими СО, удобно воспользоваться тем понятием категории отношения, которое разработано в рамках логики. В современной формальной логике отношения определяются как набор упорядоченных пар элементов двух множеств. При этом каждая из пар, образующих отношение, называется соотношением [Шрейдер, 1974: 11], а элементы, участвующие в соотношении, — термами [Мендельсон, 1984: 53]. Отношение, таким образом, является обобщением, инвариантом для множества конкретных соотношений — вариантов.

До недавнего времени было распространено убеждение, согласно которому отношения в логике могут быть установлены только между однородными сущностями [Арутюнова, 1980: 234, Рубашова, 1985: 18]. Однако, как показывают исследования последних лет, нет никаких оснований для наложения подобных ограничений: отношения могут устанавливаться не только между предметами¹ различной природы, но и между предметами и классами предметов (См., например, [Коваль 1990]). Данное положение представляется особенно важным для нашего анализа. По-видимому, существование в социальной практике отношений, которые соединяют предметы совершенно различной природы (а отношение означивания относится именно к таким СО), и является результатом взаимосвязи, взаимопроникновения смысловых отношений.

Приписывая какому-либо предмету знаковую функцию, человек может устанавливать отношение означивания между такими терминами, которые уже связаны (или могут быть связаны) какими-либо другими отношениями. Точно так же, воспринимая знак, интерпретируя его, расшифровывая его смысл, мы опираемся на свой опыт, свои знания о мире, которые включают и знание о существовании других отношений. В процессе интерпретации (поиска знакового смысла) мы вольно или невольно, осознанно или бессознательно «накладываем» отношение означивания на имеющиеся у нас представления о сложной картине окружающего мира во всей совокупности взаимосвязей и взаимоотношений, существующих между его элементами, что в ряде случаев может приводить к совмещению отношения означивания с другими СО.

Как показывает материал, отношение означивания может совмещаться с условными, причинно-следственными отношениями, с отношением названия, а также с классификационными отношениями и отношениями сравнения.

¹ Предмет в логике понимается широко. Предметом могут быть названы любые сущности, выделяемые как из объективного (вещи и ситуации), так и из идеального (обобщенные понятия) мира [ЛСС, 474].

Необходимо отметить, однако, что не все исследователи признают данную взаимосвязь. На отсутствии причинной связи между знаком и обозначаемым им явлением настаивает, в частности, философ В.С.Тюхтин. Действительно, знак не всегда связан причинно-следственной связью с тем, что он обозначает. «Наличие или отсутствие причинной связи с предметом обозначения не может быть признано необходимым и общим признаком знака вообще. Настаивание как на том, так и на другом неизбежно приводит к сужению понятия «знак» [Тюхтин 1971:86]. Иными словами, отношение знака к предмету обозначения может быть либо причинно обусловленным, когда «внешняя» сторона знака определяется предметом обозначения, либо произвольным, когда такой зависимости не существует. Причинно-следственные отношения относятся, как известно, к той группе содержательных отношений, которые объективно существуют между предметами и явлениями реальной действительности. «Мышление может лишь открывать эти отношения в вещах, а не устанавливать их» [Уемов 1963: 49]. Причинно обусловленными поэтому являются все естественные знаки – природные процессы, которые не продуцируются в качестве именно знаков, но тем не менее воспринимаются и истолковываются как знаки. Это знаки-признаки (Шафф, Абрамян, Полторацкий, Швырев), индексы (Ч.Пирс), указатели (Э.Гуссерль), симптомы (К.Бюлер). Причинная обусловленность естественных знаков подчеркивается в определении, которое дает им известный польский лингвист и философ В.Дорошевский: «Естественным знаком мы называем любой предмет восприятия (объект перцепции), который может стать для нас исходным пунктом вывода о существовании определенного предмета, находящегося в причинной связи с данным предметом восприятия. Мысль о причинной связи является моей интерпретацией того, что я вижу: я интерпретирую дым как результат горящего огня, голос за стеной – как результат того, что за стеной кто-то есть и т.д.» [Дорошевский 1973:95].

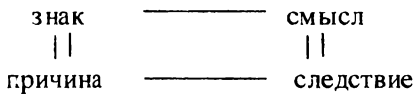
Интерпретация отношений, устанавливающихся между естественными знаками и предметами их обозначения представляет в ряде случаев значительные трудности, так как

причинно-следственные отношения и отношение означивания могут быть тесно взаимосвязаны, переплетены. На это указывает В. Дорошевский: «Между восприятием вещей, их рассмотрением в определенных комплексных связях и пониманием причинной связи между ними границы очень расплывчатые. Различие ... состоит в степени интеллектуального вмешательства в процесс наблюдения явлений» [Дорошевский 1973: 105]. Причинно-следственные отношения существуют объективно, отношение означивания устанавливается мыслящим субъектом.

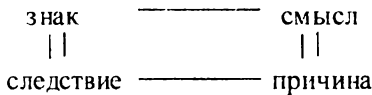
Естественные знаки связаны с обозначенными предметами, как следствия со своими причинами. Ясно, что причина определяет характер следствия, в том числе и его внешний вид, который и становится материальной формой знака. Однако для подавляющего большинства знаков (и – что особенно важно подчеркнуть – именно для тех, которые имеют наибольшее значение для практической и научной деятельности) характерно отсутствие какой-либо связи, в том числе и причинно-следственной, с обозначаемыми предметами. Искусственные знаки в большинстве своем являются условными, то есть выбор знака независим от природы предмета обозначения. Между знаком и предметом обозначения здесь нет иного отношения, кроме отношения означивания.

Произвольность условного знака не означает его абсолютной немотивированности, ибо недетерминированных явлений в природе вообще не существует. Выбор условного знака всегда обусловлен некоторыми факторами. Но поскольку эти факторы являются внешними по отношению к знаковой ситуации, мы не будем подробно останавливаться на сложной и дискуссионной проблеме мотивированности/немотивированности знака, рассмотрение ее выходит за рамки данного исследования.

В процессе семиотической деятельности человек может приписывать знаковый смысл как причинам, так и следствиям каких-либо явлений, событий и т.д. Т.е. при совмещении каузального и знакового отношений направленность этих отношений может совпадать, и тогда мы имеем дело с прямым совмещением:

В других случаях направленность отношения означивания может быть прямо противоположной направленности каузального отношения, что позволяет говорить об обратном (контрастном) совмещении рассматриваемых смысловых отношений:

Проиллюстрируем сказанное примерами. В качестве примеров прямого совмещения отношения означивания с причинно-следственным отношением можно привести следующие высказывания:

(177) I know where you were born. It was east of that line. You know what that *means*, don't you? It's not legal for you to be here [27, p.228].

Знаком для говорящего является место рождения его собеседника (польского эмигранта, незаконно попавшего в Англию). В соответствии с распоряжением местных властей лица, рожденные в восточном секторе, не могут рассматриваться в качестве эмигрантов и легально проживать на территории Англии. Таким образом, для говорящего смыслом рассматриваемого знака является его следствие (невозможность для польского эмигранта находиться на территории данной страны).

В следующем примере также говорится о событиях, связанных причинно-следственной связью:

(178) ...they also discovered that I could run quite fast. So I was selected as company runner, which *meant* that I was also, a kind of servant [12, p.123].

Говорящий воспринимает в качестве знака тот факт, что на него возложили обязанности бегуна. Смыслом знака (а одновременно и следствием данного факта) является, по его

мнению, то, что он стал чем-то вроде нанятой прислуги.

(179) The fact that he was such a good friend of my father and grandfather *meant* that he would never do me harm [24, p.59].

В данном случае знак (причина) - дружеские отношения работодателя с отцом и дедом говорящего. Следствие данного факта - распространение этих дружеских отношений и на самого говорящего, что и является для него смыслом рассматриваемого знака.

Следующие примеры иллюстрируют возможность, обратного (контрастного) совмещения отношения означивания с причинно-следственным отношением:

(180) Jocasta paid for Rennie's lunch. That *meant* she thought Rennie was in terrible shape, on the brink of death in fact, since ordinarily she never paid for anything if she could help it [1, p.167].

В данном случае причинно-следственными отношениями связаны следующие факты: Йокаста, считая, что ее подруга Ренни находится в бедственном положении, заплатила за нее в ресторане, где они вместе пообедали. Для Ренни (адресата семиотического акта) и говорящего (стороннего наблюдателя) знаком является факт-следствие (Йокаста заплатила за обед), а смыслом знака — факт-причина (по мнению Йокасты, дела Ренни совсем плохи).

(181) Mis Conway: Did Robin send you anything, Kay?

Kay: No.

Mis Conway: Now that may *mean* he thinks he's coming home very soon [32, p.70].

В рассматриваемом примере знаком для интерпретатора (миссис Конвей) является то, что ее сын Робин не прислал, как обычно, подарка к дню рождения сестры. Смысл данного знака заключается, по мнению миссис Конвей, в том, что Робин скоро вернется домой и лично поздравит сестру. Два данных факта связаны также и причинно-следственным отношением: Робин возвращается домой, поэтому не прислал подарка.

(182) His heart soared at the realisation that her presence there on the wharf to meet the boat meant that she was willing to go on the old terms [9, pp.20—21].

Присутствие на причале знакомой девушки, пришедшей встретить возвращающееся из дальнего плавания судно (факт-следствие), является для героя знаком того, что она не забыла его и готова продолжить их прежние взаимоотношения (факт-причина).

Следует отметить, что логические отношения, особенно условные и причинно-следственные, устанавливаются часто не между действиями в чистом виде, а между ситуациями, включающими различные дополнительные актанты, атрибуты действия. Так, смысловое отношение означивания часто связывает знак-ситуацию с развернутым, не имеющим точечного характера смыслом. Приведенные примеры являются тому подтверждением.

В лингвистике неоднократно отмечался факт недифференцированного выражения причинно-следственного и условного отношений (см., например, обзор в: Храковский 1998). Это позволило ряду исследователей говорить о существовании так называемого условно-следственного отношения, которое рассматривается как одно из коммуникативно важных универсальных смысловых отношений, разновидность общей категории каузальности, в которую входят также причинно-результативные отношения [Гак 1973].

Если условие (основание, антецедент) представлено явлением А, следствие (консеквент) — явлением Б, то содержание условно-следственного отношения таково, что осуществление А приводит, может привести или привело бы к осуществлению Б. Иными словами, условные (условно-следственные) отношения отражают зависимую связь между явлениями объективной действительности или между воображаемыми явлениями.

Данная зависимая связь может учитываться субъектом семиотической деятельности в процессе использования различного рода знаков. Рассмотрим некоторые примеры.

(183) The fact that he wrote a letter to her *suggests* that he knew her [8, p.74].

В данном случае для интерпретатора, в роли которого выступает ведущий расследование сыщик, важен тот факт, что написать письмо личного характера кому-либо можно лишь при

условии, если хорошо знаешь своего адресата. Опираясь на данное условное отношение, он наделяет факт наличия письма соответствующим знаковым смыслом. То, что герой написал потерпевшей письмо, является для сыщика знаком того, что эти двое были хорошо знакомы.

(184) Jack opened the other envelope. It was a telegram. "Don't worry, dearest," it said, "Love Veronica." It had been sent from Zurich, at ten-thirty the night before. Jack read it twice, searching for a code, a hidden message. All this *means*, he thought, that last night at ten-thirty she was alive and in Zurich [34, p.253].

В рассматриваемой ситуации в качестве знака воспринимается телеграмма, посланная из определенного места в определенное время. Для адресата-интерпретатора (Джека) она является знаком того, что девушка по имени Вероника, пропавшая несколько дней назад, накануне вечером находилась в Цюрихе и была жива, поскольку именно при этом условии она могла послать оттуда телеграмму.

В ряде случаев субъект знаковой деятельности сам устанавливает искусственные условные связи между явлениями и событиями и использует их при создании знаков¹. В силу искусственности условных отношений, накладываемых на отношение означивания в таких случаях, в результате подобной процедуры возникают особого рода знаки — так называемые условные знаки, т.е. знаки, основанные на определенной предварительной договоренности между инициатором и адресатом. Это могут быть различные знаки: пароли, знаки-жесты, знаки-условные ситуации. Например:

(185) While I was buying the necklace I saw some rings and that gave me the plan. I could ask her to marry me and if she said no then it would *mean* I had to keep her [11, p.79].

Говорящий является одновременно инициатором и интерпретатором планируемой знаковой ситуации. Знаком для него является отрицательный ответ героини на предложение о женитьбе. Насильно удерживая девушку в своем доме, субъект

¹ О возможности создания такого рода связей см., например: Храковский 1998. Автор дает обзор и интерпретацию условных конструкций и условных союзов в разных языках.

знаковой ситуации сам устанавливает условную связь между двумя фактами: отказом девушки выйти за него замуж и необходимостью продолжения ее домашнего ареста. Отношение означивания накладывается на эту искусственно создаваемую героем условную связь: если девушка ответит отказом, это будет знаком того, что герою необходимо удерживать ее в своем доме и дальше.

При совмещении отношения означивания с причинно-следственным и условным отношениями последние чаще всего являются основными, исходными. Отношение означивания, как правило, накладывается на условно-каузальные отношения. Очевидно, это связано с тем, что знаковое отношение не дано непосредственно в объективной действительности, а представляет собой результат мыслительной деятельности человека, в то время как условно-каузальные отношения поддаются наблюдению в объективной действительности. Воспринимая нечто как знак, человек опирается на данные в реальности отношения, накладывая на них отношение означивания.

Несколько иначе дело обстоит при совмещении отношения означивания с отношением называния. Данные два отношения являются одноуровневыми в том смысле, что оба они в наибольшей степени субъектно ориентированы, являются результатом мыслительной деятельности человека. Процесс номинации немислим без означивания, и отношения, устанавливаемые в ходе этих процессов, переплетаются друг с другом.

Акт называния, присвоения имени неразрывно связан с актом знакообразования. В результате акта называния не только объект получает имя, но это имя включается в систему языковых средств, приобретает знаковую функцию, что обуславливает в дальнейшем его способность функционировать в качестве двухстороннего словесного знака. Как отмечает А.А.Уфимцева, словесный знак одновременно означает и обозначает. Форма словесного знака, будучи данным языковым коллективом поставлена в отношение значения к обобщенному понятию или повторяющемуся представлению о свойствах предмета, создает языковой знак, который, по отношению к

данному предмету, будет его обозначением [Уфимцева 1974: 23].

Акт называния сопровождается актом знакообразования: в момент присвоения имени субъекту и одновременно понятию о нем слово как означающее словесного знака наделяется значением, то есть означивается, что позволяет говорить о том, что в самом этом акте название и объект, «означающее» и «означаемое», еще существуют раздельно, и только в результате акта называния и акта знакообразования объект и его обозначение связываются отношением называния, а означающее словесного знака и означаемое — знаковым отношением (отношением означивания) [Петрова 1986: 130].

В ходе семиотической деятельности лингвистические знаки могут переосмысливаться, наполняться новым содержанием. При этом они рассматриваются как любые другие предметы (в широком смысле слова), получающие статус знака в ходе знаковой деятельности человека. Т.е. человек обращается со словом, как с вещью.

В следующих примерах содержится информация о переосмыслении общепринятых понятий, обозначаемых лингвистическими знаками. При этом везде присутствует ссыла на субъекта знаковой деятельности, который наделяет эти знаки новым, сугубо индивидуальным смыслом (I, he, for him). Так, молодой человек 34 лет, разуверившийся во многих идеалах, обозначает с помощью лингвистического знака «дружба» такие отношения между людьми, которые исключают взаимную симпатию и доверие, потребность в постоянном тесном общении и т.п.:

(186) There was little love and no trust at all between any of my friends. We had all from time to time cut out divergent trails and camped in new ground, but we always, as it were, returned to the same base for supplies, and swapped yams of our exploration. That was what I *meant* by friendship at the age of thirty-four [45, p.317].

Для далекого от искусства человека мнение «великий», высказанное о каком-то произведении, — знак того, что это произведение можно встретить только в музее, где им неискренне восхищаются те, кто хочет показаться знатоками и истинным и ценителям и искусства:

(187) He knows great art is great, but "great" *means* locked away in museums and spoken about when you want to show off [11, p.229].

В следующем примере переосмысливанию подвергается лингвистический знак «улыбка», который для одного из героев (Кончиса) означает нечто жестокое, безжалостное, мучительное, что связано с философскими воззрениями героя, с его восприятием жизни:

(188) "Learn to smile, Nicholas. Learn to smile". It came to me that Conchis *meant* something different by "smile" than I did; that for him the smile was something essentially cruel, because freedom is cruel [12, p.540].

Лингвистические знаки могут функционировать и в качестве знаков неконвенциональных, неязыковых, имеющих данный конкретный смысл лишь для конкретных субъектов знаковой деятельности. В подобных случаях происходит как бы двойное означивание: на первоначальный, общепринятый, конвенциональный смысл лингвистического знака накладывается другой, неконвенциональный, сугубо индивидуальный. Например:

(189) We must ring up the "Flint and Denbigh Herald" and get them to send a photographer. That *means* whisky [45, p.67].

Данное высказывание является примером полного замещения общепринятого смысла лингвистического знака новым, понятным лишь узкому кругу со-субъектов знаковой ситуации, в ходе которой используется данный знак. Символическая фраза «Пришлите фотографа» является своеобразным паролем, т.е. условным знаком¹. Однако, условное отношение в данном и следующем примерах явным

¹ Как эквивалент различения прямого и переносного смысла некоторые исследователи противопоставляют «процесс обозначения (signification), когда означающее вызывает в представлении означаемое, и процесс символизации (symbolisation), когда одно означаемое символизирует другое; при этом обозначение задано словарем (парадигматическими сведениями о слове), а символизация возникает в высказывании (синтагматической цепи)» [Тодоров 1975: 51. Ср. также: Барт 1989: 350—351].

образом не представлено, оно подразумевается имплицитно: знак будет верно интерпретирован при условии, если его адресуют не стороннему наблюдателю, а со-субъекту знаковой ситуации:

(190) He and Jack had had a sardonic phrase -- *a symbol* that they used with each other, both for their own work or the work of others, when they detected the sugariness or false violence or pseudo-profundity that was so easy to get away with in the booming Hollywood of those days. "It's terribly original," they would say to each other, drawling the words out affectedly. Or if the offence was greater, "It's terribly, terribly original, my dear boy" [34, p.59].

В данном случае сторонний наблюдатель сообщает о семиотической деятельности двух со-субъектов знаковой ситуации. Два приятеля, работающие на киностудии, используют знак особого рода – символическое высказывание, своеобразный пароль, знаковый смысл которого ясен только им двоим и не выводится из значения входящих в него слов. В подобных случаях имеет место двойное означивание: лингвистический знак переосмысливается и приобретает дополнительный знаковый смысл, что позволяет ему функционировать в определенных условиях уже не в качестве лингвистического знака. В рассматриваемом примере говорящий сообщает о тех обстоятельствах, при которых используется данный знак. Приятели обмениваются символическими фразами в тех случаях, когда сталкиваются с кинопродукцией низкого качества.

Рассматривая совмещение отношения означивания с другими смысловыми отношениями, необходимо отметить, что в высказываниях, представляющих собой примеры контаминации смысловых отношений, могут употребляться далеко не все предикаты означивания. Как показывает анализ, в подобных случаях употребляются в основном глагольные предикаты, а среди них чаще всего те, семантика которых не ограничена жестко функцией передачи отношения означивания. Напротив, многозначность данных глаголов позволяет им передавать одновременно несколько смысловых оттенков при совмещении СО. К подобным глаголам относится, прежде всего,

глагол to mean (что отражено в приводившихся примерах). В сходной роли могут выступать также глаголы to suggest, to indicate и некоторые другие.

Предикаты-существительные могут употребляться в тех высказываниях, где отношение означивания в той или иной степени ассоциируется с классификационными отношениями. Это связано со спецификой существительных, передающих отношение означивания. Как уже указывалось (см. главу 2), данные существительные являются своеобразными классификаторами. Используя их, говорящий не просто сообщает о наличии отношения означивания, но одновременно указывает, к какому классу, виду семиотических средств относится знак, используемый в данном конкретном семиотическом акте. Рассмотрим некоторые примеры.

(191) I'm getting old, she thought, staring at herself. There are the little secret *marks* of time on the flesh of my thighs [36, p.31].

В данном случае для передачи отношения означивания используется существительное «mark» — «видимый знак, след, признак чего-либо». Молодая женщина средних лет, рассматривая себя в зеркало, обнаруживает на своем теле признаки увядания, старения.

(192) "Don't expect too much," he said last night. "Too much of me". He was smiling, calm as ever, but she no longer found this reassuring. Instead she found it *a symptom*. Nothing could move him [1, p.226].

Одно из значений существительного "symptom", которое употреблено в данном примере, — «знак, признак, свидетельствующий о чем-то нехорошем». В качестве подобного знака героиня воспринимает поведение своего знакомого, а именно, его подчеркнутое спокойствие в минуту грозившей ей опасности. Такое самообладание, по ее мнению, является знаком равнодушия, безразличия к ее судьбе.

В следующем высказывании речь идет о символе (token), в качестве которого выступает памятник погибшим во время войны:

(193) A War Memorial was, in its very nature, a work dedicated to God. It was *a token* of thankfulness that the first stage in the culminating world-war had been crowned by the triumph of

righteousness [18, p.147].

Наконец, в следующем примере нам встретилось существительное «signal», одно из значений которого – «нечто, говорящее о существовании или возможном осуществлении чего-либо».

(194) March turned into spring. One of the *signals* was, on the high school grounds, before the cinder track was weeded [42, p.18].

Данное высказывание принадлежит подростку, страстному любителю футбола. Признаком наступившей весны (а значит, и скорого начала нового футбольного сезона) для него является прополотая беговая дорожка на школьном стадионе.

Рассматривая подобные высказывания, А.И.Варшавская отмечает, что в данном случае акт означивания заменен скрытым актом классификации. Классифицирующее отношение входит в смысл именной группы с оппозитивом и определяет ее структуру и поведение. Акты означивания и акты классификации как бы разделяют соответствующие элементы: знак и его смысл; классификатор и классифицируемое. А.И.Варшавская отмечает и сходство знаковой ситуации с естественной языковой ситуацией именованности: один объект + акт именованности + все имена объекта (прямая, первичная, косвенная, вторичная номинации) [Варшавская 1997: 223].

Как известно, созданию классификаций (распределению объектов по классам) предшествует операция сравнения. Сравнение – один из основных приемов осмысления человеком окружающей среды. Это отношение ассоциативной связи между двумя явлениями и – характер одного явления раскрывается путем сравнения с другим явлением [Кузьмина 1991: 22].

Как показывает исследуемый материал, отношение означивания может «накладываться» на отношение сравнения. Это происходит, в частности, в тех случаях, когда сложноподчиненные предложения (СПП) с придаточными, вводимыми союзом *as if*, одним из основных значений которых является значение сравнения, содержат информацию о знаковой ситуации. Например:

(195) We had an elegant tea. Bary had the very best china set out, Manila, just *as if* I was real company. I can't tell you what a

thrill it gave me. Nobody ever used their very best china on my account before [25, p.146].

В данном случае субъектом семиотического акта является Анна Шерли, бедная сирота, взятая на воспитание из приюта. Тот факт, что соседка пригласила ее на чай и при этом выставила на стол свой лучший чайный сервиз. Анна расценивает как знак уважения к себе, знак того, что к ней относятся как к равной. Ту же самую знаковую ситуацию можно было бы описать с помощью предиката означивания «to be a sign», проведя следующую трансформацию:

(196) The fact that Mrs Barry had the very best china set out for Anne *was a sign* that Anne was real company [25, p.74].

(197) Noose cocked his head sideways *as if* hard of hearing [15, p.68].

В данном случае сторонний наблюдатель описывает действия судьи Нуза. Движение его головы воспринимается как знак того, что он не расслышал реплику собеседника.

(198) The Ford County courthouse was well into its second century, built after the Yankees burned the first one. It defiantly faced South, *as if* telling those from the North to politely and eternally kiss its ass [15, p.21].

Расположение здания Окружного суда, а именно тот факт, что главный вход в здание находился с южной стороны, а его задняя часть смотрела на север, воспринимается рассказчиком (а вместе с ним и всеми жителями данного штата) как знак пренебрежения к северянам. Вполне возможно, что данный знак был сознательно создан проектировщикам и здания.

Приведенные примеры показывают, что СПП с *as if*-придаточными наряду с традиционно отображаемыми ими отношениями сравнения могут описывать и знаковые ситуации. Подобное их употребление может стать предметом отдельного исследования.

Таким образом, как мы видим, отношение означивания оказывается тесно связанным с целым рядом других смысловых отношений. Причем в число этих СО входят как отношения с предметной ориентацией (называния, классификационные, так и СО причинно-временного характера (причинно-следственные, условные). Отношение означивания совмещается как с СО,

существующими непосредственно в объективной действительности, так и с теми СО, которые являются результатом категоризирующей, обобщающей мыслительной деятельности человека. Такое тесное взаимодействие отношения означивания с разнородными, разнорядковыми СО свидетельствует о его универсальности, о его всепроникающем характере, иначе говоря, является ярким подтверждением той важной роли, которую играет данное отношение в жизни человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог анализу, проделанному в данном исследовании, мы полагаем необходимым выделить следующие моменты.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Картина мира, отображенная в сознании человека, есть «вторичное существование объективного мира, укрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык» [Колшанский 1990: 15]. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен. В универсальной языковой картине мира человек мыслится прежде всего как динамичное, деятельное существо, выполняющее три различных типа действий – физические, интеллектуальные (ментальные) и речевые [Апресян 1995: 39].

Особой составляющей ментальной деятельности человека является его знаковая деятельность. Человек – не только *Homo sapiens*, *Homo loquens*, он еще и «*Homo Significantus*», т.е. «Человек Означающий, Создающий знаки». Любая человеческая деятельность связана с интерпретацией знаков. «Соотнося в интерпретативном дискурсе означаемое и означающее, мы употребляем знаки о знаках для понимания других знаков» [Портнов 1994: 222]. По выражению У.Эко, мир вообще, не только социокультурный, но и природный тоже, «дан нам в тех или иных знаках» [Эко 1977: 83]. Эта семиотичность явлена в нескольких ипостасях: как знаковый момент внешнего мира, как знаковость социальных ролей и отношений и происходящая из этого знакового поведения, одежды, среды обитания человека, как многочисленные знаковые системы, так или иначе связанные с национальным языком, и, наконец, как сам «естественный язык» во всем богатстве его значений и уровней их организации.

Часто этот знаковый момент уходит на периферию сознания. «Не все знаковое постоянно находится в светлой точке сознания» [Трубецкой 1994: 547]. Но, тем не менее,

человек знает, что он создает и осмысливает знаки. Он имеет представление о знаковой ситуации, обладает соответствующими лексическими средствами и имеет представление о том, как строятся конструкции, организованные предикатами со значением «быть знаком», «значить». Осуществляя акты знакоприсвоения, человек опирается на соответствующий фрейм, в котором зафиксированы его знания о структуре знаковой ситуации и акте означивания.

В данном исследовании были рассмотрены средства выражения отношения означивания, сложившиеся в естественном английском языке. Анализ осуществлен по данным обыденного употребления общесемиотических слов, раскрывающего процессы образования концептов в стихии социальной и коммуникативной практики. Указанные средства рассматривались с трех сторон, в соответствии с тремя основными сферами семиотики, выделенными Ч. Моррисом: с точки зрения семантики, синтактики и прагматики.

Таким образом, в лингвистическом плане анализируемый материал интересен тем, что он показывает, что можно узнать из повседневного обыденного разговора людей об опыте означивания: *что* человек знает и думает об этом виде своей деятельности.

Мы полностью согласны с теми исследователями, которые считают, что если уж допускается существование «биосемиотики» [Степанов 1971] или «зоосемиотики» [Sebeok 1972], то тем более оправдано выделение сферы собственно знакового уровня информационных средств в человеческой коммуникации, т.е. сферы, которую естественно было бы назвать «антропосемиотикой» [Чертов 1993: 202]. В рамках «антропосемиотики» — науки, изучающей жизнь знаков в жизни общества, — лингвистические исследования могли бы занять одно из ведущих мест.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамян Л.А.** Гносеологический анализ основных понятий семиотики: дисс. ... д-ра. филос. наук. Ереван, 1967.
- Аверинцев С.С.** Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Сов. энцикл. С.826—831.
- Авилова Н.С.** Вид и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976.
- Агамджанова В.И.** Фрейм как актуализирующий контекст // Вопр. английской контекстологии: межвуз. сб. / ред. М.А. Кашеева. СПб: Изд-во СПбУ, 1996. Вып. 4. С. 3—7.
- Адмони В.Г.** Синтаксическая семантика — это семантика синтаксических структур // Проблемы синтаксической семантики. М., 1976. С. 26—39.
- Александрова З.Е.** Словарь синонимов русского языка. М., 1986.
- Алексеева А.Я.** Функциональная корреляция глагол-имя во французском языке. Кишинев: Штиинца, 1981.
- Андреева Г.М.** Социальная психология. М., 1980.
- Апресян Ю.Д.** Опыт описания значений глаголов по их синтаксическим признакам // Вопр. языкознания. 1965, № 5. С. 28—41.
- Апресян Ю.Д.** Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
- Апресян Ю.Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Вопросы языкознания, 1995. № 1. С. 37—67.
- Арутюнова Н.Д.** Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 73—92.
- Арутюнова Н.Д.** Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Арутюнова Н.Д.** К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С.156—249.
- Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.И.** Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Арутюнова Н.Д.** Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 414—416.

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5—32.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека (язык, семиотика, культура). М., 1999.

Баракина И.В. Семантико-прагматические характеристики эгоцентрических высказываний: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997.

Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С.114—163.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. / общ. ред. Ю.С. Степанова. М., Екатеринбург, 2001. С. 327—371.

Белецкий А.А. Естественный язык и знаковые системы // Структурная и математическая лингвистика: межведомственный научный сб. Киев, 1976. №4. С. 3—10.

Белозерова И.Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Бернс Р. Я-концепция и воспитание. М., 1986.

Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения. М.: Педагогика, 1979.

Блумфилд Л. Язык. М., 1968.

Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.

Богданов В.В. Методология современных исследований в области синтаксической семантики // Предложение: структура и семантика. Саранск, 1984. С. 4—11.

Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, Ленинград. отделение, 1967.

Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998.

Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.

Булыгина Т.В. Особенности структурной организации языка как знаковой системы и методы ее исследования // Материалы к конф. «Язык как система особого рода». М., 1967. С. 45—57.

Булыгина Т.В. Язык в сопоставлении со знаковыми системами иных типов // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. С. 140—170.

Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982.

Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в английском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975.

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.

Валлон А. Психическое развитие ребенка. М.: Прогресс, 1967.

Вартазарян С.Р. От знака к образу. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973.

Варшавская А.И. О совмещении значений в синтаксических формах (на материале английского языка) // Вестн. ЛГУ, 1979. Вып. 1, № 2. С. 97—101.

Варшавская А.И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.

Варшавская А.И., Карташкова Ф.И., Кузьмина Т.Е., Сафронова Т.Н. Естественноречевое обеспечение процедуры классификации (на материале современного английского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

Варшавская А.И. Смысл высказываний и высказывания о смысле // Актуализация предложения. СПб.: Изд-во СПбУ, 1997. Т. 1. С. 187—225.

Варшавская А.И., Карташкова Ф.Н. Связочная модель предложения с релятивными существительными и ее варианты // Там же. Т.2. С. 58—74.

Варшавская А.И. Языковые единицы и отношения совместности. СПб.: Изд-во СПбУ, 2008.

Васильев Л.М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971.

Вендлер З. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 67—86.

- Ветров А.А.** Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968.
- Вилюман В.Г.** Английская синонимика. М., 1980.
- Виноград Т.** Программа, понимающая естественный язык. М., 1976.
- Виноградов В.В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., Учпедгиз, 1947.
- Вольф Е.М.** Грамматика и семантика местоимений. На материале иберо-романских языков. М., 1974.
- Вольф Е.М.** Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вольф Е.М.** Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо» // Вопр. языкознания. 1986. № 5. С. 24—34.
- Вольф Е.М.** Грамматика и семантика прилагательного. М.: Наука, 1978.
- Выготский Л.С.** Развитие высших психических функций. М., 1960.
- Выготский Л.С.** Собр. соч.: в 6 т. М.: Педагогика, 1982—1984.
- Гадамер.** Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
- Гайсина Р.М.** Общая характеристика лексико-семантического поля глаголов отношения // Исследования по семантике. Уфа, 1975. С.29—37.
- Гайсина Р.М.** Синтаксическая характеристика глаголов отношения // Синтаксис и интонация. Уфа, 1976. С.43—56.
- Гайсина Р.М.** Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.
- Гайсина Р.М.** Сема «отношение» и способы ее представления на разных уровнях языка // Научн. докл. высш. школы. Филол. науки. 1981. № 5. С. 56—61.
- Гайсина Р.М.** Лексико-семантическое поле отношения в современном русском языке: автореф. дис.... д-ра. филол. наук. Л., 1982.
- Гайсина Р.М.** Структура и семантика реляционных предложений в современном русском языке // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 20—23.
- Гак В.Г.** К проблеме соотношения языка и действительности // Вопр. языкознания. 1972. № 5. С. 76—82.
- Гак В.Г.** Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики / отв. ред. С.К. Шаумян. М., 1973. С. 53—60.

- Гальперин П.Я.** Введение в психологию. М.: Изд-во МГУ, 1976.
- Гальперин И.Р.** Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1984.
- Гамезо М.В.** Знаки и знаковое моделирование в познавательной деятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1977.
- Гамезо М.В., Ломов Б.Ф., Рубахин В.Ф.** Психологические аспекты методологии и общей теории знаков и знаковых систем // Психологические проблемы переработки знаковой информации. М., 1977. С. 22—29.
- Гаузенблз К.** О характеристике и классификации речевых произведений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста / отв. ред. Т.М. Николаева. М., 1978. С. 51—65.
- Гегель Г.В.** Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1. 301с.
- Гегель Г.В.** Философия духа // Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 43—57.
- Гельберт К., Кун Г.** История эстетики. М.: Иностран. лит., 1960.
- Глотова Г.А.** Человек и знак. Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.
- Гончаренко В.В., Шингарева Е.А.** Фреймы для распознавания смысла текста. Кишинев: Штиинца, 1984.
- Горелов И.Н.** Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980.
- Горский Д.П.** и др. Краткий словарь по логике. М., 1991.
- Греймас А.Ж., Курте Ж.** Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С.483—550.
- Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / под ред. Г.В.Рамишвили. М., 1984.
- Гуссерль Э.** Логические исследования. Ч.1: Прологомены к чистой логике. СПб, 1909.
- Давыдов В.В.** Проблемы развивающего обучения. М., 1986.
- Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981.

Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып.8. С.259—336.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопр. языкознания. 1983. № 6. С. 64—67.

Доннелан К.С. Референция и определенные дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. М.: Радуга. 1984. С.134—160.

Дорошевский В. Знак и означаемое (десигнат) // Вопр. языкознания, 1963. № 5. С. 15—20.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973.

Ельмслёв Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.: Иностран. лит., 1973. Вып.1. С.264—389.

Журавская О.А. Метаязык «наивного лингвиста» в описании речевой деятельности (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 1998.

Звегинцев В.А. Предложение в его отношении к языку и речи. М., 1976.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса современного русского языка. М., 1973.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982.

Ибраев Л.И. Надзнаковость языка. К проблеме отношения семиотики и лингвистики // Вопр. языкознания, 1981, № 1. С. 25—32.

Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.

Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Искусство и коммунистический идеал. М., 1984. С. 34—39.

Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. Л.: Просвещение, 1971.

Иофик Е.Я. Обязательная валентность существительных в современном английском языке // Некоторые проблемы английской и немецкой филологии: материалы 2-й науч. конф.. Владивосток, 1972. Вып. 3. С.3—10.

Иртеньева Н.Ф. О глубинных синтаксических связях в предложении в английском языке // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1971. Т. 416. С. 3—28.

Иртеньева Н.Ф. Логико-семантическая классификация существительных в английском языке и ее синтаксическая релевантность // Проблемы грамматики и стилистики современного английского языка. М.: Изд-во МГПИ им. В.И. Ленина, 1973. С.3–38.

Исенина Е.И. Дословесный период развития речи у детей. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1986.

Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т.4, ч.1.

Карташкова Ф.И. Функционирование в тексте слов неполной номинации (на материале английских существительных типа kind, fact): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1979.

Карташкова Ф.И. Конструкции с валентными существительными в английском языке. Иваново, 1995.

Карцевский С. Об асимметрическом диализме лингвистического знака // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях / отв. ред. А.Н.Реформатский. М., 1965. Ч.2.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кларк Е.В. Универсальные категории: о семиотике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми // Психолингвистика. / сост. А.М. Шахнарович. М.: Прогресс, 1984. С. 221—240.

Коваль С.А. Роль реляционных существительных в построении словосочетаний и предложений (на материале русского и английского языков): дисс. канд. филол. наук. Л., 1990.

Кожокина А.В. Синкретизм выражения причинно-следственного и знакового отношений (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Колосова Т.А. Семантические отношения в сложных предложениях // Филологические науки. 1972. № 5. С.59—62.

Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.

Коршунов А., Мантатов В.В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М., 1974.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Кузнецова Э.В. Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопр. металингвистики. Изд-во ЛГУ, 1973. С. 33—42.

Кузьменко-Наумова О.Д. Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. Куйбышев, 1980.

Кузьмина Т.Е. Конструкции с именами отношения сходства и различия: автореф. ... канд. филол.наук. Л., 1982.

Кузьмина Т.Е. Отношения сходства и различия, сравнения // Естественноречевое обеспечение процедуры классификации. Л., 1991. С.22—46.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988.

Лебедев В.А. Обязательная валентность существительного английского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.

Леви-Стросс К. Мифологические. Сырое и вареное. // Семиотика и искусствоведение. М.: Мир, 1972.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983.

Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965.

Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982.

Лосев А.Ф. Философия имени. М. 1990.

Лосев А.Ф. Логика символа // Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 238—249.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Диалектика. М., 1992.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство-СПБ, 2000.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979.

Мантатов В.В. Образ, знак, условность. М.: Высш. Шк., 1980.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Иностран. лит. 1979. Вып. 3. С.366—566.

Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М.: Советское радио, 1978.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Мойсейчук А.М. К семантической классификации глаголов отношения // Вопр. романо-германской и славянской филологии. Минск, 1971. С. 26—34.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. М., Екатеринбург, 2000. С. 45—98.

Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.

Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988.

Новикова Н.Н. Синсемантия существительных и именное словосложение в современном немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978.

Общение. Текст. Высказывание. М.: Наука, 1989.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып.17. С.22—130.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.

Панов Е.Н. Знаки, символы, языки. М.: Знание, 1983.

Парти Б.Х. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Семиотика / под ред. Ю.С.Степанова. М., Екатеринбург, 2001. С.304—326.

Петрова Л.В. Конструкции со значением названия: дисс... канд. филол. наук. Л., 1986.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М. – Л., 1932.

Пиаже Ж. Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 325—335.

Пиаже Ж. Теория Пиаже // История зарубежной психологии (30е – 60е годы XX века). Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1986. С.232—292.

Пиотровский Р.Г. Текст. Машина. Человек. Л.: Наука, 1975.

Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики» // Семиотика. М., Екатеринбург, 2000. С.165—226.

- Полторацкий А.Ф., Швырев В.С.** Знак и деятельность. М.: Политиздат, 1970.
- Портнов А.Н.** Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в филологии XIX–XX вв. Иваново, 1994.
- Почепцов Г.Г.** Синтагматика английского слова. Киев, 1976.
- Прибрам Л.** Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.
- Ревзин И.И.** Современная структурная лингвистика. М., 1977.
- Резников Л.О.** Гносеологические вопросы семиотики. Л., 1964.
- Рубашова Л.М.** Реляционные предложения в современном английском языке. Киев, 1985.
- Рубинштейн С.Л.** Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Салмина Н.Г.** Знак и символ в обучении. М.: Изд-во МГУ, 1988.
- Сафронова Т.Н.** Отношения классификации и способы их передачи в современном английском языке: автореф ... дис. канд. филол. наук. Л., 1986.
- Свидерский В.И., Зобов Р.А.** Отношение как категория материальной диалектики // Вопр. филос. 1979. № 1. С. 88–95.
- Семантические типы предикатов** / под ред. О.Н. Селиверстовой. М.: Наука, 1982.
- Семиотика: Антология** / сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
- Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс – Универс, 1993.
- Серль Дж.** Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / общ. ред. Д.П.Горского и В.В.Петрова. М., 1978. С. 37–48.
- Серль Дж.** Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Н.Д.Арутюновой. М., 1982. С.179–202.
- Сильницкий Г.Г.** Семантические и валентностные классы английских каузативных глаголов: автореф. дис. ... докт. филол. наук, Л., 1974.
- Сильницкий Г.Г.** Семантические классы глаголов в английском языке. Смоленск, 1986.

- Слюсарева Н.А.** Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1963. С.185–208.
- Слюсарева Н.А.** О знаковой ситуации // Язык и мышление. М., 1967.
- Слюсарева Н.А.** Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981.
- Смирнов С.Д.** Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
- Соссюр Ф. де.** Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Стросон П.Ф.** О референции. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика. Проблемы референции / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1982. С. 145–158.
- Степанов Ю.С.** Семиотика. М.: Наука, 1971.
- Степанов Ю.С.** Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975.
- Степанов Ю.С.** Имена. Предикаты. Предложения. М., 1981.
- Степанова М.Д.** Теория валентности и валентный анализ. М., 1973.
- Супрун А.Е.** Грамматика и семантика простого предложения. М.: Наука, 1977.
- Сусов И.П.** Семантическая структура предложения. Тула, 1973.
- Сусов И.П.** Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: процессы и единицы / под ред. И.П.Сусова. Калинин, 1988. С.7–13.
- Тодоров У.** Поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1986 . С.37–113.
- Толмачев В.И.** Методологические проблемы формирования лингвистической семиотики. Алма-Ата, 1988.
- Торопова Н.А.** Фреймы, смысл, оценка (на материале немецкого языка) // Высказывание и его аспекты. Иваново, 1991. С. 56–61.
- Трубецкой С.Н.** О природе человеческого сознания. М., 1994.
- Тулина Т.А.** Функциональная типология словосочетаний. Киев – Одесса, 1976.
- Тюхтин В.С.** Категории «форма» и «содержание» и их анализ // Вопр. философии, №10, 1971. С. 78–89.

- Тутушкина М.К.** Психологические основы кодирования зрительной информации для человека-оператора: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. Л., 1982.
- Уваров Л.В.** Образ, символ, знак. Минск, 1967.
- Уемов А.И.** Вещи, свойства, отношения. Москва, 1963.
- Уфимцева А.А.** Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974.
- Уфимцева А.А.** Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 58—76.
- Уфимцева А.А.** Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988. С.108—140.
- Филатова М.В.** Валентностные характеристики параметрических существительных современного английского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 1998.
- Филичева Н.И.** О словосочетаниях в современном немецком языке. М., 1969.
- Филичева Н.И.** Синтаксические поля. М., 1977.
- Филлмор Ч.** Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10. С. 369—495.
- Филлмор Ч.** Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып.12 / отв. ред. Б.Ю.Городецкий. С.74—121.
- Филлмор Ч.** Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: когнитивные аспекты. М., 1988. Вып. 18. С.52—92.
- Философская энциклопедия.** М.: Сов. энцикл., 1962. Т.1—2.
- Философский энциклопедический словарь** / под ред. Л.Ф. Ильичева. М.: Сов. энцикл., 1983.
- Фреге Г.** Смысл и денотат. / Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8. С.181—210.
- Хельбиг.** Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978.
- Хомский Н.** О понятии «правило грамматики» // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1965. Вып. 4. С.34—65.

Храковский В.С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / отв. ред. В.С.Храковский. М., 1998. С. 52—68.

Хэр Р.М. Дескрипция и оценка // ЖЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Чертов Л.Ф. Знаковость. Опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1993.

Шафф А. Введение в семантику. М., 1963.

Шахнарович А.М. Общение «человек – ЭВМ»: проблемы семантики // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. М.: Наука, 1989. С.50—58.

Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984.

Шингарева Е.А. Семиотические основы лингвистической информатики. Л., 1987.

Шрейдер Ю.А. Логика знаковых систем (элементы семиотики). М., 1974.

Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика: антология / сост. Ю.С.Степанов. Изд.2-е. М., Екатеринбург, 2001. С.111—129.

Admoni W. Der deutsche Sprache. Leningrad, 1972.

Alston W.P. Philosophy of Language. Engelwood Cliffs, N.Y., Prantice Hall/ 1964.

Antal L. The questions of meaning. The Hague, 1963.

Argyle M. Bodily Communication. N.Y., 1977.

Austin J. Philosophical papers / Oxford UP, L., 1970.

Bally Ch. Qu'est-ce qu'un Signe? // Journal de Psychology. 1939. P. 161—174.

Bally Ch. Sur la motivation des signe linguistique // Bull de la Soc. De Linguist. De Paris. XLI, I. 1940. P.75—88.

Bierwisch M. On classifying semantic features // Progress in linguistics / ed. by M. Bierwisch and K. Heidolph. The Hague: Paris: Mouton, 1970. P. 27—50.

Bondzio W. Valenz, Bedeutung und Satzmodelle // Beiträge zur Valenz. Halle (Saale), 1971, S. 85—103.

Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Dusseldorf, 1962.

- Bruner J., Vygotsky.** A historical and conceptual perspective // Culture and communication: Vygotskian perspectives / ed. by J.V. Wertsch. Cambridge, 1985.
- Bühler K.** Sprachtheorie. Jena: Fischer, 1934.
- Bühler K.** Theory of language. Amsterdam, 1990.
- Burks A.W.** Icon, Index and Symbol // Philosophy and Phenomenological Research., June, 1949. Vol. IX. P. 32—49.
- Cassirer E.** Philosophie der symbolischen Formen. Berlin, 1923, 1925, 1929.
- Chomsky N.** Human language and other semiotic systems // Semiotica. The Hague, 1979. Vol.25. P.31—44.
- Clark E.V.** Universal Categories: on the semantics of the Classifiers and Children's Early Word Meanings // Linguistische Jorschungen. Wiesbaden, 1979. Bd 27. S. 253—267.
- Davis E.** The English Imperative. London, 1986.
- Eco U.** Introduction to a Semiotics of Iconic Signs // Quaderni di Studi semiotici. 1972. № 2. P.1—15.
- Eco U.** A Theory of Semiotics. London, 1977.
- Eco U.** Semiotics: A discipline or an interdisciplinary method? // Sight, sound and sense. / ed. by Th. Sebeok. Bloomington; L., 1978. P.81— 83.
- Eco U.** Horns, hooves, insteps: Some hypothesis on three types of abduction. // The sign of three: Dupin, Holmes, Peirce / ed. by Th. A. Sebeok, U. Eco. Bloomington, 1983.
- Eco U.** Semiotik und Philosophie der Sprache. München, 1985. S. 66—76.
- Ekman P.** Facial signs: Facts, Fantasies, and Possibilities // Sebeok T.A. (ed): Sight, Sound, and Sense. Bloomington, L.: Indiana University Press, 1978. P. 124—157.
- Erben J.** Abriss der deutschen grammatik. Berlin, 1964.
- Gardiner A.** The Theory of Speech and Language. Oxford, 1951.
- Helbig G.** Zur Valenz verschiedener Wort Klassen // Deutsch als Fremdsprache, 1976. № 3. S. 131—146.
- Herber I.G.** Piastik // Herders Werke in fünf Bänden. Dritter Band. Weimar. Volksverlag. S.73—154.
- Husserl E.** Logische unttersuchungen. Halle, 1922. Bd. II.
- Jakobson R.** Quest for the Essence of Language // Diogenes. 1965. № 51. P. 21—37.

- Jakobson R.** Language in Relation to Other Communication Systems. Milano: Ed. di Comunita, 1970. P. 3–16.
- Johnson E.S.** Theory and Practice of the Social Studies. N.Y., 1956.
- Klaus G.** Semiotik und Erkenntnistheorie. Aufl. Berlin, 1969.
- Lotman Yu., Uspenskij B.** (eds.) Ricerche semiotiche: Nuove tendenze delle scienze umane nell'URSS. Torino: Einaudi, 1973.
- Meletinsky E. and Segal D.** Structuralism and Semiotics in the USSR // Structuralism Around the World / ed. by T.A. Sebeok, 1976.
- Morris Ch.** Writings on the General Theory of Signs (Approaches to Semiotics). The Hague; Paris, 1971.
- Morris Ch.** Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science. Chicago: Chicago Univ. Press, 1971. P. 77–138.
- Ogden C.K. and Richards J.A.** The Meaning of Meaning. London, 1953.
- Peirce Ch.S.** Logic as Semiotic: The Theory of Signs // Philosophical Writings of Peirce. N. Y., 1955.
- Peirce Ch.S.** Collected Papers of Charles Sanders Peirce. 6 vols. / ed. by Charles Hartstorne et al. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965–66.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.** A Grammar of Contemporary English. L., 1982.
- Revzina O. G.** The Fourth Summer School on Secondary Modeling Systems. Tartu, 17 – 24 August 1970 // Semiotica 6. P. 222–243.
- Robert D.** The Existential Graphs of Charles S. Pierce. The Hague: Mouton, 1973.
- Sanders G.** Peirce's Sixty – Six Signs? // Transactions of the Charles S. Peirce Society. 1970. № 6. P. 3–16.
- Sandmann M.** Subject and Predicate. Edinburgh, 1954. P. 47–57.
- Sapir Ed.** Culture, Language and Personality. Selected essays / ed. by David G. Mandelbaum. University of California press. Berkley and Los Angeles. 1966.
- Searle J.** Speech Acts. Cambridge Univ. Press, 1969.
- Sebeok T.A.** Perspectives in Zoosemiotics. The Hague, 1972.
- Sebeok T.A.** Problems in the Classification of Signs // Studies for Einar Hangen. The Hague, 1972. P.511–521.

- Sebeok T.A.** Six Species of Signs. Some propositions and structures // *Semiotica*. The Hague. 1975. Vol.13, № 3—4, Mouton Publishers. P. 233—261.
- Sommerfeldt K.E., Schreiber H.** Zu einem Wörterbuch der Substantive // *Deutsch als Fremdsprache*, 1975. № 2. S. 68—85.
- Sprang-Hanssen H.** Recent Theories on the Nature of the Language Sign // *TCLC*. 1954. № 9. P. 41—54.
- Srensen B.A.** Symbol und Symbolismus in den ästhetischen Theorien des XVIII Jahrhunderts und deutschen Romantik. Kopenhagen. 1963.
- Ullmann S.** Semantics. An Introduction to the science of Meaning. N. Y., 1962.
- Valesio P.** Icons and Patterns in the Structure of Language// *ACTL* 1969. P. 383—387.
- Wallis M.** On Iconic Signs // *Recherches sur les systemes signifiants* / ed. by Josette Rey-Debore. The Hague: Mouton, 1973. P.481—498.
- Weiss P. and Burks A.** Peirce's Sixty-Six Signs // *Journal of Philosophy*. 1945. № 42. P. 383—388.
- Wescott R.W.** Linguistic Iconism // *Language*. 1971. № 47. P. 416—428.
- Wright G.H. von.** The varieties of goodness. N.Y.; L., 1963.
- Zeman J.J.** The Graphical Logic of C.S. Peirce. University of Chicago press, 1964.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Atwood M. Bodily Harm. Toronto, 1984.
2. Bach R. Jonathan Livingston Seagull. St.Petersburg: Azbooka Publishing House, 2000.
3. Braine J. Room at the Top. Moscow, 1961.
4. Capote T. The Grass Harp and A Tree of Night and other stories. N.Y.: The New American library, 1951.
5. Collins J. The World is Full of Divorced Women. N.Y.: Warner Books, 1991.
6. Crichton M. Timeline. N.Y.: Ballantine Books, 2000.
7. Crichton M. Congo. N.Y.: Ballantine Books, 1995.
8. Christie A. Selected detective stories. Moscow, 1974.
9. Cusack D. Say No to Death. Moscow: Progress Publishers, 1976.
10. Fairy Tales by American Writers. Moscow: Raduga Publishers, 1990.
11. Fowles J. The Collector. L., 1986.
12. Fowles J. The Magus. N.Y., 1978.
13. Golding W. Lord of Flies. Moscow: Progress Publishers, 1982.
14. Green G. The Quiet American. Moscow, 1968.
15. Grisham J. A Time to Kill. N.Y.: Island Books, 1992.
16. Hailey A. The Final Diagnosis. Leningrad, 1978.
17. Hemingway E. To Have and Have Not. Moscow, 1979.
18. Huxley A. Crome Yellow. Moscow, 1979.
19. Leech G.N. Principles of Pragmatics. L. and N. Y.: Longman, 1983.
20. Maugham S. The Painted Veil. Moscow, 1981.
21. Maugham S. Cakes and Ale. Moscow, 1980.
22. Maugham S. The Moon and Sixpence. Moscow, 1972.
23. Maugham S. Stories. Leningrad, 1976.
24. Miller H. Plexus. L., 1967.
25. Montgomery L.M. Anne of Green Gables. N.Y.: Bantam Books, 1984.
26. Murdoch I. Bruno's Dream. L.: Triad Panther Books, 1977.
27. Murdoch I. The Flight from the Enchanter. L., 1976.
28. Murdoch I. The Severed Head. L., 1966.
29. Murdoch I. The Sandcastle. Leningrad, 1975.
30. Murdoch I. A Word Child. Triad Panther, 1976.
31. Murdoch I. Time of Angels. L.: Penguin Books, 1987.

32. Priestley J.B. *Dangerous Corner and Other Plays*. M.: Высш. шк., 1989.
33. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Grammar of Contemporary English*. L.: Longman Group Lmt, 1982.
34. Shaw I. *Two Weeks in Another Town*. London: New English Library, 1988.
35. Shaw I. *God was here but He left early*. L. and Sidney: Pan Books, 1978.
36. Shaw I. *Lucy Crown*. L.: New English Library, 1988.
37. Shaw I. *Evening in Byzantium*. N.Y.: Dell Publishing Co., 1980.
38. Shaw I. *Bread upon the waters*. N.Y.: Dell Publishing Co., 1986.
39. Shaw I. *Acceptable Losses*. N.Y.: Aron Books, 1983.
40. Silverberg R. *Downward to the Earth*. N.Y., 1988.
41. Stout R. *Before Midnight*. L., 1956.
42. *Tomorrow, tomorrow and so forth*. Moscow, 1982.
43. *Twentieth Century American Short Stories / ed. by McConoche J.A.* Moscow, 1979.
44. Tyler A. *Saint Maybe*. N.Y.: Ivy Books, 1992.
45. Waugh E. *Prose. Memoirs. Essays*. Moscow: Progress Publishers, 1980.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Chamber's Twentieth Century Dictionary / ed. by A.M. Macdonald. Edinburgh: chambers, 1976.
2. Collins New English Dictionary / ed. by Alexander H. Irvine. L., 1956.
3. The Concise Oxford Dictionary of Current English / ed. by Fowler H. Seventh edition. Oxford Univ. press, 1982.
4. Funk, Wagnalls. Standard Desk Dictionary. N.Y., 1977.
5. Funk, Wagnalls. Standard Dictionary of the English Language. International edition. N.Y., 1963.
6. Longman Dictionary of American English. N.Y., 1983.
7. Longman Dictionary of Contemporary English. L., 1978.
8. The Nuttall Dictionary of English Synonyms and Antonyms / ed. by G.Elgie Christ. L.—N.Y., 1966.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English/ ed. by A.S.Hornby. Oxford Univ. press, 1978.
10. Oxford American Dictionary. N.Y.—Oxford, 1980.
11. The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1989.
12. Roget's Collegiate Thesaurus /ed. by Robert L.Chapman. 4th ed. N.Y.: Harper and Row, 1984.
13. Soule R. A Dictionary of English Synonymous Expressions. Toronto: Bantom Books, 1979.
14. Webster's Collegiate Thesaurus. Springfield—Merriam, 1976.
15. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N.Y.: Gramercy Books, 1996.
16. Webster's New Ideal Dictionary. Springfield—Merriam, 1968.

Научное издание

Кочкарева Ирина Витальевна

**ЗНАКОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ
В ЯЗЫКЕ**

монография

Редактор *Е.В. Шумилова*

Корректор *Е.К. Борисова*

Подписано в печать 12.11.2010. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 10,70. Тираж 100 экз. Заказ 470.

Редакционно-издательский отдел Пермского
государственного университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного университета
614990. Пермь, ул. Букирева, 15